

№ 3

2024

НАСЛЕДИЕ

ВЕКОВ

HERITAGE
OF CENTURIES

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ЮЖНОГО ФИЛИАЛА
ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

**СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ: УРОВНИ И ПРАКТИКИ**

ISSN 2412-9798

16+

№ 3
(39)

16+

K2

●
2024

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

HERITAGE
OF CENTURIES

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЮЖНОГО ФИЛИАЛА
ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

УЧРЕДИТЕЛИ:

ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»

АНО Центр духовного развития и патриотического воспитания «Родные традиции»

ИЗДАТЕЛЬ:

Южный филиал
ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»

Выходит 4 раза в год

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации:

ЭЛ № ФС 77 - 76198
от 19 июля 2019 г.

ISSN 2412-9798

Адрес редакции:

350063, г. Краснодар,
ул. Красная, д. 28, оф. 28
Тел. +7 (861) 268-22-98

E-mail:

heritage.krasnodar@gmail.com

Мнение авторов может
не совпадать с точкой зрения
редакции

Номер сверстан: 29.09.2024
Размещен в сети Интернет: 30.09.2024

Главный редактор:

ГОРЛОВА

Ирина Ивановна,
доктор философских наук,
профессор, директор
Южного филиала Института
Наследия

Заместитель главного редактора:

КОВАЛЕНКО

Тимофей Викторович,
кандидат философских наук,
заместитель директора
Южного филиала
Института Наследия

Выпускающий редактор:

КРЮКОВ

Анатолий Владимирович,
кандидат исторических
наук, ученый секретарь
Южного филиала Института
Наследия

Распоряжением Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. № 21-р электронный журнал «Наследие веков» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АБДУЛЛАЕВА

Рена Габиб кызы

доктор искусствоведения, профессор, заведующая отделом культурологии Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана, Баку, Азербайджанская Республика

АКАЕВ

Вахит Хумидович

доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела гуманитарных исследований Комплексного научно-исследовательского института имени Х. И. Ибрагимова РАН, действительный член Академии наук Чеченской Республики, Грозный, Российская Федерация

АЛЕКСЕЕВА

Галина Васильевна

доктор искусствоведения, профессор, руководитель образовательной программы «История искусств» школы искусств и гуманитарных наук департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Российская Федерация

АРАКЕЛОВА

Александра Олеговна

доктор искусствоведения, ректор Российской государственной академии интеллектуальной собственности, заслуженный работник культуры Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

БОЛААН

Маицео Мгадла

PhD в области истории, доцент кафедры истории гуманитарного факультета Университета Ботсваны, Габороне, Республика Ботсвана

ВЛАДИМИРСКИ

Ирена

PhD в области истории, профессор, заведующая кафедрой истории общественной мысли Академического колледжа Ахва, Ахва, Государство Израиль

ГАПУРОВ

Шахрудин Айдиевич

доктор исторических наук, профессор, Президент Академии наук Чеченской Республики, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Чеченского государственного университета, заслуженный деятель науки Чеченской Республики, Грозный, Российская Федерация

ЕГОРОВ

Владимир Константинович

доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник центра государственной службы и управления, заведующий кафедрой ЮНЕСКО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

ЕРЕМЕЕВА

Анна Натановна

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия, Краснодар, Российская Федерация

КИТОВ

Юрий Валентинович

доктор философских наук, профессор кафедры культурологии, заведующий кафедрой культурологии Московского государственного института культуры, Москва, Российская Федерация

КУДРЯВЦЕВ

Александр Абакарович

доктор исторических наук, профессор, кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Ставрополь, Российская Федерация

КУМАР

Капил

профессор истории, декан исторического факультета Высшей школы социальных наук Индийского национального открытого университета имени Индиры Ганди, директор Центра по исследованию борьбы за свободу, Нью-Дели, Республика Индия

КУПЦОВА

Ирина Валентиновна

доктор исторических наук, профессор кафедры регионального и муниципального управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

МАКГАЛА

Кристиан Джон

Ph. D. в области истории, профессор кафедры истории гуманитарного факультета исторического факультета Университета Ботсваны, Габороне, Республика Ботсвана

МАЛЫГИНА

Ирина Викторовна

доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой мировой культуры Московского государственного лингвистического университета, Москва, Российская Федерация

МАТВЕЕВ

Олег Владимирович

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры Кубанского казачьего хора, Краснодар, Российская Федерация

НЕРЕТИН

Олег Петрович

доктор экономических наук, директор Федерального института промышленной собственности, лауреат премии Правительства Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

НИСТОЦКАЯ

Марина Сергеевна

Ph. D. в области политологии, старший преподаватель кафедры политологии; научный сотрудник Института качества государственного управления Гётеборгского университета, Гётеборг, Королевство Швеция

ОРЛОВА

Надежда Хаджимерзановна

доктор философских наук, научный сотрудник Института философии Университета Зелена Гура, Зелена Гура, Республика Польша

ПАТИНЬО

Хуан Карлос

доктор экономических наук, профессор факультета политических и социальных наук Автономного Университета штата Мехико, Толука, Мексиканские Соединенные Штаты

ПРАБХАКАРА

Джантхьяло Рао

профессор лингвистики, директор Центра изучения иностранных языков Высшей школы гуманитарных наук Центрального университета Хайдерабада, Хайдарабад, Республика Индия

РАТУШНЯК

Валерий Николаевич

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Краснодар, Российская Федерация

РАХАЕВ

Анатолий Измаилович

доктор искусствоведения, профессор, ректор Северо-Кавказского государственного института искусств, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, кавалер Ордена Дружбы, Нальчик, Российская Федерация

РЫБАК

Кирилл Евгеньевич

доктор культурологии, ведущий научный сотрудник отдела государственной культурной политики Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Москва, Российская Федерация

САЛАМЗАДЕ

Эртегин

доктор искусствоведения, профессор, директор Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана, член-корреспондент Национальной академии наук Азербайджана, Баку, Азербайджанская Республика

СОКОЛОВА

Алла Николаевна

доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Краснодар, Российская Федерация

ШЛЫКОВА

Ольга Владимировна

доктор культурологии, профессор кафедры ЮНЕСКО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

NO.3
(39)

K2 2024

HERITAGE НАСЛЕДИЕ OF CENTURIES ВЕКОВ

THE ONLINE RESEARCH JOURNAL OF THE SOUTHERN BRANCH
OF THE INSTITUTE OF HERITAGE

FOUNDERS:

Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage

Autonomous Not-for-Profit
Organization Center for Intellectual
Development and Patriotic Education
“Native traditions”

PUBLISHER:

Southern Branch of the Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

Published four times a year

Mass Media Registration Certificate:

ЭЛ № ФС 77 - 76198

on July 19, 2019

ISSN 2412-9798

Editorial Office:

Address:

Office 5, 28 Krasnaya Street,
Krasnodar, Russia, 350063.

Telephone:

+7 (861) 268-22-98

E-mail:

heritage.krasnodar@gmail.com

The views expressed in the Journal
are those of the authors, and do not
necessarily coincide with those of the
Editors, the Editorial Board
or the Publications Council.

Imposed on 29 September 2024
Published online on 30 September 2024

Editor-in-Chief:

Irina I. **GORLOVA**

Dr. Sci. (Theory and History
of Culture), Prof., Director,
Southern Branch, Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

Deputy Editor-in-Chief:

Timofey V. **KOVALENKO**

Cand. Sci. (Theory and History
of Culture), Deputy Director,
Southern Branch, Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

Managing Editor:

Anatoly V. **KRYUKOV**

Cand. Sci. (National History),
Academic Secretary, Southern
Branch, Russian Research
Institute for Cultural and
Natural Heritage

**By Order of the Ministry of Science and Education
of the Russian Federation No. 21-r of 12 February
2019, the electronic scientific journal *Heritage of Cen-
turies* was included into the List of Reviewed Scientific
Journals in which main scientific results of disserta-
tions for obtaining candidate (Cand. Sci.) and doctoral
(Dr. Sci.) degrees should be published.**

PUBLICATIONS COUNCIL

Rena Habib gizi

ABDULLAYEVA

Dr. Sci. (Theory and History of Arts), Prof., Head, Department of Culturology, Institute of Architecture and Art, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Republic of Azerbaijan

Vakhit Kh.

AKAEV

Dr. Sci. (History of Philosophy), Prof., Chief Researcher, Department of Humanities, Complex Research Institute, Russian Academy of Sciences; Academician, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny, Russian Federation

Galina V.

ALEKSEEVA

Dr. Sci. (Musical Art), Prof., Head of the Educational Program "History of Art", School of Arts and Humanities, Department of Arts and Design, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

Aleksandra O.

ARAKELOVA

Dr. Sci. (Musical Art), Rector, Russian State Academy of Intellectual Property, Honoured Worker of Culture of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Maitseo M.M.

BOLAANE

PhD in History, Associate Professor in History, Faculty of Humanities, History Department, University of Botswana, Gaborone, Republic of Botswana

Vladimir K.

EGOROV

Dr. Sci. (Social Philosophy), Prof., Head, UNESCO Department; Chief Researcher, Center for Public Administration and Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

Anna N.

EREMEEVA

Dr. Sci. (National History), Prof., Chief Researcher, Department for Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Krasnodar, Russian Federation

Shakhrudin A.

GAPUROV

Dr. Sci. (National History), Prof., President, Academy of Sciences of the Chechen Republic; Head, Department of Modern and Contemporary History, Chechen State University, Honoured Worker of Science of the Chechen Republic, Grozny, Russian Federation

Yuri V.

KITOV

Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof., Head, Department of Cultural Studies, Moscow State Institute of Culture, Moscow, Russian Federation

Aleksandr A.	KUDRYAVTSEV	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of Foreign History, Political Science and International Relations, North Caucasus Federal University, Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Stavropol, Russian Federation
Kapil	KUMAR	Professor of History, Dean, Faculty of History, School of Social Sciences, Indira Gandhi National Open University (IGNOU); Director, Indira Gandhi Centre for Freedom Struggle Studies, New Dehli, Republic of India
Irina V.	KUPTSOVA	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of Regional and Municipal Management, Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Christian John	MAKGALA	MPhil & PhD in History, Associate Professor in History, Faculty of Humanities, History Department, University of Botswana, Gaborone, Republic of Botswana
Irina V.	MALYGINA	Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof., Head, Department of World Culture, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation
Oleg V.	MATVEEV	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of History of Russia, Kuban State University; Chief Researcher, Research Centre for Traditional Culture, The Kuban Cossack Choir, Krasnodar, Russian Federation
Oleg P.	NERETIN	Dr. Sci. (Economics and Economic Management), Director, Federal Institute of Industrial Property, Laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Marina S.	NISTOTSKAYA	PhD in Political Science, Senior Lecturer, Department of Political Science; Research Fellow, Quality of Government Institute, University of Gothenburg, Gothenburg, Kingdom of Sweden
Nadezhda Kh.	ORLOVA	Dr. Sci. (Religious Studies, Philosophical Anthropology, and Philosophy of Culture), Researcher, Institute of Philosophy, University of Zielona Góra, Zielona Góra, Republic of Poland
Juan Carlos	PATIÑO	Dr. of Economics, Prof., Faculty of Political and Social Sciences, Autonomous University of Mexico State, Toluca, United Mexican States
Jandhyala	PRABHAKARA RAO	Dr., Professor of Linguistics, Coordinator, Centre for Study of Foreign Languages, School of Humanities, University of Hyderabad, Hyderabad, Republic of India

Valeriy N.	RATUSHNYAK	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of History of Russia, Kuban State University, Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Krasnodar, Russian Federation
Anatoliy I.	RAKHAEV	Dr. Sci. (Musical Art), Prof., Rector, North Caucasus State Institute of Arts, Honored Worker of Arts of the Russian Federation, Cavalier of the Order of Friendship, Nalchik, Russian Federation
Kirill E.	RYBAK	Dr. Sci. (Museology, Conservation and Restoration of Historical and Cultural Objects), Leading Researcher, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Moscow, Russian Federation
Ertegin	SALAMZADE	Dr. Sci. (Theory and History of Arts), Prof., Director, Institute of Architecture and Arts, Azerbaijan National Academy of Sciences; Corresponding Member, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Republic of Azerbaijan
Olga V.	SHLYKOVA	Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof., UNESCO Department, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation
Alla N.	SOKOLOVA	Dr. Sci. (Musical Art), Prof., Leading Researcher, Department for the Study of Cultural Heritage and Expert Activities, Southern Branch, Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Krasnodar, Russian Federation
Irena	VLADIMIRSKY	Prof., PhD in History, Head, History Department, Achva Academic College, Achva, State of Israel

СОДЕРЖАНИЕ

**СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:
«СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ:
УРОВНИ И ПРАКТИКИ»
(РЕДАКТОР Т. В. КОВАЛЕНКО)**

ОТ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА	13
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ: УРОВНИ И ПРАКТИКИ	15
<i>Д. В. Цветков</i> Деятельность и научное наследие И. К. Россохина в контексте культурного взаимодействия России и Китая (30–60-е годы XVIII века)	15
<i>В. Ш. Жачемук</i> Региональное государственное радиовещание в практиках формирования полиэтничной социокультурной общности (на примере Республики Адыгея)	26
<i>А. Н. Соколова</i> Культурные практики курдов Адыгеи как ресурс формирования и сохранения этнической, региональной и общероссийской идентичностей	41
РАЗГОВОРЫ О ВАЖНОМ: КУЛЬТУРА, ЦЕННОСТИ, НАСЛЕДИЕ	50
Стать историком и оставаться им: практики профессионального пути исследователя казачества (беседа с Дмитрием Владимировичем Сенем)	50

АНТРОПОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ	76
<i>В. С. Слепокуров</i> Нормативные функции культуры в условиях ускорения социального времени	76
МИР ИСКУССТВА: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ	92
<i>Е. В. Быкова</i> Анна Ахматова и Марина Цветаева. Музыкальные диалоги и диссонансы	92
ЧЕЛОВЕК И ВРЕМЯ	104
<i>О. В. Ратушняк, Н. В. Евдошенко</i> Правовые основы создания и деятельности благотворительных организаций и обществ взаимопомощи русской эмиграции в Германии и Франции в 1919–1939 годах	104
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ	116
<i>С. Г. Батырева</i> К вопросу методологии изучения пластического фольклора ойратов и калмыков	116
<i>Р. А. Земко</i> Социокультурный контекст бардовского движения в Республике Крым на современном этапе	124

CONTENTS

THE THEME OF THE ISSUE:
"SOCIOCULTURAL INTERACTIONS
IN THE PAST AND PRESENT: LEVELS AND PRACTICES"
(EDITED BY TIMOFEY V. KOVALENKO)

FROM THE EDITORS	13
SOCIOCULTURAL INTERACTIONS IN THE PAST AND PRESENT: LEVELS AND PRACTICES	15
<i>Dmitry V. Tstvetkov</i> Illarion Rossokhin's Activities and Scientific Heritage in the Context of Cultural Interaction between Russia and China (1730s–1760s)	15
<i>Vyacheslav Sh. Zhachemuk</i> Regional State Radio Broadcasting in the Practices of Forming a Multiethnic Sociocultural Community (On the Example of the Republic of Adygea).....	26
<i>Alla N. Sokolova</i> Cultural Practices of the Kurds of Adygea as a Resource of the Formation and Preservation of Ethnic, Regional and all-Russian Identities	41
CONVERSATIONS ABOUT THE IMPORTANT: CULTURE, VALUES, HERITAGE	50
Becoming a Historian and Remaining One: Practices of the Professional Path of a Cossack Researcher (Interview with Dmitry Sen').....	50

ANTHROPOLOGY OF CULTURE	76
<i>Vitaly S. Slepokurov</i> Normative Functions of Culture in the Context of Social Time Acceleration	76
THE WORLD OF ART: HISTORY, THEORY, METHODOLOGY	92
<i>Elizaveta V. Bykova</i> Anna Akhmatova and Marina Tsvetaeva. Musical Dialogues and Dissonances	92
MAN AND TIME	104
<i>Oleg V. Ratushnyak, Natalia V. Evdoshenko</i> The Legal Basis for the Establishment and Operation of Charitable Organizations and Mutual Aid Societies of Russian Emigration in Germany and France in 1919–1939.....	104
REGIONAL HISTORICAL AND CULTURAL STUDIES	116
<i>Svetlana G. Batyreva</i> On the Methodology for Studying Plastic Folklore of Oirats and Kalmyks	116
<i>Rodimir A. Zemko</i> The Sociocultural Context of the Bardic Movement in the Republic of Crimea at the Present Stage	124

СПЕЦИАЛЬНАЯ РУБРИКА

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ: УРОВНИ И ПРАКТИКИ

SPECIAL SECTION
SOCIOCULTURAL INTERACTIONS
IN THE PAST AND PRESENT: LEVELS AND PRACTICES

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

FULL ARTICLE

ЦВЕТКОВ Дмитрий Владимирович
старший преподаватель кафедры иностранных языков и лингвистики
Санкт-Петербургского государственного института культуры,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
dmitry.tswetckov@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2017-5089

ВАК: 5.10.1.

DOI: 10.36343/SB.2024.39.3.001

Деятельность и научное наследие И. К. Россохина в контексте культурного взаимодействия России и Китая (30–60-е годы XVIII века)

Автор определяет значение деятельности первого русского синолога И. К. Россохина в культурных контактах России и Китая, а также в формировании образа Китая в России. Исследование построено на анализе письменных переводов китайских классических сочинений, выполненных И. К. Россохиным, большая часть которых существует в рукописных вариантах. Проанализирована переводческая деятельность И. К. Россохина, охарактеризовано содержание переведенных им текстов. Их корпус разделен автором на исторические сочинения и тексты философско-идеологического содержания. Подготовка переводов производилась в рамках государственного заказа, будучи нацелена на создание научных и других аналитических работ. Переводы текстов философско-идеологического характера делались в учебных целях. Установлено, что деятельность И. К. Россохина способствовала формированию в России представлений о Китае как о государстве с глубокой историей, самобытной культурой и развитой системой государственного управления.

Ключевые слова: Россия, Китай, И. К. Россохин, Г. Ф. Миллер, А. Л. Леонтьев, китаеведение, Петербургская академия наук, Русская духовная миссия в Пекине.

В условиях наблюдаемого роста влияния Китая на международной арене, затрагивающего в том числе и сферу культуры, представляется важным изучение письменного наследия китайской цивилизации. В данном случае речь идет не только об оригинальных текстах как таковых, но и об их переводах на другие языки и бытовании этих переводов за пределами Китая. Особенно это касается России, которую на протяжении долгого времени связывают тесные экономические, дипломатические и культурные контакты с Поднебесной, поэтому изучение этих связей и деятельности людей, способствовавших их установлению, обладает значительной актуальностью во все периоды истории взаимоотношений двух стран.

Илларион Калинович Россохин (Россохин) (1707 (1717?)–1767), переводчик с китайского и маньчжурского языков при Академии наук в Санкт-Петербурге, еще будучи учеником Русской духовной миссии в Пекине, стал одним из первых исследователей, познакомивших российскую интеллектуальную элиту с письменным наследием китайской цивилизации.

Биография И. К. Россохина стала объектом научных изысканий достаточно давно: наиболее информативные работы, раскрывающие отдельные ее вехи, начали появляться с середины XX в. Так, уже в 1945 г. вышла в свет статья В. П. Тарановича «Илларион Россохин и его труды по китаеведению», представлявшая собой достаточно развернутый (на фоне почти полуторавековой исследовательской лакуны) очерк деятельности первого русского китаеведа [24]. Общий научно-биографический характер имела и работа М. И. Радовского [19].

В сферу внимания востоковедов попадали и отдельные фрагменты профессиональной биографии И. К. Россохина, связанные с его переводами китайских и маньчжурских текстов и созданием учебных пособий. Такова, например, статья А. В. Стрениной (1950), посвященная совместной работе И. К. Россохина и А. Л. Леонтьева – переводу сочинения «Обстоятельное описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска, в осьми знаменах состоящего» [23]. Н. П. Ша-

стина (1953) исследовала рукопись перевода И. К. Россохиным текста «Истории о завоевании китайским ханом Канхием калкаского и элетского народа...» [29]. Очерк М. П. Волковой (1963) был посвящен первому учебнику русского языка для китайских учащихся, к которому И. К. Россохин имел непосредственное отношение [2]; В. С. Стариков (1961) обратился к изучению неопубликованной рукописи сочинения И. К. Россохина «Обстоятельное описание о разных китайских огненных фонтанах и ракетках», которое было проанализировано в аспекте истории науки и техники [22].

Помимо этих специальных работ отдельные сюжеты, связанные с биографией первого русского синолога, нашли свое отражение в научных исследованиях, посвященных, в частности, истории отечественного востоковедения в целом [21], истории христианства в Китае [4], деятельности Русской духовной миссии в Пекине [3] [5] [14], а также анализу источников по истории цинского Китая [15] и архивных материалов, иллюстрирующих развитие отечественного китаеведения [16].

На основании данного обзора работ можно сделать вывод о том, что переводческой деятельности И. К. Россохина посвящено мало специальных научных трудов, а упоминания о его вкладе в культурные связи между Россией и Китаем, как правило, ограничиваются лишь краткими сведениями, приводимыми в работах, исследующих историю российского китаеведения и различные аспекты взаимоотношений двух стран. Специальные научные труды, посвященные вкладу И. К. Россохина в культурные контакты России и Китая, отсутствуют, поэтому исследование роли И. К. Россохина в истории российско-китайских культурных связей вполне закономерно может вызвать научный интерес.

Данное исследование предпринимается с целью определить значение деятельности И. К. Россохина в становлении культурных контактов России и Китая, в частности, в формировании образа Поднебесной в России.

В основу научных изысканий легло изучение письменного наследия И. К. Россохина, прежде всего, выполненных им единолично или в сотрудничестве с учениками переводов с китайского и маньчжурского языков [1]

[6] [7] [11] [12] [13] [17] [18], а также русско-китайский словарь, подготовленный И. К. Россохиным [20]. Большинство этих текстов не было опубликовано, в настоящее время они хранятся в архивах академических учреждений России: Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН) и Научно-исследовательского отдела рукописей Библиотеки академии наук (НИОР БАН).

Важной частью корпуса материалов данного исследования явились труды членов Петербургской академии наук: Г. Ф. Миллера («История Сибири» [8], «Рассуждение о предприятии войны с китайцами, сочиненное в 1763 году коллежским советником и Академии наук профессором, бывшим действительным статским советником и кавалером Миллером» [10]) и «О посольстве в Китай, и именно о качествах посланника, о принадлежащих к его свите людях, о его отправлении и путешествии, и о его переговорах и переговорах»¹ [9]) и И. Э. Фишера («Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли Российским окружением» [25]). В основу данных трудов легли, в частности, сведения, почерпнутые их авторами из переводов, выполненных И. К. Россохиным.

Основу данного исследования составил комплекс методологических инструментов, главным из которых стал историко-системный метод, применяемый в сочетании с принципом историзма, кроме того, использованы элементы герменевтического анализа и отдельные приемы, свойственные биографическому методу.

В процессе исследования изучаются отдельные этапы биографии И. К. Россохина, производится анализ содержания выполненных им переводов, а его результаты встраиваются в общий историко-культурный контекст России XVIII в., благодаря чему выявляются мотивы создания переводов, а также их влияние на восприятие образа Китая в рассматри-

¹ Под названием «Рассуждение о посольстве в Китай, сочиненное в 1763 году коллежским советником и профессором Миллером» эта работа была включена Н. Н. Бантыш-Каменским в состав труда «Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами, с 1619 по 1792» (1792), опубликованного в 1882 г. [9] – *Прим. ред.*

ваемую эпоху. Для реализации представленного плана необходимо обратиться к участию И. К. Россохина в работе Второй Русской духовной миссии в Пекине, затем проанализировать его деятельность в Академии наук в качестве переводчика с китайского и маньчжурского языков, особенно в период, последовавший за реформированием Академии в 1747 г., одним из частных результатов которого стало усиление внимания к профессиональной деятельности переводчиков. Попутно следует охарактеризовать переводы восточных сочинений, выполненные И. К. Россохиным по поручению членов Академии. Важной частью исследования также станет рассмотрение текстов, переведенных И. К. Россохиным в коллаборации с учениками открытой им школы китайского и маньчжурского языков.

Представляется, что изучение научного наследия И. К. Россохина в аспектах, отраженных в настоящей работе, будет способствовать расширению представлений о культурных контактах Российской империи и Китая и об исторических предпосылках межкультурной коммуникации народов двух великих держав.

* * *

На протяжении всей истории Руси и России культурные связи с народами Востока (в частности, этносами Ближнего Востока, тюрками, монголами и др.) играли важную роль, оказывая существенное влияние на русскую ментальность и самосознание [26].

В начале XVIII в. активизировались внешнеполитические контакты с Китаем и другими странами Востока, прежде всего Индией и Ираном. Обусловлено это было необходимостью создания тыла на Востоке в контексте реформ Петра I. В 1700 г. императором был издан указ, поставивший установление связей со странами и народами Востока и изучение их языков на государственный уровень. В рамках исполнения этого указа в 1713 г. была учреждена Русская духовная миссия в Пекине [4, с. 50].

Она сыграла важную роль в истории культурных связей двух стран, а также в накоплении в России знаний о Китае. Миссия изначально должна была выполнять функции духовного центра для русских людей, прожи-

вающих в Цинском Китае, прежде всего, потомков албазинцев – казаков из Албазинского острога, перешедших в китайское подданство. Кроме того, в обязанности членов миссии входила прозелитская деятельность – обращение в православие народов, проживающих на территории Китая [4, с. 50]. Важнейшими условиями ведения проповеди православия стали знание языков этих народов, а также понимание их культурной специфики. Активно занимаясь изучением языков, истории и культур народов Китая, Русская духовная миссия в Пекине превратилась в крупный научный центр, участники которого заложили основы современных синологии, маньчжуроведения, монголоведения, тибетологии, санскритологии и других отраслей востоковедения. Миссия также выполняла функции дипломатического представительства России в империи Цин.

Илларион Калинович Россохин, ставший учеником Второй миссии (1729–1741), родился в селе Хилок неподалеку от Селенгинска и с 1725 по 1728 гг. обучался в школе монгольского языка при Иркутском Вознесенском монастыре. В 1729 г. вместе с другими учениками этой школы он был отправлен в Китай [21, с. 39].

За двенадцать лет жизни в Китае И. К. Россохин освоил китайский и маньчжурский языки и преподавал русский язык в школе для чиновников Лифаньюаня (Палата внешних сношений 理番院) – правительственного органа, ведавшего связями с иностранными государствами. Также И. К. Россохин работал переводчиком при Лифаньюане.

Таким образом, вести записи и заниматься переводами он начал еще в Китае. В НИОР БАН хранится текст «Школьные простые маньчжурского и китайского языков разговоры» [30]. Этот документ представляет собой учебник-разговорник, состоящий из 52 диалогов (статей), каждый из которых написан на китайском, маньчжурском и русском языках. Аналогичный принцип до настоящего времени используется во всех учебных пособиях по разговорному языку, в том числе по китайскому.

Также в Китае И. К. Россохиным была начата работа по составлению русско-китайского словаря, в настоящее время тоже хранящегося

в НИОР БАН. Данная рукопись представляет собой первый известный словарь китайского языка в России [20]. При детальном изучении рукописи обнаруживается, что, несмотря на в основном бессистемный характер записей, в словаре прослеживается тенденция к группированию слов по тематическому признаку. Например, в один ряд помещены обозначения природных явлений: роса, ветер, сияние, туман, гром и др. Также вместе идут части человеческого тела: голова, очи, уши, рот, руки, ноги и др. В одну категорию включены местоимения и вопросительные слова. Такой способ группировки характерен для так называемых «словарей категорий» (лэйшу 類書), широко использовавшихся в Китае на протяжении почти двух тысяч лет. Вероятно, что И. К. Россохин считал данный способ группировки слов наиболее удобным для изучающих язык. Это, кроме того, фактически первый русско-китайский словарь разговорного китайского языка, поскольку в нем фигурируют слова и выражения, употребляющиеся в разговорной речи и не характерные для китайского литературного языка взънянь [28].

Таким образом, И. К. Россохин заложил основы изучения в России китайского языка, как письменного, так и разговорного.

В Китае И. К. Россохиным была также начата работа по переводу масштабного труда «Обстоятельное описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска, в осьми знаменах состоящего» (Бацзи тунчжи 八旗通誌), в котором приводится исчерпывающее описание истории и различных аспектов культуры маньчжуров. Работа над этим переводом была завершена уже после смерти И. К. Россохина его учеником А. Л. Леонтьевым (1716–1786). Данный текст стал главным источником сведений о маньчжурах в России на протяжении многих лет, а также одним из немногих опубликованных трудов И. К. Россохина [13].

По возвращении в Россию в 1741 г. И. К. Россохин поступил на службу в Коллегию иностранных дел в качестве переводчика с китайского и маньчжурского языков. Также он занимался переводами по заказу академических учреждений.

В 1747 г. была реформирована Академия наук, и в соответствии с новым уставом каждому академику требовался переводчик как с европейских, так и с восточных языков. И. К. Россохин был назначен личным переводчиком академика Герхарда Фридриха Миллера (1705–1783) – автора масштабных трудов по истории России и Сибири. С 1733 по 1743 гг. Г. Ф. Миллер участвовал во Второй Камчатской экспедиции, в ходе которой им было собрано множество исторических и этнографических материалов. Вернувшись в Петербург, он занялся их систематизацией. Исследуя историю России и Сибири, Г. Ф. Миллер стремился рассматривать их в общемировом контексте и считал необходимым привлекать письменные источники на разных языках, как на русских, так и европейских и восточных. В связи с этим ему потребовались услуги специалиста со знанием восточных языков. По распоряжению Г. Ф. Миллера И. К. Россохин перевел несколько исторических сочинений, среди которых: «Паньши-дзун лунь, то есть Сокращенное древней китайской истории сочинение автором Ян Дзы Пань ши жуном с обстоятельными примечаниями» [17], «История завоевания китайским ханом Канхием калкаского и элетского народа, кочующего в Великой Татарии» [6] и «Великие хулы и предосудительные слова, касающиеся до оскорбления всероссийских августейших монархов величества, и до презрения всего славнороссийского народа. Выписаны из печатной истории, сочиненной на маньчжурском языке при китайском хане Канхи, называемой о завоевании им калкаского и элетского народа, кочующего в Великой Татарии» [1] [27]. Все перечисленные рукописи находятся на хранении в СПбФ АРАН.

«Паньши-дзун лунь...» (Общие рассуждения господина Паня 潘氏總論) – неофициальное историческое сочинение, написанное в XIV в. Пань Жуном¹. Приводится описание истории Китая с древнейших времен по эпоху монгольской династии Юань (1271–1368), современником которой был автор. Рукопись состоит из двух частей: перевод оригинального текста и продолжение, написанное самим И. К. Россохиным и охватывающее пери-

оды правлений династий Мин (1368–1644) и современной переводчику династии Цин (1644–1911). Переведенное сочинение сопровождалось значительным количеством подстрочных комментариев, также сделанных И. К. Россохиным [17].

«История завоевания китайским ханом Канхием калкаского и элетского народа...» представляет собой перевод масштабного труда «План по усмирению народов пустыни» (Пиндин шомо фанлюэ 平定朔漠方略), описывающего первую маньчжурско-ойратскую войну (1688–1697). Перевод включает три сброшюрованные рукописи, также содержит значительное количество подстрочных комментариев, написанных самим И. К. Россохиным [6].

Рукопись «Великие хулы и предосудительные слова...» не является переводом отдельного текста, а представляет собой выписки из «Истории завоевания...», в которых говорится о контактах монголов, маньчжуров и китайцев с Россией. Аналогично вышеупомянутым сочинениям, данный текст снабжен комментариями переводчика [1].

Анализ трудов Г. Ф. Миллера показывает, что исследователь в процессе их написания часто обращался к работам своего переводчика и вообще активно интересовался Китаем. Читая «Историю Сибири», мы обнаруживаем ссылки на переводы И. К. Россохина: «Геген-хан царствовал 3 года, перед тем назывался Хотепала, по Россохину – Шодебала, годы его правления Ингтзон, по Россохину – Индзун, после смерти его имя было Геген; царствовал 3 года. Исун-тимур-хан царствовал 6 лет, до того назывался Езун-темур, по Россохину – Иисун-темур, годы правления его – Тайтинг, по Россохину – Тайдинди, царствовал 5 лет» [8, с. 181].

Г. Ф. Миллер использовал переводы И. К. Россохина при написании не только академических работ, но и текстов политического и дипломатического характера. В 1763 и 1764 гг. соответственно Г. Ф. Миллер подготовил «Рассуждение о предприятии войны с китайцами, сочиненное в 1763 году коллежским советником и Академии наук профессором, бывшим действительным статским советником и кавалером Миллером» [10] и записку «О посольстве в Китай, и именно о качествах

¹ Пань жун, или Ян Цзепань – китайский автор, живший в эпоху Юань (1271–1368). – Прим. ред.

посланника, о принадлежащих к его свите людях, о его отправлении и путешествии, и о его переговорах и переговорах» [9]. При создании последней записки Г. Ф. Миллер опирался на труды И. К. Россохина, в частности, на выполненный им перевод «Истории завоевания китайским ханом Канхией калкаского и элетского народа...», а также на текст «Великих хул и предосудительных слов...».

Кроме Г. Ф. Миллера к переводам И. К. Россохина обращался и академик Иоганн Эбергард Фишер (1697–1771) в своем труде «Сибирская история...», ссылаясь на них в разделе, затрагивающем маньчжурское завоевание Китая [25].

Таким образом, подготовленные И. К. Россохиным переводы исторических сочинений предназначались прежде всего для внутреннего пользования членов Петербургской академии наук при написании научных трудов, а также текстов политического, дипломатического и стратегического содержания.

Помимо переводов для Академии наук И. К. Россохин активно занимался и преподавательской деятельностью. В 1741 г. им была учреждена школа китайского и маньчжурского языков, в которой ученики проходили предварительную подготовку перед отправкой в Китай в составе Русской духовной миссии.

Основным методом преподавания, который использовал И. К. Россохин, был перевод оригинальных текстов с китайского и маньчжурского языков на русский. Учениками школы был переведен ряд текстов, преимущественно представлявших собой классические сочинения философско-идеологического характера, в частности: «Как некоторый мальчик переспорил великого китайского учителя Кундзы», «О двадцати четырех пунктах, касающихся до родительского почтения», «Перевод Цянь-дзы-вынь, то есть Учение с краткой историей из тысячи китайских разных характер¹ состоящее, которое сочинено около 502 году после рождества Христова Джеу-Линь-Цынем славным учителем Китайским об одну ночь с поседением на голове и бороде его волосах» и «Китайского графа Сюэ Вынь Цин Гуна собственные рассуждения о себе самом».

¹ Иероглифов. – *Прим. ред.*

«О том, как некоторый мальчик переспорил великого китайского учителя Кундзы» (Сяо эр най Фуцзы 小兒奈夫子) – перевод Бяньвэня² о встрече Конфуция с умным подростком Сян То, сумевшим переспорить философа; текст приводится на китайском, маньчжурском и русском языках (на хранении в СПбФ АРАН [12]). Данный сюжет весьма популярен в китайской культуре и впервые упоминается еще в тексте «Планы сражающихся царств» IV в. до н.э.

«О двадцати четырех пунктах, касающихся до родительского почтения» представляет собой перевод классического текста «Двадцать четыре выдающихся примера сыновней почтительности» (Эр ши сы сяо 二十四孝) – сборника коротких историй, описывающих наиболее значительные примеры любви и почтительности детей к родителям (на хранении в СПбФ АРАН [11]). Текст приводится только на русском языке.

«Перевод Цянь-дзы-вынь...» является переводом классического текста «Тысячеловие» (Цянь цзы вэнь 千字文), служившего базовым учебником чтения на протяжении многих столетий (на хранении в СПбФ АРАН [18]) и включавшего рассказы, каждый из которых написан таким образом, что ни один иероглиф не повторяется дважды; рукопись полностью на русском языке.

«Китайского графа Сюэ Вынь Цин Гуна собственные рассуждения о себе самом» (Сюэ Вэнь Цин Гун яо юй пянь 薛文清公要語篇) – выдержки из «Записей, сделанных при чтении книг» – сборника трудов Сюэ Сюаня (1389–1464), неоконфуцианского мыслителя, жившего в период правления династии Мин (на хранении в НИОР БАН [7]). Текст приводится на китайском, маньчжурском и русском языках.

Итак, в настоящей работе была впервые исследована деятельность первого русского китаеведа Иллариона Калиновича Россохина в аспекте налаживания межкультурного диалога Китая и России. В заключение следует отметить, что И. К. Россохин внес выдающийся вклад в изучение Китая в России,

² Бяньвэнь – жанр китайской протонародной литературы, предполагающий сочетание стихотворного и прозаического повествования. – *Прим. ред.*

фактически заложив фундамент отечественного китаеведения. Переведенные им и его учениками тексты содержали достоверные данные об истории и культурах народов Китая, а также о базовых философских и идеологических категориях китайской культуры, впервые изложенные в доступной для носителей русского языка форме. Эти сведения были предназначены преимущественно для узкого круга лиц – членов Петербургской академии наук и представителей политической элиты. Кроме того, И. К. Россохин находился у истоков преподавания китайского и маньчжурского языков в России. Несмотря на то, что большинство переводов И. К. Россохина не было опубликовано, и, следовательно, они не при-

обрили широкой известности, их появление стало важной вехой в процессе формирования в России образа Китая. Труды И. К. Россохина дали начало новому пониманию Поднебесной: Китай начал восприниматься уже не в качестве некоего мифологизированного образа, а как государство с давней историей, особенной культурой и собственной системой государственного устройства.

Представляется, что подходы, примененные в настоящем исследовании, могут быть использованы при изучении вклада других ученых, стоявших у истоков отечественной ориенталистики, в дело установления и укрепления дипломатических и культурных контактов России и стран Востока.

Dmitriy V. TSVETKOV

Saint Petersburg State University of Culture

Saint Petersburg, Russian Federation

dmitry.tswetckov@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2017-5089

***Illarion Rossokhin's Activities and Scientific Heritage
in the Context of Cultural Interaction
between Russia and China (1730s–1760s)***

Abstract. The author determines the significance of the activities of Illarion Rossokhin, the first Russian Sinologist, in the cultural contacts between Russia and China, as well as in the formation of the image of China in Russia. The study is based on the analysis of Rossokhin's written translations of Chinese classical works, most of which exist in handwritten versions. The main methodological tool was the historical-systemic method used in combination with the principle of historicism; elements of hermeneutic analysis and techniques inherent in the biographical method were also used. Rossokhin's participation in the work of the Second Russian Ecclesiastical Mission in Beijing is studied; his activities at the Academy of Sciences as a translator from the Chinese and Manchu languages are analyzed. The period following the reform of the Academy in 1747 is considered, one of the particular results of which was increased attention to the activities of translators. Translations of oriental works made by Rossokhin on behalf of the members of the Academy are characterized. The article presents an analysis of the content of the translations made by Rossokhin, the results of which are integrated into the general historical and cultural context of Russia in the 18th century, which made it possible to identify the motives for creating these translations and their influence on the perception of China by Russians. An important part of the study was the examination of the texts translated by Rossokhin in collaboration with students of the school of Chinese and Manchu he opened. The author divides their corpus into historical works and texts of philosophical and ideological content. It was established that the translations were prepared within the framework of a state order aimed at the creation of scientific and other analytical works by academics; translations of philosophical and ideological texts were made for educational purposes. The author identified Rossokhin's contribution to the development of cultural contacts between Russia and China, consisting in the following: (1) the texts translated by him and his students contained reliable data on the history and cultures of the peoples of China, presented for the

first time in a form accessible to native Russian speakers; (2) Rossokhin was at the origins of the teaching of the Chinese and Manchu languages in Russia; (3) Rossokhin's activities contributed to the formation in Russia of ideas about China as a state with a deep history, distinctive culture, and a developed system of government.

Keywords: Russia, China, Illarion Rossokhin, Gerhard Friedrich Mueller, Aleksey Leontiev, Sinology, St. Petersburg Academy of Sciences, Russian Ecclesiastical Mission in Beijing.

Использованная литература:

1. Великие хулы и предосудительные слова, касающиеся до оскорбления всероссийских августейших монархов величества, и до презрения всего славнороссийского народа. Выписаны из печатной истории, сочиненной на маньчжурском языке при китайском хане Канхи, называемой о завоевании им калкаского и элетского народа, кочующего в Великой Татарии // Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. Р-II. Оп. 1. Д. 118.

2. Волкова М. П. Первый учебник русского языка для китайских учащихся // Краткие сообщения Института народов Азии Академии наук СССР. № 61. М.: б. и., 1963. С. 154–157.

3. Головин С. А. Российская духовная миссия в Китае: Исторический очерк. Благовещенск: Благовещенский гос. пед. ун-т, 2013. 284 с.

4. Дацышен В. Г. Христианство в Китае: история и современность. М.: Науч.-образоват. форум по международным отношениям, 2007. 240 с.

5. Дацышен В. Г. История Российской духовной миссии в Китае / ред. прот. Д. Поздняев. Гонконг: Братство святых первоверховных апостолов Петра и Павла, 2010. 448 с.

6. История завоевания китайским ханом Канхием калкаского и элетского народа, кочующего в Великой Татарии // Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 21. Оп. 1. Д. 1–3.

7. Китайского графа Сюэ Вын Цин Гуна собственные рассуждения о себе самом // Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки Академии наук (НИОР БАН). 34. 5. 11.

8. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1937. 608 с.

9. [Миллер Г. Ф.] Рассуждение о посольстве в Китай, сочиненное в 1763 году коллежским советником и профессором Миллером // Бантыш-Каменский Н. Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год. Казань: Тип. императорского ун-та, 1882. С. 393–414.

10. [Миллер Г. Ф.] Рассуждение о предприятии войны с китайцами, сочиненное в 1763 году коллежским советником и Академии наук профессором, бывшим действительным статским советником и кавалером Миллером // Бантыш-Каменский Н. Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год. Казань: Тип. императорского ун-та, 1882. С. 378–393.

11. О двадцати четырех пунктах, касающихся до родительского почтения // Санкт-Петербургский фили-

References:

1. St. Petersburg Branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences (SPbF ARAS). Fund R-II. Inventory 1. Item 118. *Velikie khuly i predosuditel'nye slova, kasayushchiesya do oskorbleniya vserossiyskikh avgusteyshikh monarkhov velichstva, i do prezreniya vsego slavnorossiyskogo naroda. Vypisany iz pechatnoy istorii, sochinennoy na man'chzhurskom yazyke pri kitayskom khane Kankhi, nazываемой o zavoevaniim kalkaskogo i eletskego naroda, kochuyushchego v Velikoy Tatarii* [Great Blasphemy and Reprehensible Words, Concerning the Insult of the All-Russian Monarchs of Majesty, and the Contempt of the Entire Glorious Russian People. Extracted From a Printed History, Composed in the Manchu Language During the Reign of the Chinese Khan Kankhi, About His Conquest of the Kalka and Elet People, Nomadic in Great Tartary].

2. Volkova, M.P. (1963) *Pervyy uchebnik russkogo yazyka dlya kitayskikh uchashchikhsya* [The First Textbook of the Russian Language for Chinese Students]. *Kratkie soobshcheniya Instituta narodov Azii Akademii nauk SSSR*. 61. pp. 154–157.

3. Golovin, S.A. (2013) *Rossiyskaya dukhovnaya missiya v Kitae: Istoricheskiy ocherk* [Russian Spiritual Mission in China: Historical Essay]. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University. 284 p.

4. Datsyshen, V.G. (2007) *Khristianstvo v Kitae: istoriya i sovremennost'* [Christianity in China: History and Modernity]. Moscow: Nauch.-obrazovat. forum po mezhdunar. otnosheniyam. 240 p.

5. Datsyshen, V.G. (2010) *Istoriya Rossiyskoy dukhovnoy missii v Kitae* [History of the Russian Spiritual Mission in China]. Hong Kong: Brotherhood of the Holy Supreme Apostles Peter and Paul. 448 p.

6. St. Petersburg Branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences (SPbF ARAS). Fund 21. Inventory 1. Item 1–3. *Istoriya zavoevaniya kitayskim khanom Kankhiem kalkasskogo i eletskego naroda, kochuyushchego v Velikoy Tatarii* [History of the Conquest of the Kalkas and Elets People Nomadic in Great Tartary by the Chinese Khan Kanhiy].

7. Research Department of Manuscripts of the Library of the Academy of Sciences (NIOR BAN). 34. 5. 11. *Kitayskogo grafa Syue Vyn' Tsin Guna sobstvennyya rassuzhdeniya o sebe samom* [The Chinese Count Xue Wyn Qing Gong's Own Reflections About Himself].

8. Mueller, G.F. (1937) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: USSR AS. 608 p.

9. [Mueller, G.F.] (1882) *Rassuzhdenie o posol'stve v Kitay, sochinennoe v 1763 godu kollezhskim sovetnikom i professorom Millerom* [Reflections on the Mission to China, Composed in 1763 by Collegiate Councilor and Professor Mueller]. In: Bantyshe-Kamenskiy, N. N. *Diplomaticheskoe so-*

ал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 116.

12. О том, как некоторый мальчик переспорил великого китайского учителя Кундзы // Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 112.

13. Обстоятельное описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска, в осьми знаменах состоящего. В 17 т. В 7 кн. СПб.: б. и., 1784.

14. Пан Т. А. Изучение маньчжурского языка в Пекинской духовной миссии // Православие на Дальнем Востоке. 275-летие Российской Духовной миссии в Китае. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. С. 119–126.

15. Пан Т. А. Маньчжурские письменные памятники по истории и культуре империи Цин XVII–XVIII вв. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 228 с.

16. Пан Т. А., Шаталов О. В. Архивные материалы по истории западноевропейского и российского Китаеведения (К изданию работы В. П. Тарановича. Научная переписка Санкт-Петербургской Академии наук с иезуитами, проживавшими в Пекине в XVIII веке). СПб.; Воронеж: Центральное-Черноземное кн. изд-во, 2004. 144 с.

17. Паньши-дзун лунь, то есть Сокращенное древней китайской истории сочинение автором Ян Дзы Пань ши жуном с обстоятельными примечаниями // Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 113.

18. Перевод Цянь-дзы-вынь, то есть Учение с краткой историей из тысячи китайских разных характер состоящее, которое сочинено около 502 году после рождения Христова Джеу-Линь-Цынем славным учителем Китайским об одну ночь с поседением на голове и борде его волосах // Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 115.

19. Радовский М. И. Русский Китаевед И. К. Россохин // Из истории науки и техники в странах Востока. Вып. 2. М.: Изд-во Ин-та народов Азии Акад. наук СССР, 1961. С. 88–99.

20. Русско-китайский словарь и разговоры // Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки Академии наук (НИОР БАН). 34. 8. 9.

21. Скачков П. Е. Очерки по истории русского Китаеведения. М.: Наука, 1977. 503 с.

22. Стариков В. С. Ларион Россохин и начало изучения китайской пиротехники в России (Неопубликованная рукопись Россохина «Обстоятельное описание о разных китайских огненных фонтанах и ракетках») // Из истории науки и техники в странах Востока. Вып. 2. М.: Изд-во Ин-та народов Азии Акад. наук СССР, 1961. С. 100–125.

23. Стренина А. В. У истоков русского и мирового Китаеведения (Россохин и Леонтьев и их труд «Обстоятельное описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска, в осьми знаменах состоящего») // Советская этнография. 1950. № 1. С. 170–177.

24. Таранович В. П. Илларион Россохин и его труды по Китаеведению // Советское востоковедение. Вып. 3. М., Л.: 1-я Типолитография изд-ва Акад. наук СССР, 1945. С. 225–241.

25. Фишер И. Е. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли Российским

branie del mezhdru Rossiyskim i Kitayskim gosudarstvami s 1619 po 1792-y god [Diplomatic Collection of Affairs Between the Russian and Chinese States From 1619 to 1792]. Kazan: Imperial University. pp. 393–414.

10. [Mueller, G.F.] (1882) *Rassuzhdenie o predpriyatii voyny s kitaytsami, sochinennoe v 1763 godu kollezhskim sovetnikom i Akademii nauk professorom, byvshim deystvitel'nym statskim sovetnikom i kavalerom Millerom* [Reflection on the War With the Chinese, Composed in 1763 by the Collegiate Councilor and Professor of the Academy of Sciences, Former Actual State Councilor and Cavalier Mueller]. In: Bantysh-Kamenskiy, N. N. *Diplomaticheskoe sobranie del mezhdru Rossiyskim i Kitayskim gosudarstvami s 1619 po 1792-y god* [Diplomatic Collection of Affairs Between the Russian and Chinese States From 1619 to 1792]. Kazan: Imperial University. pp. 378–393.

11. St. Petersburg Branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences (SPbF ARAS). Fund R-I. Inventory 2. Item 116. *O dvadtsati chetyrekh punktakh, kasayushchikhsya do roditel'skogo pochteniya* [On the Twenty-Four Points Concerning Parental Respect].

12. St. Petersburg Branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences (SPbF ARAS). Fund R-I. Inventory 2. Item 112. *O tom, kak nekotoryy mal'chik peresporil velikogo kitayskogo uchitelya Kundzy* [On How a Certain Boy Outargued the Great Chinese Teacher Kundza].

13. Anon. (1784) *Obstoyatel'noe opisaniye proiskhozhdeniya i sostoyaniya man'chzhurskogo naroda i voyska, v os'mi znamenakh sostoyashchego. V 17 t. V 7 kn.* [A Detailed Description of the Origin and State of the Manchu People and Army, Consisting of Eight Banners. In 17 Volumes. In 7 Books]. St. Petersburg: [s.n.].

14. Pan, T.A. (1993) *Izuchenie man'chzhurskogo yazyka v Pekinskoy dukhovnoy missii* [Study of the Manchu Language in the Beijing Spiritual Mission]. In: *Pravoslaviye na Dal'nem Vostoke. 275-letie Rossiyskoy Dukhovnoy missii v Kitae* [Orthodoxy in the Far East. 275th Anniversary of the Russian Spiritual Mission in China]. St. Petersburg: Andreev i synov'ya. pp. 119–126.

15. Pan, T.A. (2006) *Man'chzhurskie pis'mennyye pamyatniki po istorii i kul'ture imperii Tsin XVII–XVIII vv.* [Manchu Written Monuments on the History and Culture of the Qing Empire in the 17th–18th Centuries]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. 228 p.

16. Pan, T.A. & Shatalov, O.V. (2004) *Arkhivnye materialy po istorii zapadnoevropeyskogo i rossiyskogo kitaevedeniya (K izdaniyu raboty V.P.Taranovicha. Nauchnaya perepiska Sankt-Peterburgskoy Akademii nauk s iezuitami, prozhivavshimi v Pekine v XVIII veke)* [Archival Materials on the History of Western European and Russian Sinology (Towards the Publication of the Work of V. P. Taranovich. Scientific Correspondence of the St. Petersburg Academy of Sciences With the Jesuits Who Lived in Beijing in the 18th Century)]. St. Petersburg; Voronezh: Tsentral'no-Chernozemnoe kn. izd-vo. 144 p.

17. St. Petersburg Branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences (SPbF ARAS). Fund R-I. Inventory 1. File 113. *Pan'shi-dzun lun', to est' Sokrashchennoe drevney kitayskoy istorii sochinenie avtorom Yan Dzy Pan' shi zhunom s obstoyatel'nymi primechaniyami* [Panshi-Dzun Lun, That Is, an Abridged Work on Ancient Chinese History by the Author Yang Zi Pan Shi Rong With Detailed Notes].

окружением. СПб.: Тип. при Императорской Акад. наук, 1774. 646 с.

26. Цветков Д. В. Культурное влияние Востока на Русь и Россию: истоки и сущность // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 5 (131). С. 1–4. DOI 10.23670/IRJ.2023.131.37.

27. Цветков Д. В. Роль Г. Ф. Миллера в становлении русского китаеведения // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10, № 1. С. 30–36. DOI 10.18721/JHSS.10103.

28. Цветков Д. В. Рукописный русско-китайский словарь из коллекции БАН // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2020. Т. 12, № 4. С. 480–489. DOI 10.21638/spbu13.2020.401.

29. Шастина Н. П. Перевод И. Рассохина источника по истории монголов конца XVII в. // Ученые записки Института востоковедения. Т. 6 / отв. редактор В. И. Авдиев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 200–211.

30. Школьные простые манджурского и китайского языков разговоры. 1730 г. // Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки Академии наук (НИОР БАН). 32.6.17.

18. St. Petersburg Branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences (SPbF ARAS). Fund R-I. Inventory 2. Item 115. *Perevod Tsyau'-dzy-vyn', to est' Uchenie s kratkoy istoriey iz tysyachi kitayskikh raznykh kharakter sostoyashchee, kotoroe sochineno okolo 502 godu posle rozhdestva Khristova Dzheu-Lin'-Tsynem slavnym uchitelem Kitayskim ob odnu noch' s posedeniem na golove i borode ego volosakh* [Translation of Tsyau'-Tzu-Vyn, That Is, the Teaching With a Brief History Consisting of a Thousand Chinese Different Characters, Which Was Composed Around the Year 502 After the Birth of Christ by Jeu-Lin-Tsin, a Glorious Chinese Teacher, About One Night With Graying of His Hair on His Head and Beard].

19. Radovskiy, M.I. (1961) *Russkiy kитаевед I. K. Rossokhin* [Russian Sinologist I. K. Rossokhin]. In: *Iz istorii nauki i tekhniki v stranakh Vostoka* [From the History of Science and Technology in the Countries of the East]. Vol. 2. Moscow: Institute of the Peoples of Asia of the USSR Academy of Sciences. pp. 88–99.

20. Research Department of Manuscripts of the Library of the Academy of Sciences (NIOR BAN). 34. 8. 9. *Russko-kitayskiy slovar' i razgovory* [Russian-Chinese Dictionary and Conversations].

21. Skachkov, P.E. (1977) *Ocherki po istorii russkogo kитаеведения* [Essays on the History of Russian Sinology]. Moscow: Nauka. 503 p.

22. Starikov, V.S. (1961) *Larion Rossokhin i nachalo izucheniya kitayskoy pirotekhniki v Rossii* (Neopublikovannaya rukopis' Rossokhina "Obstoyatel'noe opisanie o raznykh kitayskikh ognennykh fontanakh i roketkakh") [Larion Rossokhin and the Beginning of the Study of Chinese Pyrotechnics in Russia (Rossokhin's Unpublished Manuscript "A Detailed Description of Various Chinese Fire Fountains and Rockets")]. In: *Iz istorii nauki i tekhniki v stranakh Vostoka* [From the History of Science and Technology in the Countries of the East]. Vol. 2. Moscow: Institute of the Peoples of Asia of the USSR Academy of Sciences. pp. 100–125.

23. Strenina, A.V. (1950) *U istokov russkogo i mirovogo kитаеведения* (Rossokhin i Leont'ev i ikh trud "Obstoyatel'noe opisanie proiskhozhdeniya i sostoyaniya man'chzhurskogo naroda i voyska, v os'mi znamenakh sostoyashchego") [At the Origins of Russian and World Sinology (Rossokhin and Leontiev and Their Work "A Detailed Description of the Origin and Condition of the Manchu People and the Army, Consisting of Eight Banners")]. *Sovetskaya etnografiya*. 1. pp. 170–177.

24. Taranovich, V.P. (1945) *Illarion Rossokhin i ego trudy po kитаеведению* [Illarion Rossokhin and His Works on Sinology]. In: *Sovetskoe vostokovedenie* [Soviet Oriental Studies]. Vol. 3. Moscow; Leningrad: 1st Typolytography, USSR AS. pp. 225–241.

25. Fisher, I.E. (1774) *Sibirskaya istoriya s samogo otkrytiya Sibiri do zavoevaniya sey zemli Rossiyskim okruzheniem* [Siberian History From the Very Discovery of Siberia to the Conquest of This Land by the Russian Encirclement]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. 646 p.

26. Tsvetkov, D.V. (2023) The Cultural Influence of the East on RUS and Russia: Origins and Essence. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*. 5 (131). pp. 1–4. (In Russian). DOI: 10.23670/IRJ.2023.131.37

27. Tsvetkov, D.V. (2019) G.F. Mueller's Role in Russian Sinology. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo uni-*

versiteta. *Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 10 (1). pp. 30–36. (In Russian). DOI: 10.18721/JHSS.10103

28. Tsvetkov, D.V. (2020) Hand-Written Russian-Chinese Dictionary From Collection of the Library of the Russian Academy of Sciences. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika*. 12 (4). pp. 480–489. (In Russian). DOI 10.21638/spbu13.2020.401

29. Shastina, N.P. (1953) Perevod I. Rassokhina istochnika po istorii mongolov kontsa XVII v. [Translation by I. Rassokhin of a Source on the History of the Mongols of the Late 17th Century]. In: Avdiev, V.I. (ed.) *Uchenye zapiski Instituta vostokovedeniya* [Scientific Notes of the Institute of Oriental Studies]. Vol. 6. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 200–211.

30. Research Department of Manuscripts of the Library of the Academy of Sciences (NIOR BAN). 32.6.17. *Shkol'nye prostye mandzhurskogo i kitayskogo yazykov razgovory. 1730 g.* [Simple School Conversations in Manchu and Chinese. 1730].

Полная библиографическая ссылка на статью:

Цветков, Д. В. Деятельность и научное наследие И. К. Россохина в контексте культурного взаимодействия России и Китая (30–60-е годы XVIII века) / Д. В. Цветков. – Текст : электронный. – DOI 10.36343/SB.2024.39.3.001 // Наследие веков. – 2024. – № 3. – С. 15–25. – URL: http://heritage-magazine.com/index.php/HC/article/view/___/___ (дата обращения: ДД.ММ.ГГГГ).

Full bibliographic reference to the article:

Tsvetkov, D.V. (2024) Illarion Rossokhin's Activities and Scientific Heritage in the Context of Cultural Interaction between Russia and China (1730s–1760s) *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 15–25. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2024.39.3.001

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

FULL ARTICLE

ЖАЧЕМУК Вячеслав Шумафович
аспирант, младший научный сотрудник
научно-образовательного центра гуманитарных инициатив
Майкопского государственного технологического университета,
Майкоп, Российская Федерация
vyacheslav_zhachemuk@mail.ru

ВАК: 5.10.1.

DOI: 10.36343/SB.2024.39.1.002

Региональное государственное радиовещание в практиках формирования полиэтничной социокультурной общности (на примере Республики Адыгея)

Целью настоящей работы является определение роли регионального радио в формировании социокультурной общности в полиэтничном регионе. Проанализированы научные исследования, посвященные истории радио, его функциям и отдельным аспектам художественного вещания, а также архивные документы адыгейского радио. Рассмотрены исторические, идеологические и социокультурные факторы, повлиявшие на деятельность регионального радио в Республике Адыгея и позволившие ему стать значимым социокультурным феноменом в XX в. В зависимости от изменения идеологических и технологических аспектов вещания история радио Адыгеи разделена на несколько этапов. Автор приходит к заключению, что современное адыгейское радио нуждается в синтезе традиций вещания XX в. и новых современных жанров, что приведет к усилению его роли в формировании социокультурной общности в полиэтничном регионе и возврату ему позиций гуманистического культурообразующего института.

Ключевые слова: Республика Адыгея, Майкоп, полиэтничный регион, региональное радиовещание, новостной контент, музыкальное вещание, радиотеатр, социокультурная общность.

Появление радио в начале XX в. навсегда изменило цивилизацию. Окружающий мир, о котором человек узнавал из газет, не позволяющих, однако, в достаточной мере передать через печатное слово эмоциональное и культурное разнообразие предметов, событий и явлений, открылся для радиослушателя с новой стороны. Достижения человечества, благодаря радио, стали не только доступнее, но и позволили людям принимать активное участие в общественных процессах. Радио, как новое средство массовой коммуникации, стало проводником культуры в массы, средством просвещения и формирования новых идеалов в обществе. Не случайно, именно СССР первым стал активно развивать региональное вещание, в том числе и на родных языках народов нашей страны.

Несмотря на то, что последствия появления радио и его влияния на политические, социальные и культурные процессы, на мировоззрение отдельного индивида изучаются достаточно давно, вопросы, касающиеся роли регионального вещания, еще требуют глубокого научного осмысления. Не отрицая всю схожесть развития радиовещания центральных радиоканалов и вещания в регионах, следует отметить, что есть и аспекты, которые отличают их друг от друга. В частности, это становится заметным на примере отношения к художественному вещанию, ему в регионах всегда уделялось повышенное внимание. С учетом динамичных изменений, происходящих в сфере электронных средств массовой информации, а также в русле тенденций, присущих современному радио, возникла необходимость в анализе деятельности регионального радиовещания на современном этапе. Сегодня в научном и политическом дискурсах актуализировался вопрос: насколько оно оказалось готовым к изменениям, произошедшим в результате возникновения и внедрения новых информационных технологий, и окажется ли оно способным сохранить и удовлетворить интерес к культуре и истории народов, проживающих в полиэтничном регионе.

Общетеоретическими исследованиями в области развития радиовещания занимались В. Н. Ружников, П. С. Гуревич, А. А. Шерель и др. Изучив историю отечественного

радиовещания, В. Н. Ружников и П. С. Гуревич в 1976 г. впервые составили периодизацию развития отечественного радио. Однако время наложило на результаты научных изысканий свой отпечаток, и разработанная периодизация оказалась излишне идеологизированной, поэтому в 2000 г. В. Н. Ружников представил ее новый вариант, состоящий из семи этапов становления и развития радио (см. об этом: [23]). В 2004 г. свою периодизационную модель предложил А. А. Шерель [27]. Хронологические схемы В. Н. Ружникова и А. А. Шереля в основном схожим образом обозначали те тенденции в отечественном радиовещании, которые были характерны для радио, отличаясь лишь формулировками названий этапов развития.

Начиная с 2000-х гг. теоретические исследовательские работы в области радиовещания и радиожурналистики активизировались. Это было связано с тем, что ликвидация государственной монополии на радиовещание и отсутствие идеологических рамок в постсоветской России, в которых до этого работала журналистика, вызвали появление новых радиостанций и радиоканалов, специализировавшихся на различных направлениях радиовещания.

В последние два десятилетия авторы уделяют много внимания проблемам создания новых типологических схем. Так, Е. Р. Раскатова классифицировала радиостанции, взяв за основу такие признаки, как цель, форма собственности и целевая аудитория. В итоге она разделила их на общественно-политические, информационные, просветительские, развлекательные и коммерческие [22]. В свою очередь, О. Р. Арсланова классифицировала радиостанции на новостные, разговорные и развлекательные [1]. В. В. Смирнов, опираясь на функциональные признаки, разделил жанры на три большие группы – информационные, аналитические и документально-художественные [25].

Немалое число исследований посвящено отдельным жанрам радиовещания, их становлению и развитию. В частности, Н. Ю. Шабунина отмечала роль музыки в появлении новых форм и жанров музыкального радиовещания, которые используются до сих пор: студийные

концерты радиорекордов, внестудийные музыкальные трансляции и пр. [26]. Е. А. Вдовина, анализируя эволюцию художественного радиовещания, замечает, что по мере развития радиовещания как такового расширились и функции музыки, активно использовались ее художественные и выразительные возможности, когда она применялась для заставок, для упорядочения эфира при программировании сетки вещания, внутри самих радиопередач [3]. Исследовав роль радиотеатра в системе радиожанров, Н. А. Гагг пришел к выводу, что именно первые радиоконцерты дали толчок возникновению радиотеатра. Он, в свою очередь, сочетая в себе документальное и игровое начало, оказал решающее влияние на появление таких радиожанров, как интервью, беседа, очерк и послужил толчком к формированию на радио специфических изобразительно-выразительных средств [4].

В ряде работ отражены история возникновения и развития радиовещания в регионах, роль радио в социокультурном развитии территорий, формировании культурных тенденций, однако данное направление еще недостаточно реализовано. В большинстве регионов история радио, роль его просветительской функции еще не раскрыты. Данный тезис справедлив применительно к Республике Адыгея: имеется лишь несколько исследований об отдельных аспектах функционирования регионального радио. Так, работы Н. Х. Емыковой посвящены влиянию и роли радио на развитие нового языкового стиля, музыкальной культуры адыгов, воздействия радиовещания на структуру песенного фольклора [6] [7]. Согласно ее выводам, радио стимулировало формирование новой адыгской музыки на основе песенного фольклора адыгов, причем характер и структура этой музыки больше соответствовали бы новому средству массовой коммуникации – радио – и подходили бы для использования в системе радиовещания [6]. С. С. Шхалахова в статье о радиотеатре рассматривает этапы становления этого жанра на адыгейском радио, анализируя предпосылки и причины его появления, а затем и исчезновения из местного радиовещания. При этом исследователь отмечает, что радиотеатр стал одним из факторов, сыгравшим

большую роль в сохранении истории и пропаганде народных традиций и обычаев, значительно способствовал развитию русской и адыгской местной драматургии [28]. Таким образом, имеющиеся исследования в области истории радио в Республике Адыгея, его просветительской роли в социокультурном пространстве региона, проблематики его современного состояния характеризуют собой начальный этап, предшествующий более глубоким научным изысканиям.

Таким образом, целью настоящей работы является определение роли регионального радио в формировании социокультурной общности в полиэтничном регионе. Смысловым ядром исследования становится поиск научно обоснованного ответа на вопрос о том, какие исторические, идеологические и социокультурные факторы на разных этапах развития воздействовали на деятельность радио в республике.

Массив материалов, использованных в процессе исследования, составили: научные публикации по данной тематике местных исследователей; материалы, хранящиеся в Национальном архиве Республике Адыгея (микрофонные папки с текстами радиопередач, письма радиослушателей, анкеты, распространявшиеся сотрудниками адыгейского радио среди жителей Адыгеи, материалы заседаний профкома Адыгейского комитета по радиовещанию и телевидению с обсуждением перспективных планов вещания); газеты с публикациями программы радиопередач; архив фонотеки филиала Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компании «Государственная телерадиокомпания «Адыгея»» (ВГТРК «Адыгея»). При этом архивные документы, отражающие результаты анкетирования радиослушателей о деятельности адыгейского радио, а также письма радиослушателей в редакцию регионального радиовещания вводятся в научный оборот впервые. В этих источниках раскрывается роль радио как социального института, являющегося коммуникативной площадкой для СМИ и общества.

В работе использовался структурно-функциональный метод, позволивший проследить процессы возникновения и разви-

тия жанров, применявшихся на адыгейском радио, их влияние на реализацию просветительской функции, формирование историко-культурной памяти; благодаря диахроническому методу была разработана периодизация истории радио Адыгеи на основе исторических фактов и определены факторы, влиявшие на его деятельность в различные периоды. Метод наблюдения дал возможность изучить тенденции, характерные для современного вещания регионального радио. Также при работе с архивными документами использовался описательный метод, с помощью которого были проанализированы и систематизированы исследуемые материалы.

Исследование расширит научные представления о значении регионального радиовещания в системе медиакультуры отдельно взятого региона, а также поможет осмыслению процессов, связанных с влиянием радио на формирование социокультурной общности в полиэтничном регионе.

С первых лет развития радио в СССР, в отличие от других стран, активно начало развиваться и региональное вещание, в том числе и на родных языках. По нашему мнению, эта тенденция была связана с важными для молодого государства факторами. В первую очередь это пропагандистский потенциал нового средства массовой коммуникации, который необходимо было использовать для воздействия на массовое общественное сознание. Еще один важный фактор заключался в том, что СССР являлся многонациональной страной, в состав которой входили национальные республики и автономии, поэтому необходима была сбалансированная национальная политика, учитывающая интересы народов, проживающих в государстве. И, наконец, радиовещание на родных языках в тот период было серьезным подспорьем развития культуры различных этносов, к чему и стремились новые власти.

В 1924 г. на Кубани впервые зазвучало радио, передачи которого транслировались на общественных началах с единственного радиоузла, созданного на средства активистов общества «Друзья радио». С этого периода местные органы власти начали вести активную

работу по расширению радиификации. Спустя девять лет, к 1933 г., в Адыгейской автономной области (ААО) уже действовало 6 радиоузлов со 140 трансляционными, в том числе, эфирными точками [10, л. 8]. Однако материальных средств для развития технической базы не хватало. Документы тех лет показывают, что помимо финансирования из бюджета, деньги изыскивались путем сокращения других статей расходов, заключались договоры обслуживания радиоузлов и содержания штата сотрудников адыгейской колхозной радиогазеты с хозяйствующими организациями, инициировался добровольный сбор средств населением для оснащения радиоузлов [9, л. 110–112]. Так, в официальном печатном органе Адыгейского областного комитета ВКП(б) и областного совета профсоюзов «Колхозное знамя» в редакционной заметке (9 декабря 1933 г.) говорилось о том, что для форсирования радиификации населенных пунктов и колхозов области ответственными за эти мероприятия назначаются главы сельсоветов, с дополнительной оплатой за работу [20]. В другой короткой заметке «Радио громко молчит...» этой же газеты (28 декабря 1933 г.) от имени неназванного колхозника сообщалось о том, что добровольный сбор средств населением для установки радиоузла проходит с трудом, в связи с чем у жителей нет возможности слушать радиопередачи [21].

Несмотря на то, что главной целью дальнейшего расширения сетей радиовещания было использование информационной функции радио для агитации и пропаганды новой государственной идеологии, органы власти понимали, что не менее важным направлением является художественное вещание на родных языках с его культурно-просветительской функцией. 27 июля 1934 г. президиум Адыгейского облисполкома в своем решении, принятом по итогам доклада «О развертывании радиовещания в области и о создании Радиокomiteта», отмечал, что: «нац. вещание (адыгейское, армянское, татарское, греческое и проч.) находится в неудовлетворительном состоянии. Развертывание нац. вещания упирается в чрезвычайно ограниченные материальные средства... Отсюда, как следствие, все нац. вещание строилось исключительно

на силах самодеятельности, без привлечения квалифицированных музыкальных сил, что, безусловно, снижало общее качество художественного вещания»¹ [9, л. 24]. Исходя из этого, президиум просил Всесоюзный комитет по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР увеличить финансирование для расширения и повышения качества вещания и увеличить эксплуатацию краснодарской радиостанции до 4 часов в сутки вещания адыгейского радио. Временные рамки увеличены не были, однако после образования в 1937 г. Краснодарского края и переноса столицы Адыгейской автономной области из Краснодара в Майкоп в структуре краевого радиокомитета была образована редакция вещания на адыгейском языке, которая работала по твердой сетке в рамках двухчасового радиовещания Краснодарского краевого радио.

Великая Отечественная война и последовавшая за ней временная оккупация региона остановили техническое развитие сети радиовещания в Краснодарском крае и, соответственно, в Адыгее. Лишь после изгнания немецко-фашистских захватчиков в 1943 г. началось восстановление разрушенного хозяйства и было возобновлено региональное радиовещание. В составе радиокомитета заработал сектор вещания на адыгейском языке. В первые же дни после освобождения в Майкопе был восстановлен радиоузел на 450 эфирных точек. В 1944 г. в области уже работало 5 радиоузлов и насчитывалось 4 563 трансляционные точки [11, л. 37]. 5 июня 1947 г. Краснодарским крайкомом ВКП(б) было принято решение «Об организации областного радиовещания на адыгейском языке» непосредственно из областного центра Адыгеи Майкопа.

В послевоенные десятилетия областное радиовещание активно выполняло агитационно-пропагандистскую функцию, главной целью которой было формирование общности на основе социалистических ценностей, служения государству. Основными направлениями радиовещания были информационные программы, радиопередачи о промышленности и сельском хозяйстве. К примеру, в одном из месячных тематических пла-

нов 1950-х гг. отмечалось: «I. Промышленные информации – Регулярно рассказывать, как работники промышленных предприятий борются за досрочное выполнение плана первого года шестой пятилетки. Организовать выступление передовиков соц. соревнования... Организовать выступления у микрофона... II. Сельскохозяйственная информация – Основным содержанием информации в июле – уборка, сдача хлеба государству, заготовка кормов... III. Информация по вопросам культуры, искусства и спорта... ...Ежедневно передавать спортивные новости. Рассказать радиослушателям о новостях книг, издаваемых Адыгейским книжным издательством» [12, л. 195].

Пропаганда идей дружбы между народами, населяющими ААО, добрососедства с близлежащими регионами наряду с продвижением государственной идеологии стала важнейшей функцией радиовещания. Обусловлено это было историческим прошлым народов Юга России, культурным своеобразием региона, административные границы которого часто менялись. Особенности полиэтничного региона требовали от радио работы не только в направлении сохранения исторической памяти, но и пропаганды гуманистических ценностей, гарантировавших взаимное уважение всех народов, населяющих регион. Этой теме уделялось постоянное внимание, а в 1957 г. – в год празднования 400-летия добровольного вхождения Адыгеи в Россию – радио подготовило ряд передач, которые дублировались на русском и адыгейском языках. Среди них: «Поэты и писатели Адыгеи о дружбе адыгов с русским народом», «Тема дружбы в адыгской поэзии», радиопозиция «Навечно вместе с русским народом» и другие. Обращает внимание на себя тот факт, что параллельно с такими передачами адыгейское радио выпускало в эфир и программы исторической направленности, рассказывавшие об истории адыгов: «Рассказ старика адыга о прошлом адыгского народа», «Земля моих отцов» и другие [12, л. 181]. Функции историко-культурной памяти, просвещения и сохранения межнационального согласия были тесно взаимосвязаны между собой и соответствовали культурной и национальной политике государства.

¹ Здесь и в дальнейшем стилистические, пунктуационные и иные особенности источников сохранены. – Прим. авт.

С развитием местного радиовещания начался процесс взаимообогащения культур малочисленных народов и русской культуры. Благодаря радио, культура, бытовавшая внутри малых национальных групп и редко выходявшая за их пределы, появилась в публичном культурном пространстве. Именно радио стало самым ярким примером взаимопроникновения русской и адыгской музыкальных культур, активно стимулирующим этот процесс. Как отмечает А. М. Сиюхова, «в 50–60 гг. главным источником знакомства майкопчан с адыгейским языком, фольклором и самостоятельной музыкой стало радио... русские горожане, чье детство пришлось на 60–70 гг., стали воспринимать адыгейский язык и музыку как неотъемлемую часть своего быта» [24, с. 108]. Художественное вещание адыгейского радио, особенно его музыкальный сегмент, в течение всего своего существования было самым востребованным в адыгском социуме. Причину этого можно найти в исследовании указанного выше автора, которая связала адыгскую песенную культуру, ее песенные жанры с различными этапами истории адыгского общества. Исходя из этих наблюдений, можно заключить, что именно взаимосвязь песенной культуры и истории адыгов сформировали феномен популярности этого жанра на радио в регионе. Через музыкальный жанр радиовещание позволяло адыгскому обществу вновь пережить свою историю, передать духовный опыт предыдущих поколений своим детям. В этом жанре соединились вместе, многократно усиливая друг друга, социокультурные функции и радио, и адыгской музыкальной культуры: эстетического воспитания, просвещения, развлечения, «философского осмысления и отражения картины мира этноса», общественной памяти, обеспечивающей преемственность «духовного опыта поколений», «воспитательно-идеологической, прославляющей людей труда, героев войны, коммунистическую партию и советский народ и т.п.» [24, с. 29]. По мере эволюции музыкальных форм и жанров в адыгейском радиовещании и в зависимости от использования конкретных жанров адыгской песенной культуры эти функции включались и эффективно воздействовали посредством радио на окружающий социум.

Использование адыгских песенных жанров на адыгейском радио в рамках художественного вещания пережило несколько трансформаций. На первоначальном этапе, в 20–30 гг. XX в. на радио сначала звучал адыгский музыкальный фольклор, а затем и обработанные русскими композиторами для оркестра и хора народные мелодии, которые включались в программы радиоконцертов. Целесообразность обработки народного музыкального фольклора возникла из необходимости его адаптации к звучанию на радио. Аутентичная фольклорная музыка выбивалась из общего контекста классической и оркестровой музыки, которая на первом этапе развития радиовещания была основной в сборных радиоконцертах, вследствие чего была тяжелой для восприятия русскоязычных слушателей. Начались попытки адыгских народных сочинителей адаптировать фольклорную музыку к радиовещанию. Более успешно этот процесс пошел, когда в 30-е гг. XX в. адыгские народные песни начали обрабатываться под оркестровое звучание московскими и ростовскими композиторами, появились произведения русских композиторов по мотивам адыгских мелодий. Именно деятельность таких композиторов и музыковедов, как А. М. Авраамов, М. Ф. Гнесин, А. Ф. Гребнев, В. Г. Мессман, А. П. Митрофанов и др., заложила основу для дальнейшего развития музыкальной культуры адыгов и ее адаптации для функционирования в условиях нового формировавшегося мощного средства массовой коммуникации [7]. В этот период радио через музыкальный жанр радиоконцерта выполняло функции просвещения, эстетического воспитания и развлечения, а фольклорная музыка, являвшаяся основой музыкального вещания того периода и включавшая в себя трудовые, обрядовые, семейные, героические, исторические, шуточные и многие другие песни, добавляла к ним функции сохранения исторической и культурной памяти, духовно-нравственного опыта адыгского социума. Были достаточно успешными и попытки искусственного создания нового фольклора советского образца, прославляющего социалистические ценности, в исполнении известных адыгских ашугов (певцов-сказителей). В тот период их выступления часто звучали на ра-

дио, помимо эстетической функции выполняя миссию идеологического воспитания масс. Такое искусство просуществовало относительно недолго, но, как отмечает А. М. Сиюхова, «организация в этот период многочисленных фольклорных экспедиций заложила основу для создания фондов, где были сохранены тексты как архаического, так и нового фольклора. Именно результаты тех экспедиций, знакомство с творчеством более поздних песнотворцев и исполнителей позволили реконструировать древний институт джегуако» [24, с. 104].

В 50–70-е гг. XX в. республиканское радио благодаря использованию магнитной пленки стало записывать концерты, готовить концерты-очерки и творческие портреты с участием местных исполнителей и композиторов. В этот период наравне с самодеятельной музыкой, народными исполнителями на традиционных адыгских инструментах, играющих аутентичную и аранжированную музыку, в эфире начала появляться советская адыгская эстрадная музыка, основанная на фольклорных мотивах. Чаще стали звучать современные профессиональные произведения того времени. В 1956 г. в литературно-музыкальной передаче, наравне с набиравшим уже популярность композитором-песенником Умаром Тхабисимовым, выступили тогда еще студентки ленинградской консерватории и будущие звезды адыгской эстрады Роза Шежева, Гошнау Самогова и др.

Конечно же, музыкальный жанр на радио в тот период был в первую очередь пронизан агитационно-пропагандистской тематикой. Конкретными примерами явились концерты, транслируемые по радио: «Советская музыка в борьбе за мир», «Музыку создает народ», «Истинно народное искусство», «По заявкам наших радиослушателей» [16, л. 57], которые изобиловали комментариями радиоведущего о первостепенной роли пролетарского искусства. Однако были и передачи, которые не только реализовывали пропагандистскую функцию, но и включали просветительскую информацию о популярных певцах и музыкантах, их песнях. Цикл «Зы орэд ихъишъ» («История одной песни») так называемых «концертов-очерков» («Поет Казбек Хейшхо», песни кавказских народов и т.д.) [16, л. 57]

представлял собой передачи, где музыкальные номера чередовались с комментариями об исполнителях, рассказами об истории появления песен. Несмотря на жанровое определение «концерт-очерк», отразившееся в микрофонных папках того времени, они фактически являлись своеобразными творческими портретами исполнителей. В этот период, наравне со выступлениями эстрадного ансамбля адыгейского радио и преподавателей музыкального училища, самодеятельных артистов («У микрофона любители самодеятельного искусства»), радиослушатели могли услышать фольклорные «Колыбельные песни» в исполнении Раисы Панеш и игру на гармонике Зои Псеуноковой. Таким образом, радио, используя возможности таких жанров, как концерт и творческий портрет, выполняло функции музыкального просвещения, сохранения исторической памяти и культурной самобытности через трансляцию фольклора в условиях доминирования другой культуры.

Однако фольклор постепенно уступал место эстрадной музыке. Начиная с 70-х гг. XX в., советская эстрада, адыгский эстрадный жанр и инструментальная музыка начали преобладать в местном радиовещании. Вот лишь некоторые концертные программы, транслировавшиеся на адыгейском радио уже в 1980-х гг.: лирический концерт «Весенние мелодии», концерты инструментальной музыки, «Песни о партии», «Песни Анны Герман», «Концерт духового оркестра», «Концерт Чеслава Анзарокова в сопровождении оркестра адыгских народных инструментов под управлением А. Тлехуча», «Песни адыгских композиторов о Ленине», «Концерт на музыку М. Таривердиева», «Концерт песен СССР», «Пусть всегда будет солнце», «Концерт песен на стихи Кирилизе Жанэ», «Концерт на стихи поэта Сафера Яхутля», многочисленные концерты, посвященные различным датам и др. [18]. Музыкальный жанр на радио не только оказал серьезное влияние на формы существования и адаптацию в современных условиях адыгского фольклора и, соответственно, на дальнейшее развитие адыгской авторской музыки, вышедшей из фольклора, но и стал серьезным фактором, который поднял на более высокий

уровень развития художественное вещание регионального радио.

Как и музыкальные жанры, особым культурным феноменом на республиканском радио стал радиотеатр. Постановки, которые транслировались на русском и адыгейском языках, были посвящены производственным темам, общечеловеческим ценностям, семейному быту, взаимоотношениям отцов и детей, революционной, исторической и культурной тематике: «Ны 1ушым ыпхъу» («Умной матери дочь»), «Шахъомрэ пшъэшъэ пагэмрэ» («Месть табунщика») Т. Керашева; «Адыгэм ыпхъу» («Дочь адыга») А. Гадагатля; «Песня», «Буран» Д. Костанова; «Партизан Хасан Меретуков» Ю. Крючкова; «Псэлъыхъохэр» («Женихи»), «Мыхъамчэриекъор, привет!» («Привет, Мухтар!»), «Гум иорэд» («Песня сердца») Е. Мамия; «Цыфыгъэм ык1уач1» («Сила человечности») Ч. Муратова; «Чыгум иорэд» («Песнь земли»), «Игъонэмысым икъашъу» («Танец смерти»), «Десант-л1ыхъужъ» («Героический десант») Г. Схаллока и многие другие [2]. За время существования радиотеатра на адыгейском радио прозвучало почти тысяча радиопостановок. При их создании были в полной мере использованы такие изобразительно-выразительные средства, как слово, усиленное эмоциями актеров, музыка, добавлявшая в радиопостановку драматические ноты, и шумы, придававшие постановке реальность. Применение этих техник способствовало особой популярностью радиоспектаклей.

Анализ жанровых форм постановок показал, что радиотеатр был сосредоточен на общих гуманистических темах, на человеке, психологии взаимоотношений с другими людьми и конкретных жизненных проблемах. В условиях тематического главенства агитации и пропаганды в радиовещании радиотеатр оставался тем редким жанром, который нес в себе гуманистическую культурно-просветительную функцию, сохраняя культурные традиции адыгского социума через трансляцию фольклора и родного языка и одновременно отражая перемены, происходившие в психологии людей под влиянием современной действительности.

Об особом отклике аудитории на радиоспектакли свидетельствуют многочисленные

письма в редакцию. Приведем некоторые из них. «Я слушал Вашу радиопостановку на родном языке вечером 28 января 65 г., название которой не разобрал. В ней шла речь о том, что дочь вышла замуж за парня, которого не хотела мать девушки, а отец не противился. В ней идет борьба старых взглядов на любовь с миром нашего времени, нашего понятия о любви. Это пьеса нам очень понравилась, и мы с удовольствием поставили бы ее на нашей сцене, если удалось бы достать... Привет от Магина Шхалахова и всех клубных активистов. С горячим приветом к Вам – Аюб Напсо. Туапсинский район, аул Б-Псеушко, сельский клуб 31 января 1965 г.» [17, л. 5]. «Особенно мне понравилась постановка «Цыфэгъам ыос» (Цена человечности)¹, которую показывали 17 февраля... Я всегда с большим удовольствием слушаю ваши передачи особенно мои дети. Они сидят около приемника и спрашивают когда Майкоп будет говорить. Спасибо вам дорогие друзья что не забываете наш язык. Теучежский р-он аул II Эдепсукай от Хахук Нафисет» [17, л. 10].

С. С. Шхалахова условно выделяет четыре этапа, характерных для процесса развития радиотеатра на республиканском радио Адыгеи: 1) этап формирования предпосылок для возникновения радиотеатра в Адыгее, который начался в середине 20-х гг. XX в. и длился до 1950 г.; 2) период становления в 50–60-е гг. XX в.; 3) расцвет, продолжавшийся до конца 80-х гг. XX в.; 4) упадок, начавшийся в 90-е гг. XX в. [28]. С середины 1990-х гг. радиотеатр как жанр начал уходить из местного радиоэфира, и уже к началу 2000-х гг. он исчез вовсе. Однако его история завершилась лишь в 2006 г. трансляцией адаптированного для радио юмористического телевизионного театра миниатюр «Зэхэплъэжъ» («Разборки»), автором которого выступила драматург и поэт С. А. Хунагова.

Радиотеатр и литературные жанры на радио были взаимосвязаны. Они сыграли огромную роль в популяризации этого вида искусства и подвигли многих молодых людей попробовать себя в литературе. В книге «Моя жизнь и мой мир. Воспоминания» известный

¹ Автор письма неточно воспроизвел название пьесы Ч. Муратова «Цыфыгъэм ык1уач1» («Сила человечности»). – Прим. ред.

актер и драматург Ч. И. Муратов вспоминал, что встреча в стенах радиокомитета молодых актеров, только закончивших ГИТИС, в числе которых был и он, с радиожурналистами и руководителем радио Киримизе Жане стала отправной точкой, связавшей его судьбу сначала с радио, где он принимал участие в подготовке выпусков популярного в тот период сатирического радиожурнала «Гумзагъ» («Беспокойное сердце»), а затем и с драматургией [8]. На адыгейском радио транслировались литературные передачи с участием поэтов и писателей, создавались постановки по их произведениям. Этот жанр серьезно повлиял на популяризацию адыгейского языка, особенно в части развития его литературной формы. Он также приобщал людей к русской и адыгской драматургии и поэзии. Так или иначе, через передачи «Литературная программа», «Литературный салон», «Поэт и время», «Творчество» и др. прошли все поэты и писатели Адыгеи прошлых лет и современности – Киримизе Жане, Хазрет Ашинов, Хамид Беретарь, Гисса Схаллок, Джафар Цику, Ереджиб Мамий, Анатолий Асланов, Кадырбеч Кумпилов, Чапай Муратов, Аскер Гадагатль, Евгений Салов, Руслан Нехай, Юнус Чуяко, Мулиат Емиж, Нальбий Куёк, Асфар Куёк, Тимур Дербе, Олег Селедцов, Александр Адельфинский и многие другие.

В современной сетке радиовещания не оказалось достаточного времени для трансляции радиопостановок. В связи с тем, что сегодня достаточно популярным жанром становятся аудиокниги, остается надежда на то, что современные адыгские актеры создадут достойные записи литературных произведений на адыгейском языке. Такие подкасты хотя бы фрагментарно могут быть использованы в современном радиовещании Адыгеи.

В середине 60-х г. XX в. появились первые попытки целенаправленного налаживания обратной связи редакций радиовещания со слушателями. Радио Адыгеи проводило анкетирование среди жителей области на предмет эффективности своей работы. В анкету были включены следующие вопросы: какие передачи Вы считаете наиболее удачными; нравятся ли Вам наши радиожурналы; какие темы, по Вашему мнению, не нашли еще своего отражения в радиопередачах; что Вы сами

нам предложите и какое участие можете принять в работе радио; какое музыкальное произведение и в чьем исполнении Вы хотели бы услышать в концерте по заявкам радиослушателей [13]. В архиве сохранилось некоторое количество анкет с ответами за 1960–1964 гг., дающих представление о предпочтениях радиослушателей того периода. При ответах на вопрос о передачах, которые радиослушатели считают наиболее удачными, назывались сатирический журнал «Гумзагъ» («Беспокойное сердце»), концерты по заявкам, «Последние известия» с областными новостями, передачи на воспитательную тему. По поводу радиожурналов слушатели отвечали следующее (в скобках приводятся фамилии респондентов): наиболее интересный радиожурнал – «Наука и техника» (Пшихожев Схатбий Джумальдинович), «единственный запоминающийся журнал “Юность”» (Кривулин Николай Иванович), «удачными были передачи, рассказывающие об успехах строителей по вводу в эксплуатацию жилых домов, школ» (Протасенко Е. Г.), «радиожурналы мне нравятся, но они сухи в них мало жизненного, живой работы. Примером можно брать радио г. Краснодара» (Кумених Анатолий Тимофеевич), «трудно назвать какой-либо журнал, и так мало их слышим», «здесь я не могу ничего сказать радиожурналы почти не читаю» (Маиров Эдуард Исмаилович), «радиожурналы слышу редко» (Захарова Светлана Федоровна) и т.п.

Исходя из ответов радиослушателей на вопрос анкеты о том, какие темы еще не отражены в радиовещании, можно сделать вывод, что респонденты желали большего разнообразия. Очевидно было, что радиопередачи на производственные и сельскохозяйственные темы чрезмерно доминировали в программной сетке. Слушателям не хватало программ о литературе, науке, о простых человеческих проблемах. В качестве наиболее интересных были названы темы: «советский спорт» (Пшихожев Схатбий Джумальдинович), «редко слышим передачи на атеистическую тему и спортивную тему» (Кривулин Николай Иванович), «тема о кибернетике и научно-технические темы» (Гумин Анатолий Иванович), «хотим больше слышать литературных передач и новостей науки и техники» (Букреева

Таня и Тимофеева Света, токарь и кладовщик), «побольше эстрадной музыки, песен, передач о советской технике» (Иващенко А. Н.), «больше давать литературные и музыкальные передачи о жизни и творчестве композиторов классиков» (Захарова Света), «бытовая жизнь. Раскрывать нерадивые семейства и воспитывать с помощью радио, чтоб они краснели перед своими товарищами» (Кумених Анатолий Тимофеевич), «считаю больше места выделять теме по благоустройству города и культуре быта» (Анни Альберт Иванович) [13].

О значении радио как средства коммуникации, влиявшем на все стороны общественной, культурной и даже личной жизни, рассказывают письма радиослушателей, которые приходили в Комитет по радиовещанию и телевидению. В них были советы по темам будущих радиопостановок, жалобы на руководителей, отдельных людей. Республиканское радио для них было не только средством массовой коммуникации, но и социальным институтом, который мог повлиять на начальника или на нерадивого работника. В одном из писем группа рабочих риссовхоза аула Панахес I жаловалась в сатирический радиожурнал на заведующего местным магазином, который не появлялся на работе по несколько дней: «Дорогой Гумзаг! Просим Вас... передать по радио как ведет себя заведующий магазином Х. И., который халатно относится к своей работе...» [17, л. 2]. В другом письме по итогам ранее прозвучавшего критического выступления на радио главный врач Адыгейской областной санэпидстанции отчитался перед руководителем радиокomiteта К. Жане о проведении общего собрания коллектива, на котором был рассмотрен вопрос о сотруднике М. А., и коллеги ему «указали на бездушное отношение к своей дочери и потребовали от него немедленного установления контакта с дочерью, посетить ее и оказывать ей постоянную моральную и материальную помощь» [15, л. 31].

В советский период государство прилагало немало усилий по совершенствованию радиовещания, однако жесткие идеологические рамки, в которых работали электронные средства массовой коммуникации и пресса того периода, существенно тормозили разви-

тие содержательной части информационно-публицистического радио. Анализ доступных архивных документов 60–70-х гг. XX в. о деятельности Комитета по радиовещанию и телевидению показывает, что контроль партийных органов в этой сфере был постоянным. Он осуществлялся в том числе и через местный профсоюзный комитет, чьи решения оформлялись постановлениями общего собрания профсоюза работников радио, на которых принимались социалистические обязательства подготовить радиoprogramмы соответствующей тематики и содержания с последующим отчетом о проделанной работе. Так, например, согласно декабрьскому протоколу профсоюзного собрания работников комитета, в 1970 г. при обсуждении вопроса «О ходе выполнения взятых социалистических обязательств в честь XXIV съезда КПСС, задачи профсоюзной организации» отмечалось, что «в радиокomiteте разработан специальный план по освещению всенародной подготовки к XXIV съезду коммунистической партии. Задача творческих работников ярче, интереснее рассказывать о людях, несущих предсъездовскую вахту, пропагандировать передовой производственный опыт. Рассказывать о радостных переменах, происшедших за время от съезда к съезду» [14, л. 14].

Лишь со второй половины 80-х гг. XX в., после начала постепенного отказа от государственной идеологии, и в течение 1990-х гг. проявилось несколько тенденций в вещании, серьезно изменивших содержательную и техническую часть республиканского радио, – это увеличение информационной составляющей радиовещания с появлением еженедельных итоговых радиопередач, использующих аналитические жанры, и утренних информационно-развлекательных программ; создание главной редакции проблемно-публицистических радиопередач, редакции обменных программ и музыкальной редакции; формирование элементов конвергентной журналистики, когда с созданием 10 апреля 1992 г. Государственной телерадиовещательной компании Республики Адыгея информационные, коммуникативные и технологические возможности телевидения и радио Адыгеи были интегрированы в единый ресурс для подготовки информаци-

онных, публицистических и художественных радиопередач.

На фоне снижения влияния государственной идеологии в 90-х гг. XX в. в публицистическом радиовещании усилилась функция воспитания толерантности и взаимоуважения народов, проживающих в Адыгее, добрососедских отношений с другими регионами. В новых политических и экономических реалиях и последовавших за этим вызовах, угрожающих расколом в обществе по национальному и религиозному признакам, эта функция приобрела особенную важность. Радио Адыгеи удалось сохранить просветительский подход в своем вещании, его общечеловеческую направленность. Авторская передача «Кавказ в зеркале российской прессы» стала классическим примером такого рода передач на радио. В ней журналист Евгений Салов, опираясь на официальную информацию о политике государства на Кавказе, опубликованную в российской прессе, давал собственную оценку последствий тех или иных решений для государства, регулярно делал обзор материалов о Кавказе, вышедших в печати, с целью противостояния негативным клише, которые в тот период преобладали в российском обществе. Цикловая радиопередача «Соседи» в своем первом эфире представила себя как программа «о хороших, отзывчивых людях, умеющих поддерживать добрососедские отношения, независимо от возраста, национальности, вероисповедания» [19, л. 2]. Героев передачи предлагали сами радиослушатели, рассказывавшие в письмах о своих соседях и просто о хороших людях. Программа «Интервью по вашей просьбе», утренняя программа «Надежда», передача для женщин «Сударыни», молодежный канал «Имидж» и другие дополнили сетку публицистического вещания, сделав ее тематически более разнообразной, направленной на различные категории слушателей.

На рубеже XX–XXI вв. республиканское радио претерпело структурные изменения, связанные сначала с присоединением телерадиокомпаний Адыгеи к ВГТРК (Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания), а затем с цифровизацией и использованием новых интернет-технологий. Произошло усиление информаци-

онной функции радиовещания. Так, в 2005 г. после изменения программной сетки информационное вещание адыгейского радио на радиоканале «Россия» составило 300 часов в год, а тематическое – 390 часов в год. С началом трансляции новостных выпусков на радиоканале «Маяк», которая стала возможной после цифровизации, информационная составляющая на радио стала преобладающей. В 2024 г. предполагаемый общий объем информационного вещания на обоих каналах составил 548,7 часов в год, тогда как объем тематических передач – 324,1 часа.

В XXI в. перед государственным радио Адыгеи возникли вызовы, связанные с новыми информационно-коммуникационными технологиями. Развитие местного телевидения и сетевых технических средств, которые через свои образовательно-выразительные возможности предлагают социуму более привлекательные и удобные способы получения информации, чем радио, отодвинули радиовещание на второстепенные роли. С отказа от проводного радио и массового сокращения бытовых радиоточек начался этап ослабления влияния радиовещания на социокультурное пространство республики. Интернет-технологии и предпочтения аудитории вызвали появление на современном радио таких новых жанров, как «подкаст», «стори», «аудиодневник», которые помогают привлечь радиослушателей, однако на адыгейском радио эти жанры так и не появились. В социологическом исследовании, проведенном ученым З.Х. Гучетль в 2018 г., выяснилось, что 10% респондентов на вопрос «Какое СМИ Вы больше всего предпочитаете?» назвали местные (республиканские) газеты, журналы, телевидение, радио. Однако на вопрос «К какому виду СМИ Вы чаще всего обращаетесь?» лишь 2% опрошенных указали на радио [5].

В современной сетке вещания присутствуют программы, которые выполняют задачи сохранения культурно-исторической памяти и распространения просвещения. Это «Сказания о нартах», «Культурное наследие адыгов», «На земле предков», «Джэртпэджэжь» («Эхо»). Программа «Золотой фонд радио» транслирует лучшие передачи адыгейского радио XX в., а идеи таких современных лите-

ратурных и музыкальных передач, как «Мелодии сердца», «Светлый след», напрямую позаимствованы из радиовещания 60–70-х гг. XX в. Они основываются на просвещении и пропаганде местной русской и адыгской музыкальной культуры и литературы. Короткие минутные и двухминутные передачи «Минута поэзии» и «Наша музыка», которые служат своеобразными заставками между новостями и публицистическими передачами, одновременно приобщают в ненавязчивой форме к поэзии и песенной культуре. Однако необходим полноценный синтез традиций вещания адыгейского радио и таких новых жанров, как «стори», «подкаст» и других, с использованием коммуникативных возможностей интернет-технологий, это вернет молодых радиослушателей и влияние радио на окружающий социум.

Итак, изучение значения адыгейского радиовещания в истории республики и его влияния на социокультурные процессы в регионе позволяет нам сделать следующие выводы. В XX в. региональное государственное радио стало социокультурным феноменом прежде всего благодаря коммуникационным, культурно-образовательным и интегративным функциям, заложенным в художественном вещании. В течение всего советского периода, до появления регионального телевидения и развития интернет-технологий, оно оставалось самым значимым средством массовой информации в Адыгее и, опираясь в своей деятельности на традиционную народную культуру, в полной мере использовало свой потенциал для сохранения национальной идентичности адыгского социума, взаимообогащения культуры народов, проживающих в регионе, воспитания толерантности и взаимоуважения. В XXI в. перед адыгейским радио стоит задача продолжить сложившуюся в его работе концепцию гуманистической направленности вещания для формирования единой социокультурной общности полиэтничного региона на основе традиционных ценностей и культуры народов Адыгеи в условиях современных реалий.

Основываясь на вышеизложенном, историю развития государственного радио в Ады-

гее можно условно разделить на несколько этапов. 1926–1937 гг. – период развития сетей радиовещания, становление программирования радиовещания и адыгейской радиожурналистики. 1937–1941 гг. – дальнейшее техническое развитие сетей радиовещания, формирование совокупности жанров адыгейского радиовещания. 1941–1943 гг. – сокращение местного радиовещания в связи с Великой Отечественной войной и временной оккупацией региона. 1943–1950 гг. – период восстановления сетей радиовещания, разрушенного в годы Великой Отечественной войны и дальнейшее расширение массового радиовещания. 1950–1991 гг. – период, характеризующийся значительным влиянием информационной функции радио на социум, направленной на пропаганду социалистической идеологии государства. На эти годы приходится появление магнитной пленки в технологическом арсенале радиостудий и, соответственно, расцвет художественного вещания регионального радио, особенно музыкального жанра и радиотеатра, которые сыграли решающую роль в просвещении, взаимопроникновении русской и адыгской культур и формировании социокультурной общности в Адыгее. 1992–1998 гг. – период работы республиканского радиовещания в структуре телерадиовещательной компании Адыгеи, характеризуется появлением аналитических жанров в информационном вещании и публицистике, усилением функции историко-культурного просвещения, воспитания толерантности и дружбы между народами, населяющими Юг России. В этот период радио сыграло значительную роль в сохранении межнационального согласия в регионе в условиях политической и экономической нестабильности. 1998–2024 гг. – период функционирования республиканского радио в составе ВГТРК «Адыгея». Современное состояние регионального радио характеризуется усилением информационного вещания, которое стало преобладающим, исчезновением такого жанра, как радиотеатр, и уменьшением влияния на окружающий социум в силу появления новых информационных интернет-технологий и жанров, которые пока не нашли применения в радиовещательной практике.

Следует особо отметить, что пройденный за неполные сто лет путь и результаты влияния государственного радио Адыгеи на укрепление мира и согласия в полиэтничном регионе, на сохранение традиционных ценностей проживающих в нем этносов заслуживают того, чтобы оценивать региональное радиовещание в XX в. как важ-

ную часть культурного наследия народов республики.

Дальнейшие исследования проблем регионального государственного радиовещания в Республике Адыгея могут быть направлены на изучение возможностей и способов возврата ему позиций гуманистического культурообразующего института.

Vyacheslav Sh. ZHACHEMUK

Postgraduate Student,
Maykop State Technological University,
Maykop, Russian Federation
vyacheslav_zhachemuk@mail.ru

Regional State Radio Broadcasting in the Practices of Forming a Multiethnic Sociocultural Community (On the Example of the Republic of Adygea)

Abstract. The aim of this work is to determine the role of regional radio in the formation of a sociocultural community in a multiethnic region; state radio broadcasting in the Republic of Adygea is considered as a research case. Scientific studies devoted to the history of radio and other aspects, archival documents, microphone folders with texts of radio broadcasts aired in different historical periods, and long-term plans of the Committee for Radio Broadcasting and Television of Adygea are analyzed. The structural-functional and diachronic methods, observation methods, and the descriptive method are used. The formation and development of regional radio in the period preceding the Great Patriotic War are analyzed. Considerable attention is paid to the development of radio broadcasting in Adygea in the post-war decades. The dominance of the agitation and propaganda function in the activities of the state radio station is emphasized. Among other functions, the following are identified: updating of historical and cultural memory, preservation of interethnic harmony, and educational one. The positive influence of radio broadcasts on the mutual enrichment of the cultures of small peoples and Russian culture is noted. The article examines the topics of cultural and educational radio broadcasts related to various artistic genres (musical genre, creative portrait of the performer, radio theater). Examples of listeners' attitudes to the regional radio program, reflected in surviving questionnaires and letters to the editor, are given. The article points to the constant nature of party control over regional radio broadcasting, which weakened only in the second half of the 1980s. The article notes the active work in the direction of nurturing tolerance and mutual respect among the peoples living in Adygea, characteristic of the activities of the republican radio in the 1990s; describes the organizational changes that occurred with the system of republican radio broadcasting at the turn of the 21st century; reflects the strengthening of its information function in the subsequent period. The influence of new information and communication technologies on the work of regional state radio is studied. It is concluded that, in the 20th century, it remained the most significant mass media in Adygea due to the communication, cultural, educational, and integrative functions inherent in artistic broadcasting. Seven main periods of development of the state radio of Adygea are identified. The author comes to the conclusion that modern Adygean radio needs a synthesis of the broadcasting traditions of the 20th century and new modern genres.

Keywords: Republic of Adygea, Maykop, multi-ethnic region, regional radio broadcasting, news content, music broadcasting, radio theater, socio-cultural community.

Использованная литература:

1. Арсланова О. Р. Тенденции развития информационного вещания в современной России: дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 177 с.
2. Архив фонотеки филиала Федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания» «Государственная телевизионная и радиовещательная компания «Адыгея»».
3. Вдовина Е. А. Художественное радиовещание в отечественной культуре: традиции и современность // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 21 (312). С. 99–105.
4. Гаг Н. А. Радиотеатр в системе жанров радио: исторический и культурологический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2014. 244 с.
5. Гучетль З. Х. Средства массовой информации в мнениях молодежи Республики Адыгея // Работы разных лет отдела философии и социологии (2014–2019 гг.) / отв. ред. Р. А. Ханаху. Майкоп: Электрон. издат. технологии, 2019. С. 50–62.
6. Емыкова Н. Х. Адыгские языки и фольклор в системе радиовещания (1926–1950 гг.) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2007. № 2. С. 284–291.
7. Емыкова Н. Х. Адыгский музыкальный фольклор в электронных СМИ: традиции, формы и жанры // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2008. № 3. С. 129–132.
8. Муратов Ч. И. Моя жизнь и мой мир. Воспоминания. Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2014. 528 с.
9. Национальный архив Республики Адыгея (НАРА). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 464.
10. Национальный архив Республики Адыгея (НАРА). Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 450.
11. Национальный архив Республики Адыгея (НАРА). Ф. Р-5. Оп. 2. Д. 3.
12. Национальный архив Республики Адыгея (НАРА). Ф. Р-1111. Оп. 1. Д. 8.
13. Национальный архив Республики Адыгея (НАРА). Ф. Р-1111. Оп. 1. Д. 15.
14. Национальный архив Республики Адыгея (НАРА). Ф. Р-1111. Оп. 1. Д. 14.
15. Национальный архив Республики Адыгея (НАРА). Ф. Р-1111. Оп. 1. Д. 17.
16. Национальный архив Республики Адыгея (НАРА). Ф. Р-1111. Оп. 1. Д. 25.
17. Национальный архив Республики Адыгея (НАРА). Ф. Р-1111. Оп. 1. Д. 29.
18. Национальный архив Республики Адыгея (НАРА). Ф. Р-1111. Оп. 2. Д. 98.
19. Национальный архив Республики Адыгея (НАРА). Ф. Р-1111. Оп. 2. Д. 1433.
20. О радиофикации области // Колхозное знамя. 1933. № 164 (923). 9 дек. С. 2.
21. Радио громко молчит // Колхозное знамя. 1933. № 171 (930). 28 дек. С. 4.
22. Раскатова Е. Р. Типологический анализ современного российского радиовещания: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005. 177 с.

References:

1. Arslanova, O.R. (2009) *Tendentsii razvitiya informatsionnogo veshchaniya v sovremennoy Rossii* [Trends in the Development of Information Broadcasting in Modern Russia]. Philology Cand. Diss. Moscow. 177 p.
2. Archive of the Sound Library of the Branch of the Federal State Unitary Enterprise “All-Russian State Television and Radio Broadcasting Company” *Gosudarstvennaya televizionnaya i radioveshchatel'naya kompaniya "Adygeya"* [State Television and Radio Broadcasting Company “Adygea”].
3. Vdovina, E.A. (2013) *Khudozhestvennoe radioveshchanie v otechestvennoy kul'ture: traditsii i sovremennost'* [Artistic Radio Broadcasting in Domestic Culture: Traditions and Modernity]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 21 (312). pp. 99–105.
4. Gaag, N.A. (2014) *Radioteatr v sisteme zhanrov radio: istoricheskiy i kul'turologicheskiy aspekty* [Radio Theater in the System of Radio Genres: Historical and Cultural Aspects]. Philology Cand. Diss. Voronezh. 244 p.
5. Guchetl', Z.Kh. (2019) *Sredstva massovoy informatsii v mneniyakh molodezhi Respubliki Adygeya* [Mass Media in the Opinions of the Youth of the Republic of Adygea]. In: Khanakhu, R.A. (ed.) *Raboty raznykh let otdela filosofii i sotsiologii (2014–2019 gg.)* [Works of Different Years of the Department of Philosophy and Sociology (2014–2019)]. Maykop: Elektron. izdat. Tekhnologii. pp. 50–62.
6. Emykova, N.Kh. (2007) *Adygskie yazyki i fol'klor v sisteme radioveshchaniya (1926–1950 gg.)* [Adyghe Languages and Folklore in the Radio Broadcasting System (1926–1950)]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Filologiya i iskusstvovedenie*. 2. pp. 284–291.
7. Emykova, N.Kh. (2008) *Adygskiy muzykal'nyy fol'klor v elektronnykh SMI: traditsii, formy i zhanry* [Adyghe Musical Folklore in Electronic Media: Traditions, Forms and Genres]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Filologiya i iskusstvovedenie*. 3. pp. 129–132.
8. Muratov, Ch.I. (2014) *Moya zhizn' i moy mir. Vospominaniya* [My Life and My World. Memories]. Maykop: Adyg. resp. kn. izd-vo. 528 p.
9. National Archive of the Republic of Adygea (NARA). Fund R-1111. Inventory 1. Item 8.
10. National Archive of the Republic of Adygea (NARA). Fund R-1111. Inventory 1. Item 15.
11. National Archive of the Republic of Adygea (NARA). F. R-1111. Inventory 1. D. 14.
12. National Archive of the Republic of Adygea (NARA). F. R-1111. Inventory 1. D. 17.
13. National Archive of the Republic of Adygea (NARA). Fund R-1111. Inventory 1. Item 25.
14. National Archive of the Republic of Adygea (NARA). Fund R-1111. Inventory 1. Item 29.
15. National Archive of the Republic of Adygea (NARA). Fund R-1111. Inventory 2. Item 98.
16. National Archive of the Republic of Adygea (NARA). Fund R-1111. Inventory 2. Item 1433.
17. National Archive of the Republic of Adygea (NARA). Fund R-1. Inventory 1. Item 464.
18. National Archive of the Republic of Adygea (NARA). Fund R-5. Inventory 1. Item 450.
19. National Archive of the Republic of Adygea (NARA). Fund R-5, Inventory 2. Item 3.

23. Ружников В. Н. Лекции по истории отечественного радиовещания 1895–2001 гг. М.: Гуманитар. ин-т телевидения и радиовещания им. М. А. Литовчина, 2002. 204 с.
24. Сиухова А. М. Социокультурные аспекты музыкальной жизни адыгов: дис. ... канд. культурологии. М., 2001. 168 с.
25. Смирнов В. В. Жанровая система радиожурналистики. История. Теория. Особенности функционирования. Ростов н/Д.: б.и., 2006. 472 с.
26. Шабунина Н. Ю. Музыка в радиожурналистике – эволюция функции и образная система (1924–2004): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 243 с.
27. Шерель А. А. Аудиокультура XX века. История, эстетические закономерности, особенности влияния на аудиторию: очерки. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 369 с.
28. Шхалахова С. С. Оригинальное искусство – радиотеатр: особенности развития в Адыгее // Сборник статей XIV региональных чтений, посвящ. Дню славянской письменности и культуры. Майкоп: Магарин Олег Григорьевич, 2021. С. 242–256.
20. *Kolkhoznoe znamya*. (1933) O radiofikatsii oblasti [On the Radiofication of the Region]. 164 (923). 9 Dec. p. 2.
21. *Kolkhoznoe znamya*. (1933) Radio gromko molchit [The Radio Is Loudly Silent]. 171 (930). 28 Dec. p. 4.
22. Raskatova, E.R. (2005) *Tipologicheskii analiz sovremennogo rossiyskogo radioveshchaniya* [Typological Analysis of Modern Russian Radio Broadcasting]. Philology Cand. Diss. Voronezh. 177 p.
23. Ruzhnikov, V.N. (2002) *Lektsii po istorii otechestvennogo radioveshchaniya 1895–2001 gg.* [Lectures on the History of Russian Radio Broadcasting in 1895–2001]. Moscow: Humanities Institute of Television and Radio Broadcasting. 204 p.
24. Siyukhova, A.M. (2001) *Sotsiokul'turnye aspekty muzykal'noy zhizni adygov* [Sociocultural Aspects of the Musical Life of Adyghees]. Culturology Cand. Diss. Moscow. 168 p.
25. Smirnov, V.V. (2006) *Zhanrovaya sistema radiozhurnalistiki. Istoriya. Teoriya. Osobennosti funktsionirovaniya* [Genre System of Radio Journalism. History. Theory. Features of Functioning]. Rostov-on-Don. 472 p.
26. Shabunina, N.Yu. (2005) *Muzyka v radiozhurnalistike — evolyutsiya funktsii i obraznaya sistema (1924–2004)* [Music in Radio Journalism – Evolution of Function and Image System (1924–2004)]. Philology Cand. Diss. St. Petersburg. 243 p.
27. Sherel', A.A. (2004) *Audiokul'tura XX veka. Istoriya, esteticheskie zakonomernosti, osobennosti vliyaniya na auditoriyu: ocherki* [Audio Culture of the Twentieth Century. History, Aesthetic Patterns, Features of Influence on the Audience: Essays]. Moscow: Progress-Traditsiya. 369 p.
28. Shkhalakhova, S.S. (2021) [Original Art – Radio Theater: Features of Development in Adygea]. *XIV regional'nye chteniya, posvyashchennye dnyu slavyanskoy pis'mennosti i kul'tury* [XIV Regional Readings Dedicated to the Day of Slavic Writing and Culture]. Proceedings of the Readings Maykop: Magarin Oleg Grigor'evich. pp. 242–256. (In Russian).

Полная библиографическая ссылка на статью:

Жачемук, В. Ш. Региональное государственное радиовещание в практиках формирования полиэтничной социокультурной общности (на примере Республики Адыгея) / В. Ш. Жачемук. – Текст : электронный. – DOI 10.36343/SB.2024.39.1.002 // Наследие веков. – 2024. – № 3. – С. 26–40. – URL: http://heritage-magazine.com/index.php/HC/article/view/___/___ (дата обращения: ДД.ММ.ГГГГ).

Full bibliographic reference to the article:

Zhachemuk, V. Sh. (2024) Regional State Radio Broadcasting in the Practices of Forming a Multiethnic Sociocultural Community (On the Example of the Republic of Adygea). *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 26–40. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2024.39.1.002.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

FULL ARTICLE

СОКОЛОВА Алла Николаевна
доктор искусствоведения, профессор,
ведущий научный сотрудник Южного филиала
Российского государственного института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва,
Краснодар, Российская Федерация
professor_sokolova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7992-3902

ВАК: 5.10.1.

DOI: 10.36343/SB.2021.25.1.008

Культурные практики курдов Адыгеи как ресурс формирования и сохранения этнической, региональной и общероссийской идентичностей¹

Автор выявляет специфику функционирования художественных практик курдов Адыгеи. Наблюдения последних лет и неформальные интервью с руководителем курдской общины Адыгеи Ф. Абдулаевым и уполномоченным представителем Национального конгресса Курдистана в России Ф. Патиевым дали возможность представить современные художественные практики проживающих в регионе курдов в контексте сохранения и формирования идентичностей различного уровня и характера. Показаны механизмы и инструменты, позволяющие сохранить родной язык (курманджи) и аутентичные танцы. Рассмотрены различные разновидности говандов (хороводов), распространенные у курдов Адыгеи, упомянуты общенациональные варианты танца. Среди особенностей функционирования культурных практик курдов Адыгеи отмечены: сакральный характер, создающий этнодифференцирующий эффект; функция производства и потребления духовных ценностей; эмоциональная окраска; соответствие праздничным дням курдского календаря; непосредственное влияние на повседневность.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения Южным филиалом ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва» государственного задания по теме «Практики культурной жизни полиэтничных регионов России и проблемы формирования общегражданской идентичности», номер государственной регистрации: 124012800530–4.

Ключевые слова: курды Адыгеи, культурные практики, художественные практики, гованд, виртуальная родина, малая родина.

Введение. В современной науке происходит все более глубокое и расширенное постижение культуры, что отчасти отражается в категориальном аппарате культурологии. Основательность научного поиска характеризуется многочисленными концептами: «культурные коды», или «коды культуры», «медиакультура», «культурный архив», «культуротворчество», «культуромика», «культурные индустрии», «культурный кластер», «культурные инновации», «креативность», «креативный класс», «творческая экономика», «экономика впечатлений», «социопрагматика культуры» и др. Одним из расхожих стало понятие «культурные практики», под которым понимаются любые виды деятельности отдельных социальных групп, в том числе и этнических. Парадокс заключается в том, что, задаваясь целью формирования общероссийской нации, государство, как и специалисты в области гуманитарных наук, не могут преодолеть этническую дифференциацию общества, поэтому изучение этнических групп, бытующих в отдельных регионах, остается актуальной научной задачей, решение которой представляется значимым для управления регионом и государством в целом.

В фокусе нашего внимания находятся художественные практики, под которыми понимаются акции традиционного досугового времяпрепровождения. Именно такие практики не только маркируют этнос, но и, как правило, являются «мостиком» для межкультурных коммуникаций, обеспечивающих эмпатию и интерес. Предварительно сделаем уточнение отом, что из всех видов культурных практик этноса (повседневных, обрядовых, праздничных) мы ограничиваемся в исследовании эстетическими и художественными.

Один из относительно новых этнических кластеров в Краснодарском крае и Республике Адыгея определен курдами – ираноязычным народом, представители которого сразу после распада СССР стали прибывать в обозначенный регион из Армении, Грузии, Казахстана и Киргизии. В тот период курды расселились

также на различных территориях России: в Ставропольском крае, в Саратовской, Нижегородской, Ярославской областях. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2020 г., в период ее проведения на территории Российской Федерации проживало более 50 тыс. курдов, в то же время численность курдов в Адыгее составляла 5 233 человека (пятая позиция по численности среди всех этносов республики), что соответствовало 1,05% от общего состава населения [9].

Российским курдам посвящено относительно немного исследований, вышедших в основном во втором десятилетии XIX в. [5] [6] [13]. Их авторы концентрировали свое внимание главным образом на различных аспектах этнической истории, проблемах сохранения культурной самобытности и интеграции в российский социум. Отдельному изучению подвергались различные элементы курдской национальной культуры, в частности танцев [1].

Гораздо более значителен корпус исследований, связанных с курдами Адыгеи. Так, на примере региона изучалась история переселения на его территорию курдов и проводился анализ проблем вхождения их в принимающие сообщества [7] [8] [10] [17]. В основном исследователей интересовали социально-экономические проблемы, сопровождавшие эти процессы [18] [19]. Внимание уделялось фольклорной проблематике [14] и вопросам, связанным с этнической идентичностью и культурной памятью [15] [16].

Причины и условия размещения курдов в Республике Адыгея были изучены нами в рамках трехгодичного проекта, финансируемого РГНФ в 2012–2014 гг. (проект Российского гуманитарного научного фонда «Социокультурная адаптация курдов Адыгеи и прогностика развития этногруппы»). Итоги этого исследования представлены в монографии «Курды Адыгеи» [10]. Кроме проблем социального характера, авторы коснулись основных ценностных ориентаций этногруппы, охарактеризовали ее структурно-

морфологический состав, собрали экономический и социокультурный «портрет» курдской этнической общности в регионе. Важное значение имеют описания свадеб и других обрядов, распространенных в курдской диаспоре Адыгеи, а также характеристика особенностей, определяющих отношение ее представителей к образованию и к художественной деятельности. Авторами была выявлена особая значимость семейно-родовых обрядов жизненного цикла, объединяющая до тысячи людей. Весьма специфические характеристики этих обрядов «не вписывались» в культуру принимающего сообщества, что порождало определенное недопонимание соседей. Сейчас, спустя десять лет после завершения работы над проектом, важно проверить, какие изменения произошли за этот период в культурном развитии этногруппы, как реализуются главные интенции культурных практик – сохранение, передача и дальнейшее развитие системы значений и смыслов, культурных кодов этноса.

По прошествии почти трех десятилетий пребывания курдской общины в Адыгее в социальную жизнь вступило новое поколение курдов, родившихся в регионе, принявших культуру европейской одежды, осознавших ценность получения образования. При этом главной задачей общины было и остается сохранение этнической идентичности. Одним из важнейших каналов обеспечения сохранности этнической культуры и самосознания становятся культурные практики. Вопрос значимости этих практик в аспекте стабильного функционирования различных уникальных моделей этноидентичности для науки остается открытым, что и актуализирует тематику нашей статьи.

Целью исследования является выявление особенностей, характеризующих функционирование культурных практик курдов Адыгеи. Ядром методологического инструментария стали методы включенного наблюдения и экспертного неформального интервью. Подобные интервью, ставшие основой материалов исследования, были проведены автором с руководителем курдской общины Адыгеи Файзо Абдулаевым [11] и уполномоченным представителем Национального конгресса

Курдистана в Российской Федерации Фархатом Патиевым [12] в мае-июне 2024 г.

В исследовании предполагается выявить основные особенности сохранения этничности курдов Адыгеи, в том числе путем обращения к традиции проведения многолюдных свадеб с обязательным исполнением говандов (хороводов, имеющих разнообразную форму). После рассмотрения разновидностей этого танца необходимо сосредоточить внимание на сакральности танцевальных практик, изучив затем степень закрытости курдского сообщества Адыгеи. Важность для исследования также представляют: выявление характерных черт, присущих современной языковой ситуации в региональном курдском сообществе; рассмотрение практики обучения танцам у курдов Адыгеи; определение степени интереса к декоративно-прикладному творчеству и художественной деятельности у представителей данной этнической общины.

Новизна проведенных научных изысканий связана прежде всего с включением в гуманитаристику нового знания об этногруппе, ставшей частью регионального и общероссийского сообщества.

* * *

Главная задача для руководства курдской общины и для каждого члена этого сообщества состоит в самосохранении: в сохранении языка, культуры, традиций, религии. Язык представляется важнейшим манифестантом этничности. При том что курманджи (язык курдов Адыгеи) официально в республике не изучается, миссия его сохранения ложится на семью. Даже в смешанных семьях, где мать армянка, отец и его ближайшие родственники ответственны за трансляцию языка¹. Бытовое ограничение языка, безусловно, обедняет его, но здесь на помощь приходит спутниковое телевидение и несколько мощных курдских каналов из Бельгии и Турции. Их интересные и разнообразные программы в курдских домах смотрят постоянно, поэтому художественные и эстетические ценности пе-

¹ Сошлемся на пример Эрика Ахметова, магистранта Института искусств Адыгейского государственного университета, знающего язык, несмотря на то, что его мать – армянка – Прим. авт.

редаются детям и таким способом. Надо особо выделить роль курдских каналов в формировании единого виртуального курдского пространства. Народ, не имеющий собственного государства, существует в мире виртуального Курдистана со своей музыкой, легендами, мифами, кумирами, политическими лидерами и проч.

Другой фактор сохранения этничности курды Адыгеи видят в близкородственных браках, традициях выбора невесты родителями (чаще матерью жениха) и раннем замужестве. Девочки до сих пор выходят замуж в 15–17 лет, не имея опыта какого-либо личного знакомства с людьми противоположного пола вне курдского сообщества. Фархат Патиев, один из лидеров российских курдов, в интервью подчеркивал, что он категорически осуждает ранние браки, ратует за то, чтобы дети курдов получали образование – заканчивали среднюю школу, колледжи, вузы. И в то же время он понимает глубинные причины таких традиций, строгое следование им в среде курдов Адыгеи, объясняя это бесконечными переездами, связанными с гонениями, конфликтами между странами и другими народами, в которых заложниками оказывались курды [12].

Важным каналом сохранения этничности служат семейно-бытовые традиции, особенно многолюдные свадьбы с обязательным исполнением говандов. Гованд – это хоровод, имеющий линейную, полукруговую или круговую форму. В прежние времена, по словам Фархата Патиева, в гованд становились поочередно мужчины и женщины. Сейчас под влиянием ислама мужчины могут танцевать отдельно от женщин или малыми группами. Последний мужчина и первая женщина, как правило, являются родственниками [12].

Исследователь и преподаватель курдского языка Фархат Патиев, ныне сопредседатель национальной культурной автономии курдов России, рассказал нам о нескольких разновидностях гованда, которые отличаются по положению ног и рук [12]. В частности, можно выделить гованды: с высоким поднятием колена; с высоким поднятием пятки, когда нога закидывается назад; без высоких положений ног, с так называемыми «вялыми

коленями». Фиксируются также три положения рук: мизинчиковое, при котором цепочка танцующих сцепляется мизинцами рук; ладонные, при котором танцующие держатся за руки; и поясничные, при котором танцующие обхватывают рядом стоящих за талии. При этом различаются трехшаговые и четырехшаговые гованды. Ученые насчитывают более четырехсот видов говандов, но в каждом отдельном регионе танцуют примерно 7–8 видов. Существуют еще и отдельно мужские и женские гованды – в зависимости от региона, места исполнения и функции танца. Общекурдским является гованд под названием «Далило» – возможно, название сохранилось от одноименной песни. Это четырехшаговый гованд с мизинчиковым положением рук и высокими коленями. Есть еще трехшаговый гованд секе, гованды баблукан и кас-кас. Поскольку при переселениях выходцы из Ыгдыра, Агры, Карса, Вана² смешиваются, танцы меняются. Иногда приходится приспособливаться к тому виду гованда, который знает большинство в данном регионе.

В гованд новый танцующий может войти в любой момент, на время разрывая цепь. По воспоминаниям Фархата Патиева, в детстве они любили пробегать между танцующими. Это была не только забава, но и в определенной мере проверка на «правильность» исполнения танца, прочность его цепи [12].

Достаточно подробное описание гованда важно потому, что именно этот танец является одной из важнейших художественных практик, обеспечивающих этническую идентичность. Более того, внутри полиэтничного сообщества танец обретает сакральность, связанную с нежеланием показывать его на сцене или в условиях массовых общественных праздников, где демонстрируется культура народов Адыгеи в контексте региональной или общероссийской идентичности. Душа этого танца состоит в его исполнении, в коллективном многолюдном участии, а отнюдь не в манифестации курдской культуры, в том, чтобы на него смотрели со стороны.

Курдская община Адыгеи остается довольно закрытой для регионального сооб-

² Города, расположенные на территории современной Турции – Прим. авт.

щества. Каналами повседневного общения являются отнюдь не художественные практики, а розничная и оптовая торговля, сельское хозяйство. Художественный и эстетический кластер маркирует курдскую культуру внутри этноса. Важным идентификационным маркером выступает музыка, хотя по отношению к ней довольно горячие споры ведутся с армянами и турками – не только на уровне простых людей, но и среди музыкантов-исполнителей и ученых. Эти споры случаются как в интернет-пространстве, в социальных сетях, так и при окказиональных личных контактах в кафе и ресторанах. Иногда выяснение «чья это музыка», «кто у кого украл песню» приводит к горячим спорам и даже рукоприкладству [2].

В современной ситуации, когда судом была ликвидирована общественная организация курдов Республики Адыгея «Агры» (август 2020 г.), внутри сообщества только укрепляются этнические характеристики культуры, при этом испытывает ресурсный дефицит региональная и общероссийская идентичности. Внутри курдской общины после официального закрытия их организации практически ничего не изменилось. Продолжает существовать «Курдский дом», правление, так же отмечаются важные для этноса памятные даты. При этом теперь отсутствует необходимость обязательного написания отчетов, ведения сайта, участия в республиканских мероприятиях. Община и руководство ею осуществляется в прежнем режиме, но не официально. По отношению к курдам в республике нет специальных программ или фокуса в направлении формирования региональной и общероссийской идентичности с учетом численности и прогностики развития этногруппы. Главными задачами остаются создание ситуации межнационального согласия, отсутствия каких-либо конфликтов на национальной почве и преодоление любых противоправных ситуаций и действий.

Понятно, что движение в направлении инкультурации, формирования диалога культур и создания региональной и общероссийской идентичности должно быть обоюдонаправленным, двусторонним. Поиск взаимовыгодного бытия, стремление видеть

и выделять положительные стороны сожития – вот задача настоящего и будущего. Заботиться о селе, в котором живешь, о дорогах, о школе, в которой учатся твои дети, приумножать благосостояние своего дома, своей второй родины Адыгеи и России – в этом высший нравственный и духовный смысл такого сожития. Преодоление сепарации, закрытости, отчужденности – задача не одного десятилетия. Важно, чтобы декларировались такие желания и разрабатывались шаги по их исполнению.

Пока же мы констатируем меньшую открытость курдской общины в сравнении даже с ситуацией прошедшего десятилетия. Тридцатилетнее пребывание курдов в Адыгее для многих ее членов – особенно для тех, кто родился и вырос в республике, – меняет представление о ней как о территории временного проживания. Адыгея воспринимается «малой родиной», в которой молодежь видит свое будущее. Возможно, поэтому курдские парни идут на СВО, а соплеменники на общественные деньги покупают и передают на фронт генератор, электроинструменты и питьевую воду [11]. Все больше детей курдов стали получать полноценное девятилетнее образование – и в этом видна определенная роль Министерства образования Адыгеи, строже контролирующего выполнение «Закона об образовании» (особенно в последние 3 года). Практически вся курдская молодежь двуязычна. Они чисто говорят на русском языке, хорошо знают устный родной язык. К сожалению, организованного обучения письменному курдскому языку не происходит из-за отсутствия соответствующих учебников, утвержденных в России. Курды старше пятидесяти лет отлично говорят на армянском, но для молодежи этот язык оказался невостребованным.

Танцевальная практика для курдов Адыгеи остается массовой и активной, что, с одной стороны, наряду с родным языком, становится определенным фундаментом сохранения этничности, а с другой – соответствует этнокультурному тренду всего Северного Кавказа, где аутентичный танец является доминирующим маркером этнокультуры. Основной формой обучения танцевальному искусству в курдском сообществе остается обучение че-

рез наблюдение. Танцевальная «насмотренность» есть высшая форма аутентичности. Тем не менее в течение 8 лет при «Курдском доме» в селе Белом существовал танцевальный кружок, которым руководила Барфин Мамедова – певица, исполнитель на гитаре, человек, побывавший во всех станах, где проживают курды, – в Ираке, Сирии и Турции [3]. Она хорошо знала особенности исполнения различных курдских танцев и учила этому молодых девочек³. На просторах интернета имя Барфин Мамедовой представлено довольно широко, особенно в курдском и англоязычном сегменте, а в Адыгее она практически неизвестна. И это еще одно доказательство закрытости курдской общины, нежелание культурно интегрироваться в многонациональное сообщество Адыгеи.

Рассуждая о формировании в курдской этногруппе художественной элиты, без которой общество не может быть здоровым, нельзя не отметить отсутствие интереса к декоративно-прикладному творчеству и художественной (живописной) деятельности. Если в прошлом ковроткачество было важной составляющей в воспитании девочек, то сегодня рукоделие практически ушло из повседневной жизни курдянок. Интерес к живописи также не характерен для их детей, хотя в районе существует художественная школа достойного уровня. Файзо Абдулаев объясняет такое положение дел многими причинами и не в последнюю очередь отсутствием уроков и кружков живописи непосредственно в сельских школах, где в основном проживают курды [11]. Тем не менее на выставке детских рисунков в Москве, организованной сообществом курдов России, три работы из Адыгеи были отмечены. Живописному оформлению интерьера своих жилищ курды предпочитают «иконостас» из портретов современных курдских политических лидеров.

* * *

Заключение. Трудно не согласиться с В. П. Большаковым, считающим, что «практики художественного освоения людьми окружающей среды переносятся и на характер взаимодействия с этой средой» [4, с. 38]. В кон-

³ В настоящее время Барфин Мамедова живет во Франции – *Прим. авт.*

тексте обсуждаемых проблем указанная корреляция может рассматриваться амбивалентно. С одной стороны, именно художественные практики для курдов остаются важными и сильными скрепами этничности, ибо имеют эмоциональную окраску, соответствуют особым (праздничным дням) дням курдского календаря. Они влияют и на повседневность, которая в условиях компактного сожительства воспринимается как «небольшой перерыв» между ритуалами, обрядами, свадьбами и праздниками. Курдская повседневность все более и более теряет этнические характеристики и становится похожей на среднестатистическую жизнь сельского южанина (работа в поле, домашнее хозяйство, торговля, учеба детей, строительство нового дома и т.п.). С другой стороны, именно художественные практики «закрывают» общину и создают невидимую границу между «мы» и «они». Художественные практики выступают в качестве форм производства и потребления духовных ценностей, поэтому они оберегаются «от чужих глаз», сакрализуются как некие сокровища, доставшиеся от предков. Открыть художественные практики для принимающего сообщества чревато «распылить» этнические ценности, утратить иерофанию, «опуститься» до профанного. При этом есть риск получить негативную оценку со стороны иноэтнических соседей, не владеющих кодами курдской художественной культуры.

Найти баланс между «высокой художественной реальностью», маркирующей курдскую этничность, и идеологической (гражданской) реальностью бытия – задача, которую должны решать соответствующие властные структуры – Комитет по делам национальностей, Комитет по делам молодежи, Министерство культуры Республики Адыгеи. Отсутствие курдской общины в сообществе диаспор Адыгеи не способствует их региональной интеграции. Поиск путей взаимодействия курдской общины (к слову сказать, весьма организованной) и остальной части населения республики становится проблемой в том числе и научной. От ее решения, от конкретных предложений, выработанных содружеством ученых, будет зависеть судьба всех курдов Адыгеи и каждого его представителя.

Alla N. SOKOLOVA

Dr. Sci. (Musical Art), Prof.,
Southern Branch, Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage,
Krasnodar, Russian Federation
professor_sokolova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7992-3902

***Cultural Practices of the Kurds of Adygea
as a Resource of the Formation and Preservation
of Ethnic, Regional and all-Russian Identities¹***

Abstract. The author reveals the specifics of the functioning of artistic practices of the Kurds of Adygea (the southern region of Russia, located in the North-West Caucasus). Observations of recent years and interviews with Faizo Abdullayev, the head of the Kurdish community of Adygea, and Farhat Patiev, the authorized representative of the National Congress of Kurdistan in Russia, allowed us to present modern artistic practices of the Kurds living in the region in the context of preserving ethnic and forming regional and all-Russian identities. The main research methods were included observation and expert informal interviews. The main directions of preserving the ethnicity of the Kurds of Adygea were identified. The role of Kurdish satellite channels in the formation of a single virtual space, popularization of the values of ethnic culture and preservation of the language is reflected. The causes and consequences of early consanguineous marriages among representatives of the Kurdish community are revealed. The author points out that the tradition of holding crowded weddings with the obligatory performance of govands (round dances of linear, semicircular or circular form) is of great importance for preserving the ethnicity of the Kurds of Adygea. Various types of govands common among the Kurds of Adygea are considered, and national versions of the dance are mentioned. The sacredness of dance practices is noted, associated with the reluctance of the bearers of ethnic culture to demonstrate it in a stage performance or in the context of mass public holidays. The author draws attention to the closed nature of the Kurdish ethnic community, which causes a deficit of regional and all-Russian identity. This deficit is aggravated by the lack of a public organization among the Kurds of Adygea; there are no special programs in the Republic aimed at working with this ethnic group. Meanwhile, it is stated that the Kurdish community has currently become somewhat more open than ten years ago. The features of the modern language situation in the regional Kurdish community are revealed. The practice of teaching dances to the Kurds of Adygea is touched upon, and the lack of interest of community representatives in decorative and applied arts and artistic activities is noted. Among the features of the functioning of the cultural practices of the Kurds of Adygea are: a sacred character that creates an ethnodifferentiating effect; the function of production and consumption of spiritual values; emotional coloring; compliance with holidays of the Kurdish calendar; direct influence on everyday life, which is perceived as a “small break” between rituals and holidays.

Keywords: Kurds of Adygea, cultural practices, artistic practices, govand, virtual homeland, small homeland.

Использованная литература:

1. Абы Ш., Одинцова Т. А. Социально-политическая значимость курдского национального танца // Вопросы

References:

1. Aby, Sh. & Odintsova, T.A. (2022) Socio-Political Significance of Kurdish Dance. *Voprosy natsional'nykh i federa-*

¹ This article was prepared as part of the state assignment to the Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, research theme “Practices of Cultural Life of Multi-Ethnic Regions of Russia and Problems of Formation of Civil Identity”, No. 124012800530–4.

национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12, № 3 (84). С. 764–773. DOI 10.35775/PSI.2022.84.3.009.

2. Анкоси И. А. Культурный аспект армяно-курдских отношений: плагиат на уровне государственной политики Армении или... (Часть I). [Электронный ресурс] // Kurdistan.ru. URL: http://kurdistan.ru/2009/10/22/articles-1785_Kulturnyyu_aspekt_arm.html (дата обращения: 27.07.2024).

3. Барфин Мамедова из Казахстана Курдская Народная Артистка – Османов Рамазан Каримович [Электронный ресурс] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=AMyF1sSvdBU> (дата обращения: 28.07.2024).

4. Большаков В. П. Культурные практики эстетического и художественного освоения человеком мира // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 1 (30). С. 36–39.

5. Бугай Н. Ф. Курдский мир России: политико-правовая практика, интеграция, этнокультурное возрождение (1917–2010-е годы). СПб.: Алетейя, 2012. 480 с.

6. Ермакова Е. Проблемы национально-культурной автономии курдов в России и в мире // Проблемы межнациональных отношений: состояние и перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. преподавателей и студентов (Тверь, 19–20 октября 2012 г.). Тверь: Тверской гос. ун-т, 2012. С. 200.

7. Жаде З. А. Специфика проявления межэтнической напряженности в местах компактного поселения курдов в Республике Адыгея // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. № 3 (124). С. 206–212.

8. Жаде З. А., Шадже А. Ю. Социокультурная адаптация курдов в Республике Адыгея: социологический дискурс // Теория и практика общественного развития. 2012. № 10. С. 31–35.

9. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. Т. 5: Национальный состав и владение языками. Табл. 1. Национальный состав населения [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея. URL: [https://23.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab1_VPN-2020\(2\).xlsx](https://23.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab1_VPN-2020(2).xlsx) (дата обращения: 29.07.2024).

10. Курды Адыгеи: монография / гл. ред. А. Н. Соколова; ред. А. Ю. Шадже и З. А. Жаде. Майкоп: Качество, 2015. 204 с.

11. Полевые материалы автора. Телефонное интервью с сопредседателем совета Федеральной национально-культурной автономии курдов Российской Федерации Патиевым Фархатом Абдурахмановичем, 1987 г.р. Российская Федерация, г. Майкоп, июнь 2024 г., аудиозапись.

12. Полевые материалы автора. Телефонное интервью с руководителем курдской общины Республики Адыгея Абдулаевым Файзо Гусейновичем, 1967 г.р. Российская Федерация, г. Майкоп, май 2024 г., аудиозапись.

13. Радиков И. В., Тозал М. Курдское национальное меньшинство в России: два века решения проблемы сохранения этнической самобытности // Политическая экспертиза: Политэкс. 2015. Т. 11, № 2. С. 50–60.

tivnykh otnosheniy. 12:3 (84). pp. 764–773. (In Russian). DOI: 10.35775/PSI.2022.84.3.009

2. Ankosi, I.A. (2009) *Kul'turnyy aspekt armenyo-kurdskikh otnosheniy: plagiat na urovne gosudarstvennoy politiki Armenii ili... (Chast' I)* [Cultural Aspect of Armenian-Kurdish Relations: Plagiarism at the Level of State Policy of Armenia Or... (Part I)]. Kurdistan.ru. [Online] Available from: http://kurdistan.ru/2009/10/22/articles-1785_Kulturnyyu_aspekt_arm.html (Accessed: 27.07.2024).

3. YouTube. (2024) *Barfin Mamedova iz Kazakhstana Kurdskaya Narodnaya Artistka – Osmanov Ramazan Karimovich* [Barfin Mamedova From Kazakhstan Kurdish People's Artist – Osmanov Ramazan Karimovich]. [Video]. [Online] Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=AMyF1sSvdBU> (Accessed: 28.07.2024).

4. Bol'shakov, V.P. (2017) *Kul'turnye praktiki esteticheskogo i khudozhestvennogo osvoeniya chelovekom mira* [Cultural Practices of Aesthetic and Artistic Exploration of the World by Man]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 1 (30). pp. 36–39.

5. Bugay, N.F. (2012) *Kurdskiy mir Rossii: politiko-pravovaya praktika, integratsiya, etnokul'turnoe vozrozhdenie (1917–2010-e gody)* [The Kurdish World of Russia: Political and Legal Practice, Integration, Ethnocultural Revival (1917–2010s)]. St. Petersburg: Aleteyya. 480 p.

6. Ermakova, E. (2012) [Problems of National and Cultural Autonomy of the Kurds in Russia and in the World]. *Problemy mezhnatsional'nykh otnosheniy: sostoyanie i perspektivy* [Problems of Interethnic Relations: State and Prospects]. Conference Proceedings. Tver. 19–20 October 2012. Tver: Tver State University. p. 200.

7. Zhade, Z.A. (2013) *Spetsifika proyavleniya mezhetnicheskoy napryazhennosti v mestakh kompaktnogo poseleniya kurdiv v Respublike Adygeya* [Specifics of Manifestation of Interethnic Tension in Places of Compact Settlement of Kurds in the Republic of Adygea]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya*. 3 (124). pp. 206–212.

8. Zhade, Z.A. & Shadzhe, A.Yu. (2012) *Sotsiokul'turnaya adaptatsiya kurdiv v Respublike Adygeya: sotsiologicheskii diskurs* [Sociocultural Adaptation of Kurds in the Republic of Adygea: Sociological Discourse]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 10. pp. 31–35.

9. Office of the Federal State Statistics Service for Krasnodar Krai and the Republic of Adygea. (2024) *Itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2020 g. T. 5: Natsional'nyy sostav i vladenie yazykami. Tabl. 1. Natsional'nyy sostav naseleniya* [Results of the 2020 All-Russian Population Census. Vol. 5: Ethnic Composition and Language Proficiency. Table 1. Ethnic Composition of the Population]. [Online] Available from: [https://23.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab1_VPN-2020\(2\).xlsx](https://23.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab1_VPN-2020(2).xlsx) (Accessed: 29.07.2024).

10. Sokolova, A.N. (ed.) (2015) *Kurdy Adygei* [Kurds of Adygea]. Maykop: Kachestvo. 204 p.

11. Author's Field Materials. *Telefonnoe interv'yu s copredsedatelem soveta Federal'noy natsional'no-kul'turnoy avtonomii kurdiv Rossiyskoy Federatsii Patievym Farkhatom Abdurakhmanovichem, 1987 g.r. Rossiyskaya Federatsiya, g. Maykop, iyun' 2024 g., audiozapis'* [Telephone Interview With Farkhat Abdurakhmanovich Patiyev, Co-chairman of the Council of the Federal National-Cultural Autonomy

14. Раздорская О. В., Набиев М. Ф. Курдский фольклор как элемент региональной культуры республики Адыгея // Мир культуры: история и современность: сб. ст. по материалам науч. конф. (Курск, 14–15 апреля 2016 г.) / гл. ред. Г. А. Салтык; отв. ред. Т. Н. Арцыбашева. Курск: Курский гос. ун-т, 2016. С. 116–121.
15. Шадже А. Культурная политика памяти и идентичности: на примере этногруппы курдов Адыгеи // Этничность, религия и политика: сб. тр. конф. (Ялта, 21–25 мая 2014 г.). Ялта: Ариал, 2015. С. 451–454.
16. Шадже А. Ю. Культурная память и этническая идентичность курдской общины: концептуально-методологический подход // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. № 3 (124). С. 163–170.
17. Шаповаленко А. Н. Проблемы и перспективы школьного образования детей курдов-переселенцев в Республике Адыгея // Социодинамика. 2013. № 2. С. 223–242. DOI 10.7256/2306-0158.2013.2.398.
18. Шовгенов Т. М. Курды в отраслях народного хозяйства Республики Адыгея // Европейский журнал социальных наук. 2012. № 11-1 (27). С. 419–423.
19. Шовгенов Т. М. Экономические аспекты адаптации курдов в Адыгее // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5: Экономика. 2011. № 4. С. 270–276.
- of the Kurds of the Russian Federation, Born in 1987. Russian Federation, Maykop, June 2024, Audio Recording].
12. Author's Field Materials. *Telefonnoe interv'yu s rukovoditelem kurdskey obshchiny Respubliki Adygeya Abdulaevym Fayzo Guseynovichem, 1967 g.r. Rossiyskaya Federatsiya, g. Maykop, may 2024 g., audiozapis'* [Telephone Interview With Faizo Guseynovich Abdullayev, the Head of the Kurdish Community of the Republic of Adygea, Born in 1967. Russian Federation, Maykop, May 2024, Audio Recording].
13. Radikov, I.V. & Tozal, M. (2015) Kurdsкое natsional'noe men'shinstvo v Rossii: dva veka resheniya problemy sokhraneniya etnicheskoy samobytnosti [Kurdish National Minority in Russia: Two Centuries of Solving the Problem of Preserving Ethnic Identity]. *Politicheskaya ekspertiza: Politiks.* 11 (2). pp. 50–60.
14. Razdorskaya, O.V. & Nabiev, M.F. (2016) [Kurdish Folklore as an Element of Regional Culture of the Republic of Adygea]. *Mir kul'tury: istoriya i sovremennost'* [The World of Culture: History and Modernity]. Conference Proceedings. Kursk. 14–15 April 2016. Kursk: Kursk State University. pp. 116–121. (In Russian).
15. Shadzhe, A. (2015) [Cultural Politics of Memory and Identity: On the Example of the Ethnic Group of Kurds of Adygea]. *Etnichnost', religiya i politika* [Ethnicity, Religion and Politics]. Conference Proceedings. Yalta. 21–25 May 2014. Yalta: Arial. pp. 451–454. (In Russian).
16. Shadzhe, A. (2013) Yu. Kul'turnaya pamyat' i etnicheskaya identichnost' kurdskey obshchiny: kontseptual'no-metodologicheskij podkhod [Cultural Memory and Ethnic Identity of the Kurdish Community: A Conceptual and Methodological Approach]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 1: Regionovedenie: filozofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya.* 3 (124). pp. 163–170. (In Russian).
17. Shapovalenko, A.N. (2013) Problemy i perspektivy shkol'nogo obrazovaniya detey kurdiv-pereselentsev v Respublike Adygeya [Problems and Prospects of School Education of Children of Kurdish Settlers in the Republic of Adygea]. *Sotsiodinamika.* 2. pp. 223–242. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.2.398
18. Shovgenov, T.M. (2012) Kurdy v otraslyakh narodnogo khozyaystva Respubliki Adygeya [Kurds in the Sectors of the National Economy of the Republic of Adygea]. *Evropeyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk.* 11-1 (27). pp. 419–423.
19. Shovgenov, T.M. (2011) Ekonomicheskie aspekty adaptatsii kurdiv v Adygee [Economic Aspects of Kurds' Adaptation in Adygea]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 5: Ekonomika.* 4. pp. 270–276.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Соколова, А. Н. Культурные практики курдов Адыгеи как ресурс формирования и сохранения этнической, региональной и общероссийской идентичностей / А. Н. Соколова. – Текст : электронный. – DOI 10.36343/SB.2024.39.3.003 // Наследие веков. – 2024. – № 3. – С. 41–49. – URL: http://heritage-magazine.com/index.php/HC/article/view/____/ (дата обращения: ДД.ММ.ГГГГ).

Full bibliographic reference to the article:

Sokolova, A.N. (2024) Cultural Practices of the Kurds of Adygea as a Resource of the Formation and Preservation of Ethnic, Regional and all-Russian Identities. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries.* 3. pp. 41–49. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2024.39.3.003.

РАЗГОВОРЫ О ВАЖНОМ: КУЛЬТУРА, ЦЕННОСТИ, НАСЛЕДИЕ

CONVERSATIONS ABOUT IMPORTANT THINGS: CULTURE, VALUES, HERITAGE

16 июля 2024 г. свой полувековой юбилей отмечает доктор исторических наук, профессор Дмитрий Владимирович Сень – известный российский историк, исследователь истории казачества.

Выпускник Кубанского государственного университета, Дмитрий Владимирович начал свой путь в большой науке с диссертационного исследования «Социальная и военно-политическая история некрасовских казаков (1708 г. – конец 1920-х гг.)» (1999), получившего высокую оценку научного сообщества и в дальнейшем ставшего основой для переизданной дважды монографии. Последующие годы – с 1999 по 2006 – были посвящены преподавательской деятельности в Кубанском государственном университете. В период с 2006 по 2010 гг. Дмитрий Владимирович работал в должности заместителя генерального директора по науке Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына, являющегося крупнейшим музейным учреждением Краснодарского края. В 2009 г. была им защищена докторская диссертация «Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. – начало XIX в.)».

С 2010 г. профессор Д. В. Сень преподает на кафедре специальных исторических дисциплин и методики преподавания истории и обществознания Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону).

Дмитрий Владимирович является автором и соавтором более 300 работ по истории казачества и старообрядчества на Дону и на Северном Кавказе, истории и культуре пограничных сообществ на Юге второй половины XVI – начала XIX в., истории русско-крымско-османских отношений XVII–XVIII вв. В число этих публикаций входят более десяти индивидуальных и коллективных монографий.

Среди заслуг юбиляра как активнейшее участие в престижных научных форумах, так и деятельность по организации различных мероприятий, нацеленных на эффективную коммуникацию представителей научного сообщества: историков, культурологов, этнографов. Это не только традиционные научные конференции, но и основанные на использовании высоких технологий перспективные форматы сетевого интерактивного взаимодействия ученых.

В 2020 г. за значительный вклад в сохранение и популяризацию исторического наследия донского казачества, многолетнюю эффективную научно-образовательную деятельность Д. В. Сень был награжден медалью ордена «За заслуги перед Ростовской областью».

Необходимо также отметить, что достижения юбиляра стали возможными во многом благодаря его неиссякаемой жизненной энергии, высокой требовательности к себе, сочетаемой с принципиальностью, широкому научному кругозору и, конечно, преданности профессии историка.

Поздравляя нашего уважаемого коллегу с юбилеем, редакция журнала «Наследие веков» желает ему здоровья, творческих успехов и благополучия!

Специальный гость:

СЕНЬ Дмитрий Владимирович
доктор исторических наук, профессор
кафедры специальных исторических дисциплин
и методики преподавания истории и обществознания
Института истории и международных отношений
Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Российская Федерация
dsen1974@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5222-4685

Собеседник:

КРЮКОВ Анатолий Владимирович
кандидат исторических наук,
ученый секретарь Южного филиала
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
Краснодар, Российская Федерация
anatoly.kryukow@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7919-3938

ВАК: 5.6.1.

DOI: 10.36343/SB.2024.39.3.004

Стать историком и оставаться им: практики профессионального пути исследователя казачества (беседа с Дмитрием Владимировичем Сеньем)

В интервью известного исследователя истории Юга России, доктора исторических наук, профессора Южного федерального университета Д. В. Сенья, приуроченном к 50-летию юбилею ученого, отражены основные вехи его профессиональной биографии, становления и развития научного мировоззрения. Обширный исследовательский и педагогический опыт интервьюента позволил охарактеризовать важность кропотливой работы с историческими источниками, потенциальную неисчерпаемость любой проблемы, связанной с познанием прошлого, необходимость применения высоких технологий в научной деятельности историка и др. Подчеркивается ценность профессиональной рефлексии исследователя как одной из основ эволюции исторического знания и совершенствования культуры научного диалога. Отражено экспертное отношение Д. В. Сенья к современным тенденциям в развитии казачеведения, охарактеризована историографическая ситуация, сложившаяся в настоящее время в данной отрасли, проанализированы имеющиеся достижения и проблемы.

Ключевые слова: Д. В. Сень, казачеведение, история казачества, некрасовские казаки, Войско Донское, донское казачество, горские евреи, профессиональная рефлексия историка.

Беседа записана 22 августа 2024 г.

А. В. Крюков: Добрый день, Дмитрий Владимирович! Позвольте от имени нашей редакции поздравить Вас с юбилеем! Надеюсь, что наша предстоящая беседа станет интересным и насыщенным диалогом. Если не возражаете, давайте начнем, и первый вопрос касается Вашего интереса к исторической науке. Когда и с чего он начался, что стало той отправной точкой, тем моментом, после которого Вы приняли решение связать свою жизнь с познанием, исследованием прошлого?

Д. В. Сень: Добрый день, Анатолий Владимирович. Большое спасибо за поздравления и за возможность дать интервью вашему уважаемому изданию. Этот интерес, о причинах которого Вы спросили, во многом стал результатом событий, а также воздействия среды, связанных с моим школьным, отроческим возрастом. Какую-то одну отправную точку, сформировавшую мой устойчивый интерес к истории, к прошлому, назвать проблематично. Но я отчетливо помню, что в школьные, в отроческие годы я активно и много читал. Поэтому мне кажется, что без обращения к домашней обстановке, к тем условиям, которые подвигали меня к прочтению новых книг, обойтись нельзя. Наша семья (родители и мы со старшим братом Андреем) проживали тогда в небольшом поселке под Краснодаром, соответственно, на территории Краснодарского края. Сколько себя помню, в родительском доме всегда было много книг, в том числе художественного содержания. Отец – Владимир Иванович, мама – Нина Степановна не были гуманитариями по образованию, но, повторюсь, полки с книгами составляли тогда привычную часть домашнего интерьера. Родители весьма поощряли мой интерес к книго чтению, равно как аналогичный интерес старшего брата Андрея (о нем я чуть позже расскажу, как о человеке, тоже повлиявшем на выбор моего гуманитарного будущего). Родители из года в год подписывали меня на различные детские и юношеские журналы, приобретали подписные издания, включая А. Дюма, М. Рида и многих других замечательных авторов. Некоторые из таких изданий были, что называется, дефицитными в позднесоветскую эпоху. Я также за-

читывался мифами и легендами Древней Греции в обработке Николая Куна, даже зачем-то пытаюсь заучивать текст наизусть, сидя во дворе родительского дома. На какой-то день рождения мама подарила мне редкую тогда для нашего круга книгу советского историка Н. Н. Молчанова «Дипломатия Петра Великого». Из других приятных хобби могу назвать многолетнее собирание почтовых марок и монет, которыми я регулярно менялся со своими поселковыми сверстниками. Таким образом, регулярное жадное поглощение множества книг (в том числе научно-популярных на историческую тему), соответствующую домашнюю, сопутствующую ему обстановку я считаю важными факторами своего становления как будущего гуманитария. Помню, что статьи по исторической тематике из знаменитого советского журнала «Вокруг света» побуждали меня, советского школьника, дважды написать в редакцию. К моему изумлению и несказанной радости я оба раза получал обнадеживающие ответы из этого журнала на его «фирменных» бланках!

Другой немаловажный фактор – это, конечно, школа (моя родная СШ № 7 х. Бойко-Понура Калининского района Краснодарского края, в которую я поступил в 1981 г.) и школьные учителя истории, профессиональные (по образованию) историки, точнее, семейная чета Буяновых – Владимира Семеновича и его супруги Веры Ивановны. Эти педагоги существенно повлияли на меня как на подростка-гуманитария и будущего историка, в том числе своими примерами сопереживательного и уважительного отношения к прошлому, блестящими по форме и содержанию рассказами о том, как можно и нужно учить историю и как интересно ее пересказывать! К слову, Владимир Семенович также поведал нам, как он учился в свое время на истфаке Кубанского госуниверситета, где, как оказалось впоследствии, доведется учиться и мне. Поэтому личный профессиональный пример двух учителей истории высочайшего уровня – замечательной супружеской четы Буяновых – тоже повлиял на усиление моего внимания к истории как увлекательному рассказу о прошлом

и к прошлому как событиям невероятно интересным и таким разным!

Еще один фактор усиливавшейся «историзации» пытливого подростка – это поселковая библиотека и «царившие» там замечательные библиотекари – Раиса Михайловна Коршикова (кстати, супруга председателя нашего колхозного парткома), невероятно образованная женщина, и Галина Шарова, которая была намного младше Раисы Михайловны (ее отчетство, к сожалению, не могу вспомнить). Они принимали меня в библиотеке как родного, активно поощряя мой читательский интерес, советуя ту или иную художественную, научно-популярную и энциклопедическую литературу; они также давали мне книги, ориентированные, условно говоря, на школьников более старшего возраста (в хорошем смысле, не подумайте ничего дурного). Так, в среднем школьном возрасте я легко осилил роман-трилогию Евгения Федорова о династии Демидовых – «Каменный пояс». Еще больше на мои представления о богатстве исторического прошлого и его людях оказали влияние исторические романы талантливейшего советского писателя Дмитрия Балашова о династии московских князей Калитовичей. И, конечно же, я взалел и много читал историко-художественные произведения Валентина Саввича Пикуля, поражающие и фактурой человеческих характеров, и интригующими сюжетами, и мастерским слогом изложения. Кстати, под влиянием книг Дмитрия Михайловича Балашова я стал было сочинять свою «историческую повесть». С трудом припоминаю сюжет, но это было повествование о некоем мальчишке из деревни, который, преодолевая трудности, попадает в Москву XIV в., – впрочем, более я ничего вспомнить из той «повести» не могу. Но, кажется, страниц десять этого незамысловатого текста я таки исписал в чистой школьной тетради. И еще о моих любимых библиотекарях: считаю высшим проявлением их доверия к себе тот факт, что разные тома классической и поистине ценной «Большой советской энциклопедии» они давали мне читать на дом... Вдогонку еще деталь воспоминаний – как-то (полагаю, что я уже был старшеклассником) Раиса Михайловна дала мне почитать один «толстый», как тогда говорили, журнал – так

я впервые узнал о творчестве Александра Исаевича Солженицына и его труде о русской революции. Впрочем, я понял немного из этого действительно сложного тогда для меня текста...

Таким образом, я очертил несколько кругов «культурного влияния», участники которых системно (и ненавязчиво, как понимаю теперь!) воздействовали на формирование моего устойчивого интереса к истории. Сначала соответствующая домашняя атмосфера (подчеркиваю, что родители, поощряя нас с братом Андреем в чтении, никогда не отказывали в приобретении книг и журналов). Далее – это блестящий пример педагогической деятельности супругов-историков – Владимира Семеновича и Веры Ивановны Буяновых (припоминаю, что часто и много задавал им вопросы на уроках истории, иногда в полемическом, как мне кажется, ключе). И, конечно, это наша большая библиотека на втором этаже сельского клуба. К слову сказать, я недавно общался со своей школьной учительницей математики, классным руководителем – Натальей Петровной Решетниковой. Она, в частности, вспомнила, что примерно в 5–6 классе увидела меня выходящим из все той же поселковой библиотеки с охапкой книг, причем эта охапка, по ее словам, клонила меня книзу. Наталья Петровна еще тогда удивилась и потом спрашивала у библиотекаря, зачем же та выдала ученику Сеню столько книг. Еще раз замечу, что этот небольшой сюжет извлечен из разговора с Н. П. Решетниковой, состоявшегося в х. Бойко-Понура совсем недавно, дней за 10–12 до интервью. Не могу не вспомнить о своих неоднократных (выездных) конкурсных, от нашей СШ № 7, докладах по истории и археологии в рамках работы так называемой Малой академии наук школьников в Краснодаре, откуда я несколько раз привозил поощрительные грамоты и какие-то призовые места краевого уровня. Любопытно, что в качестве членов жюри выступали и те историки (например, А. М. Ждановский и И. И. Марченко), с которыми в качестве преподавателей мне предстояло встретиться уже на истфаке КубГУ.

Существовал еще один весомый человеческий фактор, оказывавший влияние на мои

представления об истории и путях ее изучения, в лице близкого и дорогого мне человека – старшего брата Андрея. Здесь я должен уточнить, что являюсь не первым историком в нашей семье и в нашем роду, точнее, не первым человеком, получившим историческое образование. Так вот, первым в нашей семье историческое образование получил именно Андрей. Во второй половине 1980-х гг. он обучался на историческом факультете Кубанского государственного университета в Краснодаре, где и мне предстояло учиться, начиная с лета 1991 г. (хотя, конечно, не могу сказать, что это было предопределено). Андрей же, поступив на истфак в 1986 г., регулярно приезжал затем на выходные из Краснодара в наш поселок; рассказы об истфаке и его замечательных преподавателях (у многих из них я впоследствии учился) тоже знакомили меня с миром истории и историков. Он, помню, привозил домой исторические журналы и книги (которые тут же попадали мне в руки), рассказывал об обстановке на истфаке, о своих преподавателях – я же все более и более укреплялся в мысли о том, что поступлю на истфак и стану историком. Припоминаю (хотя здесь может иметь место ошибка в памяти о моих тогдашних мотивах и рассуждениях), что тогда, уже в конце 1980-х гг., твердо решил, что школьным учителем истории точно не буду. Конечно, я еще не вполне себе представлял, кто это такой – *другой историк* (то есть «историк-не-школьный-учитель») – и куда можно потом устроиться на работу, помимо школы... Но, повторяюсь, почему-то я уверил себя, как припоминаю, что учителем истории в школу однозначно не пойду. Летом *того самого* 1991 г. мне довелось успешно сдать вступительные экзамены (набрав 15 баллов из 15) и поступить на истфак Кубанского госуниверситета в Краснодаре.

А. В. Крюков: И вот мы с Вами плавно перешли к следующему этапу Вашей биографии – периоду учебы в КубГУ. Скажите, какие встречи, события, лекции, учебные курсы, какие-то другие моменты, связанные с периодом обучения в университете, запомнились Вам на всю жизнь, стали самыми яркими воспоминаниями?

Д. В. Сень: Полагаю, что нельзя охарактеризовать учебный процесс в вузе отделяя его от анализа (или припоминания, как в моем случае) той обстановки, того сообщества преподавателей, которые системно и искренне занимались нашим обучением, будучи и учеными, и педагогами высшей школы. А заодно они своим примером прививали нам уважение к труду историка, к пространству академической свободы, *научая* быть истфаковцами... Вот почему мне кажется, что персонифицированное (хотя формально – выборочное, а значит – мозаичное) представление о своей студенческой жизни – вполне естественная форма припоминания о том времени (в моем случае, это были 1991–1996 гг.). Конечно, первичными являются воспоминания о блестящей плеяде наших преподавателей и наставников, многих из которых, к сожалению, уже нет живых. Дай Бог здоровья и долгих лет жизни всем тем, кто и поныне здравствует!

Могу назвать многих преподавателей, запомнившихся как своими фундированными знаниями, так и индивидуальной, непревзойденной манерой преподавания. Это профессор Валерий Николаевич Ратушняк (ставший затем моим научным руководителем диплома и кандидатской диссертации); «просвещенный антисоветчик», оратор, профессор Валерий Евгеньевич Щетнев; внешне суровый (только внешне!) и наимудрейший профессор Владимир Иванович Черный (ставший много позже моим «Шефом»); органично ироничный профессор Юрий Григорьевич Смертин. В. Н. Ратушняк, крупный ученый и организатор науки, заведовал кафедрой дореволюционной отечественной истории, а В. И. Черный – кафедрой новейшей отечественной истории и социологии. Многие другие преподаватели тоже оставили немалый след в памяти и душе, будучи органичной частью моего родного истфака. Это археологи Иван Иванович Марченко и Александр Михайлович Ждановский, историк-медиевист (некогда студентка самого профессора С. Д. Сказкина!) Светлана Константиновна Красавина, знавшая древнегреческий язык и изредка декламировавшая нам в оригинале античные произведения. Немалое впечатление производили на нас Светлана Самуиловна Минц (выпускница МГУ, весьма

качественно преподававшая историографию) и Флора Валентиновна Ватульян (читавшая очень насыщенную «Историю Азии и Африки»). Образно говоря, все наши преподаватели находилась ровным счетом *на своем месте*, сыграв свою персональную роль в приобщении нас к азам научного поиска, к свободной манере общения и дискуссий, к вузовским традициям академической свободы и к особой, *истфаковской*, культуре общения студентов и мастеров высшей школы, охотно шедших на диалог с нами в столь памятные для новой страны годы... Сужу лично по себе – истфак кардинально изменил многие мои социальные установки и представления о месте человека в нашей истории, в том числе не столь отдаленной от тогдашних 1990-х гг.

Мы искренне уважали – и при этом немало побаивались – своих преподавателей (их авторитет был непререкаемым), но в целом атмосфера на нашем факультете была достаточно дружелюбной и открытой. Мы, студенты-историки, учились во вторую смену, и после трех пар лекций еще успевали в краевую библиотеку – читали книги, готовились к семинарским занятиям и пр. Наш курс был довольно дружным, я учился в группе «Б». Готовясь к интервью, я припоминал имена и фамилии сокурсников, получивших впоследствии ученую степень. Выходит, что защитили кандидатские и докторские диссертации около 10 человек с нашего курса. Обратите внимание, что в трех группах «А», «Б» и «В» было примерно 40–50 человек (скорее, ближе к 50). Повторюсь, что около 10 человек (наверняка 7 или 8!) защитили кандидатские и докторские диссертации по истории, политологии, философии. Мы были очень интересным и, как мне представляется, весьма характерным курсом, тоже запомнившимся нашим преподавателям.

А. В. Крюков: Честь и хвала Вашим преподавателям, сумевшим обеспечить столь высокий уровень подготовки немалого числа студентов. К слову, кого бы Вы могли назвать своими учителями? Я имею в виду не только старших коллег, которые лично повлияли на Ваше становление как исследователя (о них вы очень подробно рассказали), но и ученых, труды которых Вы считаете основопо-

лагающими в теоретико-методологическом аспекте или же образцовыми в практико-исследовательском отношении. И, наконец, какие течения исторической мысли определили Вашу позицию как ученого?

Д. В. Сень: Вновь скажу о своих вузовских преподавателях тех лет. Подчеркиваю, что фундамент исторических знаний и ощущение принадлежности к корпорации нам давали и прививали именно они. Они – живые в общении, с немалым чувством иронии и самоиронии (уверяю!), привлекательные как личности, дававшие обильную пищу для наших гражданских рассуждений об эпохе, в которой, после 1991 г., нам довелось переживать и видеть НОВУЮ ИСТОРИЮ. Наконец, это ученые, активно развивавшие науку на факультете и в вузе. Это, прежде всего, упоминавшиеся выше Валерий Евгеньевич Щетнев, Валерий Николаевич Ратушняк, Владимир Иванович Черный, Юрий Григорьевич Смертин, а также Варган Григорьевич Кукуян и многие другие. Вспоминаю монументальную фигуру и чеканный профиль профессора Николая Ивановича Кирея (заведующего кафедрой истории Древнего мира и Средних веков), в которого тайно были влюблены, наверное, все девчонки нашего курса. К слову, Н. И. Кирей окончил истфак Ростовского госуниверситета и учился у профессора А. П. Пронштейна.

Легендарным для студентов многих поколений являлся доцент Анатолий Иванович Щербаков, гениально преподававший нам философию. Это был, наверное, один из немногих преподавателей, который не пользовался записями своих лекций. Точнее, какие-то листки он раскладывал перед собой, когда восходил на кафедру, но сам материал рассказывал, причем не просто рассказывал – он вещал. Смотрел в окно, чуть прищурившись, также, щурясь, с иронией смотрел на нас, чуть журил, если мы, в том числе и ваш покорный слуга, не очень старательно записывали лекционный материал. Это было потрясюще: вещал он увлеченно, глубоко, со знанием дела, причем по любому периоду – будь то античная философия, философия эпохи Средних веков, Нового и Новейшего времени. А. И. Щербаков был выдающейся личностью и, я думаю, органично соответствовал высочайшему интел-

лектуальному уровню факультета, на котором мне посчастливилось учиться в 1991–1996 гг.

Что же касается основ моего формирования как историка, то я воспитывался на истфаке в русле академической трансляции и обретения качественного позитивистского знания. Считаю это вполне нормальным, объяснимым и естественным для становления интеллектуального бэкграунда многих будущих историков, обучавшихся в условиях той менявшейся на глазах эпохи. Впоследствии (причем, должен сказать, не раньше начала 2000-х гг.) я испытал немалое влияние других теорий и концепций, других историографических течений и представлений (новая имперская история, концепция ментальных карт и воображаемой географии, теория фронта и пр.). Но и сегодня с глубочайшим уважением отношусь к понятию историографического факта, исторического факта, полагая двумя несущими столпами исторического знания историографию и источниковедение. Признавая относительность нашего с вами исторического знания о прошлом и методики исторического познания, превосходно понимаю, что аргументы любого научного труда должны подлежать верификации, что исследование должно опираться на прочную эмпирическую основу. Полагаю, что многое из моих сегодняшних представлений о «ремесле» историка – это в том числе «багаж» полученного мной классического исторического образования. Другое дело, что большинство из так называемых революций в области гуманитаристики и исторической науки почему-то прошли мимо нас, студентов КубГУ первой половины 1990-х гг. Разве что тренды «архивной революции» отразились на моем отношении к источникам по истории советской эпохи. На меня произвела сильное впечатление, например, книга историка Д. А. Волкогонова «Ленин». Помню, что, переживая откровение нового знания о той советской эпохе, я постоянно «нырял» в соответствующий список источников и литературы этой толстой книги.

А. В. Крюков: Спасибо большое. Следующий вопрос касается начала Вашего пути в большую науку, который связан с монографией, увидевшей свет в 2001 г. и впоследствии переизданной, – «Войско Кубанское Игнатово

Кавказское: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.)». Книга до сих пор сохраняет свое историографическое значение в качестве одного из важнейших трудов в этой предметной области. Скажите, как Вы пришли к теме истории некрасовских казаков и чем обусловлено возникновение научного интереса к ней? И как в целом формировались и развивались Ваши академические интересы?

Д. В. Сень: Спасибо за вопрос, Анатолий Владимирович. Должен сказать, что на младших курсах меня «штормило» в тематическом плане. Столь очевидный разброс исследовательских интересов, может быть, вызовет улыбку у кого-то из читателей. Вначале это была история одной из восточных религий – митраизма, потом меня заинтересовали меоты, древние жители Кубани. Полагаю, здесь не случайна роль археологической практики и курса археологии, который нам читали И. И. Марченко и А. М. Ждановский. Потом я увлекся эпохой Павла I применительно к истории завоевания Россией Северного Кавказа. Одна из курсовых была посвящена обстоятельствам прихода к власти И. Сталина. И только на 3-м или на 4-м курсе в поле моих студенческих околонуучных интересов надолго попали казаки-некрасовцы. Причем не сказал бы, что здесь сыграл свою роль какой-то особый случай (точнее, уже не могу вспомнить); обращаю внимание на то, что меня заинтересовало не казачество в целом, а история одной конкретной группы – казаков-некрасовцев. Я стал писать курсовые под началом профессора В. Н. Ратушняка, выступать на студенческих Неделях науки и пр. К слову, когда я сам подошел к Валерию Николаевичу и сказал, что хочу писать у него курсовую по казакам-некрасовцам, он ответил примерно так: «У меня уже был студент, который даже защищал диплом по этой теме». Меня это не остановило, профессор не стал возражать, и наш творческий тандем продолжился. В 1995 г., когда я был еще студентом-старшекурсником, именно В. Н. Ратушняк взял меня на первую в моей жизни «взрослую» научную конференцию всероссийского масштаба в Ейске. Там я выступил с докладом на тему «К вопросу о характере ухода на Кубань дон-

ских казаков в августе 1708 г.» и опубликовал небольшую работу, тоже первую в своей жизни [18]. Впоследствии, когда я в 1996 г. поступил в аспирантуру по кафедре новейшей истории и социологии, В. Н. Ратушняк вместе с В. И. Черным выступили моими научными руководителями.

В студенческие годы мои преподаватели уже закладывали вкус к анализу исторических источников. Осенью 1994 г. (это крепко запомнилось) я отправился в Государственный архив Краснодарского края (ГАКК) (расположенный, кстати, неподалеку от КубГУ), где и тогда, и много позже имело место неподдельно заботливое отношение тамошних архивистов к посетителям читального зала, а в целом царил совершенно замечательная атмосфера (хотя тогдашний директор, А. М. Неволлина, первоначально была строга ко мне, студенту, быстро ставшему «активным пользователем»). С тех пор в моей жизни формирующегося историка наступил благодатный новый период плотного общения с историческими источниками, и Госархив Краснодарского края стал первым местом, куда я отправился за документальными сокровищами. В моей дипломной работе (1996) уже было немало ссылок на первоисточники из фондов ГАКК. Другое дело, что палеографическому изучению (прочтению) источников (например, конца XVIII в.) приходилось учиться уже самому, на собственных ошибках...

Припоминаю, что архивисты некоторым образом удивлялись моей поисковой работе и периодически спрашивали, читал ли я ту или иную литературу по моей теме? Я говорил в ответ, что читал. «А эту статью, молодой человек, вы читали о казаках-некрасовцах или эту вот книгу»? Я снова отвечал, что читал. Постепенно в читзале привыкли к моему регулярному там пребыванию... Кстати, одну из первых статей в новейшей историографии по истории казаков-некрасовцев [22] опубликовал в 1993 г. Владимир Ильич Шкуро, архивист с большим стажем, один из замечательных сотрудников Госархива Краснодарского края. Источниковая основа этой статьи тоже была мной основательно проштудирована. Впоследствии я не раз обращался к Владимиру Ильичу за консультациями.

А. В. Крюков: Если я не ошибаюсь, в той статье шла речь о так называемой республике казаков-некрасовцев на Кубани?

Д. В. Сень: Да, у нее было весьма дискуссионное и, полагаю, неточное название – «Вольная казачья республика на Кубани и судьба ее обитателей», – но это уже другой вопрос. К слову, по отношению к прошлому казаков-некрасовцев на территории ногайской Кубани указанное выражение использовалось в историографии долго. С подобным суждением я категорически не согласен. Чуть забегаю вперед: некрасовцы являлись верноподданными крымских ханов и, конечно, не помышляли ни о какой самостоятельности, независимости от их воли или воли их представителей. Но у статьи В. И. Шкуро было действительно звучное название, и я прочитал ее достаточно внимательно.

А. В. Крюков: Спасибо большое за ответ. Скажите, пожалуйста, как расширялось предметное поле Ваших исследований с течением времени? Как постепенно Вы охватывали новые темы?

Д. В. Сень: Оговорюсь, что в 1990-е гг. основной круг моих научных интересов – изучение прошлого казаков-некрасовцев и всего, связанного с ними. Хотя поправлю сам себя, не всего. История Крымского ханства, многочисленные другие «восточные» контексты казачеведческой темы меня мало интересовали в то время. Признаться, это оказалось малым упущением, а профессиональных советов от старших коллег по расширению проблемных полей для своих исследований я почти не получал. Мое гипертрофированное отношение к главному объекту исследования, конечно, оказалось чревато неоправданным снижением внимания к политической истории Крымского ханства, к другим категориям населения Кубани того периода, например, к ногайцам. Но, подчеркиваю, я никогда не идеализировал своих «героев», стараясь понять мотивы их ухода с Дона и принятия непростого решения – оставаться на Кубани, тогда входившей в состав Крымского ханства. Впрочем, с течением времени меня стала больше интересовать история донского казачества (ведь некрасовцы – донские казаки по происхождению), а затем – ногайцев и других подданных

Гиреев и Османов. Таким образом, главный объект моего изучения поспособствовал существенному расширению моих же тематических запросов к истории пограничных территорий и сообществ на Юге.

Не могу не сказать вот еще о каком деликатном аспекте: мои работы по истории казаков-бунтовщиков (успешно адаптировавшихся на территории восточных государств, противников царской России) вызывали со стороны некоторых старших коллег настоятельное отношение. Знаю наверняка, что их также не устроил мой тезис о том, что казаков-некрасовцев с полным основанием можно считать и называть *кубанскими казаками*. По-прежнему убежден в своей научной правоте. Хотя я не был маргиналом среди историков Кубани конца 1990-х – начала 2000-х гг., но все же: отголоски такого вненаучного дискурса порой отражались на судьбе моих текстов и творчества в целом. Один из старших коллег в разговоре с другим историком как-то назвал меня «очернителем истории кубанского казачества». Как историк я искренне полагаю это высказывание не ярлыком, но определенным комплиментом...

В конце 1990-х гг. в моем творческом поиске случилось прелюбопытное: к числу сообществ, которые меня сильно заинтересовали, добавились... горские евреи Кубани (XIX – начало XX в.). Не помню точно, по какой причине я стал заниматься данным сюжетом, но это оказалась крайне интересная по происхождению и особенностям жизни небольшая группа горских евреев Баталпашинского отдела Кубанской области. В Госархиве Краснодарского края мне удалось найти весьма ценный (и до того неизвестный в науке) документальный комплекс об этих евреях, и... открытия о Джегонасско-Еврейском поселке и его жителях последовали одно за другим. С моим другом Владимиром Колесовым мы стали с 2000 г. публиковать научные статьи по данной теме, выступать на всероссийских и международных конференциях. С тех пор в творчестве «казаковеда Дмитрия Сеня» появились сюжеты из области иудаики. История горских евреев Северного Кавказа и сегодня входит в пространство моих исследовательских интересов [15]. А вот изучением прошлого казаков-

некрасовцев я занимаюсь уже нерегулярно. Это к вопросу о том, что тематики, некогда интересовавшие нас, могут трансформироваться или терять для автора былую привлекательность. Мне это представляется совершенно нормальным для эволюции творческого пути профессионального историка.

А. В. Крюков: Большое спасибо. И все же тема некрасовских казаков, как я понимаю, считается Вами наиболее значимой из всего тематического спектра?

Д. В. Сень: На тот момент, когда делались первые серьезные шаги в «большую науку», это кандидатская диссертация (1999), защищенная по итогам обучения в очной аспирантуре КубГУ, первая книга в жизни молодого историка (2001) и тому подобные научные события, связанные с «некрасовской» темой. Устойчивый интерес к столь замечательному казачьему сообществу я пронес сквозь всю свою профессиональную жизнь. Обращаю внимание на то, что при работе над другими, смежными темами мне по-прежнему встречаются источники по истории некрасовских казаков. То есть они своими действиями достаточно «наследили» в пространстве российской делопроизводственной документации XVIII в. Выскажу гипотезу о том, что закрепление за казаками именно в таких документах номинации «некрасовцы» случилось раньше закрепления того же антропонима как основы их собственного (внутригруппового) самоописания / самообозначения. Несколько лет назад мной опубликована большая статья в двух частях о шпионской деятельности казаков-некрасовцев, первая такая в историографии [16] [17]. Оказалось, что лично атаман Игнат Некрасов и его сподвижники создали устойчивую шпионскую сеть, доставлявшую немалые проблемы российским пограничным администрациям. Таким образом, я не пишу об одном и том же, даже применительно к своим давним и любимым темам. Подчеркну, что очередного, третьего, издания книги о казаках-некрасовцах не предполагается: с одной стороны, это уже периферия моих исследовательских интересов, с другой стороны, появились новые источники об их пребывании и на территории Крымского ханства, и на территории Османской империи. Времени на обработку

этих материалов, увы, пока нет... Кроме того, в моем научном творчестве появились другие, не менее интересные и знаковые темы.

А. В. Крюков: Я, например, думаю, что своей работой Вы во многом «закрыли» ряд проблем, связанных с некрасовскими казаками. Закрыли в историографическом смысле, конечно. Не знаю, согласитесь ли Вы сами с подобной оценкой или нет, но у меня сложилось именно такое мнение.

Д. В. Сень: Не вполне соглашусь, Анатолий Владимирович. Представляется, что ни одна научная тема – ни большая, магистральная, ни, условно, малая – не может быть «закрыта» ни одним из историков как ныне здравствующих, так и будущих поколений. В целом я отношусь с изрядной долей скепсиса к утверждению о возможности «закрытия» учеными той или иной исторической темы. Полученное знание, оставаясь лишь приближенной реконструкцией прошлого, имеет обыкновение не только обновляться, но и устаревать. Появляются новые источники, новые методики осмысления как этих источников, так и уже введенных в научный оборот. Но главное – это все новые и новые интерпретации исторического материала, новые гипотезы и методы их верификации. Мне кажется, что сегодняшнее – прежде всего молодое – поколение историков, например, из Краснодарского края, могло бы на новых основаниях обратиться к прошлому казаков-некрасовцев. Кстати, не все положения, изложенные на страницах моей книги и многочисленных статей о казаках-некрасовцах, прошли проверку временем. И это вполне естественно и нормально – наука на месте не стоит, к тому же сами авторы должны быть способны при жизни признавать свои недочеты и, возможно, ошибки. Собственно, об отношении историков к создаваемым ими трудам мы, надеюсь, еще поговорим в ходе интервью.

А. В. Крюков: Ясно, спасибо большое. Когда я задавал этот вопрос, то тоже имел в виду определенный историографический этап. И что касается профессии историка, то каждый хороший исследователь прошлого – это во многом первооткрыватель. Научный поиск невозможен без обращения к архивным материалам и к документальному наследию.

Известный отечественный историк, ныне здравствующий Борис Николаевич Миронов отмечал в одном из интервью: «Историк живет в окружении источников, погруженным в них. Это потрясающее преимущество, которое делает его жизнь всегда интересной и наполненной смыслом» [6]. И Вы уже подчеркивали, что преподаватели всячески старались побудить в студентах интерес к источникам, стимулируя их обращение к «живым» документам. В море источников исследователь нередко находит настоящие жемчужины. Расскажите, пожалуйста, о Ваших самых интересных архивных находках, важных или неожиданных.

Д. В. Сень: Прежде всего, хотел бы сказать, что без работы и диалога с источниками я не состоялся бы как историк *ни при каких обстоятельствах*. Речь не только об эмпирической основе наших трудов, не менее важно чувствовать эпоху посредством мира источников, созданных людьми своего времени и необязательно – для твоего времени. Это первое. Второе: припоминаю высказывание не менее известного отечественного ученого Юрия Михайловича Лотмана, говорившего о том, что «историк обречен иметь дело с текстами» [11, с. 353], то есть с историческими источниками. Правда, я не преувеличивал бы обреченность самой работы с таким документированным наследием. Но историк действительно находится в постоянном контакте с прошлым через источники. Хотя это прозвучит банально, но прошлое, как случившееся, доступно для изучения лишь в формате работы с источниками.

В указанной связи ремесло историка неотделимо от повседневной, трудоемкой работы по выявлению и интерпретации исторических источников. К этому можно и нужно стремиться, полагая необходимой критическую верификацию информации, *добываемой* при такой работе.

Что же касается так называемых «жемчужин» среди прочих источников, Вы знаете, Анатолий Владимирович, не вполне соглашусь. Дело в том, что из таких «жемчужин», образно выражаясь, бусы не создашь в ходе эвристической работы над темой. Несколькими раз, впрочем, такие «жемчужины» попадались и мне. Например, это фотогра-

фии казаков-некрасовцев из с. Эски-Казаклар начала XX в. из Архива внешней политики Российской империи. Там же, а также в научном архиве Ростовского областного музея краеведения мне посчастливилось найти оттиски войсковой печати некрасовских казаков. Работая только с какими-то «эксклюзивными» историческими источниками, ты не напишешь множества других трудов, не поймешь многообразия той исторической действительности, которая породила массу других источников. Наконец, трудно судить о соотношении тех же «жемчужин» и основной, «рабочей породы» в виде другого исторического материала. Это как расхожее представление о том, что каждый «нормальный» историк *обязан* работать в архиве, вызывающее у меня отторжение (а как же, в таком случае, без достижений археографии?). Впрочем, лично мне посчастливилось работать с фондами около двадцати российских федеральных и государственных архивов – от Санкт-Петербурга до Астрахани.

Другое дело, что «эффект жемчужины» возникает в условиях некой критической массы обработанных тобой источников. Такое многократно случалось и со мной – к примеру, ряд важных исследовательских задач при работе над докторской оказался решен только после изучения архивных документов из Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН и Государственного архива Воронежской области. Поэтому работа с источниками – это трудоемкий и интеллектуально затратный процесс; вероятно, не ежедневный, но регулярный в пространстве и в процессах творческой лаборатории историка. К слову, мы же идем в архив не затем, чтобы найти какую-то конкретную «жемчужину», а для того, чтобы постараться обнаружить там новые источники, проверить свою методику их поиска. Причем зачастую оказывается, что эвристический потенциал того или иного источника ты можешь оценить лишь по прошествии какого-то времени. Ты вновь и вновь, даже спустя годы, обращаешься к одному и тому же историческому материалу. В моем личном архиве имеются архивные выписки, которым уже много лет... и они все еще «работают» на результаты моих изысканий.

Но бывает и такое, что имеющийся в распоряжении историка источник пока не интересует его. И только по прошествии времени, занимаясь новым сюжетом или новой темой, ты обращаешься к источнику, обнаруженному в связи с другим этапом эвристической работы. Это меня тоже пленяет и даже восхищает в процессе диалога историка с прошлым посредством непрекращающейся интерпретации исторических источников. Исторические источники неподатливы, они оказывают историка существенное «сопротивление». Это вовсе не означает, что исследователь вступает в «состояние» с неодушевленной сущностью, речь о другом: далеко не с первого раза он сможет извлечь информацию, заключенную в источнике. Начнем с того, что по той или иной причине ученый *просто не сможет прочитать текст источника...* При этом, я глубоко убежден, что эвристический потенциал любого исторического документа – например, духовной грамоты Ивана Калиты, акта Николая II об отречении, делопроизводственного источника, скажем, о каком-нибудь очередном военном походе на горцев в годы Кавказской войны – неисчерпаем. *Подчеркиваю, речь идет о потенциале любого исторического источника!* Жаль, что мимо этого важнейшего постулата о природе исторических источников проходят даже крупные специалисты по теории источниковедения. Между тем, такое положение вещей свидетельствует в пользу мнения о «незакрытости» форм и результатов познания прошлого в работе даже с одним и тем же историческим источником, казалось, исследованным уже «навсегда» и «до конца». Это потрясающе!

А. В. Крюков: Да, безусловно, с этим сложно не согласиться. В некоторой связи с предыдущим вопросом хотелось бы поинтересоваться Вашим мнением об одной идее (достаточно давно актуализированной в разнообразных дискуссиях): мол, белых пятен в нашей истории практически не осталось и рассчитывать на значительные открытия уже не приходится, а современная историческая наука – это сугубо аналитическая отрасль знаний. Как Вы относитесь к подобному мнению?

Д. В. Сень: Историческая наука, безусловно, является аналитической областью

знания. Без научного синтеза тех данных, которые мы извлекаем из исторических и историографических источников с помощью развитой методологии и методики, она не развивалась бы сегодня как ключевая дисциплина о прошлом. Что касается так называемых белых пятен в истории, то они, конечно же, остаются и, наверно, останутся. Не все явления и события прошлого, образно выражаясь, оказались в равной степени плотно документированы; более того – известное количество исторических событий либо изначально не отразилось в документах, либо до нас не дошло (не сохранилось), либо еще не выявлено. Представляется, что пространство и содержание *любой* исторической темы могут быть подвергнуты изучению даже сейчас, в первой четверти XXI в., что действительно возможно получить новые результаты в ходе прочтения уже известных источников и ревизии достижений существующей историографии.

Повторюсь, что я достаточно скептически отношусь к тезису (иногда звучащему из уст даже маститых ученых) о том, что по итогам работы того или иного исследователя конкретная тема может считаться «закрытой». Такого не может случиться по определению! В пространстве поиска исторических источников никто из здравомыслящих историков не может сказать: «Всё – поставлена точка, по “моей теме” источников более не существует или все они выявлены». Нельзя не сказать о том, что историческая наука, развиваясь в тесном взаимодействии с естественными и другими точными науками, сегодня получает все больше результатов в ходе реконструкции несохранившихся исторических источников – как части потенциальной источниковой базы. К слову сказать, когда я рассказываю студентам о перспективах исследования такой группы источников, они не сразу «прокачивают» мысль о том, что можно реконструировать исторические источники, «которых нет». Рассказываю на конкретных примерах, что подобные реконструкции возможны. В ряде случаев могут быть достигнуты весьма существенные результаты при обращении и к теме истории Киевской Руси, и более поздних времен – причем на основе источников, хорошо известных науке. Ведь уже сколько поко-

лений историков изучали, скажем, духовную грамоту Ивана Калиты. Ан нет! В ходе реставрации грамоты уже в постсоветской России было сделано важное открытие: на документе обнаружили цифру, которая, скорее всего, свидетельствует о том, что перед нами номер как отражение некой архивной описи великокняжеского архива. Соответственно, до проведения реставрационных работ об этом не было известно. Существенные открытия сделаны в ходе реставрации свитка Соборного Уложения, исследования Новгородской псалтири XI в., некрополя Архангельского собора и т.п. Повторюсь, что даже по отношению к источникам, уже введенным в научный оборот, могут быть сделаны значительные открытия, не говоря уже о том, что, например, Архивный фонд Российской Федерации насчитывает сотни тысяч единиц хранения! Значит, это *миллионы листов* только архивных документов! Молодые специалисты, да и не только они, могут быть уверены в том, что немалые возможности для открытий (имеется в виду, прежде всего, документальное измерение прошлого) сохраняются и в XXI в.

А. В. Крюков: Большое спасибо за ответ. Мне показалась достаточно значимой мысль о том, что многие открытия, упоминавшиеся Вами, были бы невозможны без использования современных технологий. Представляется, что последние десятилетия существенно поколебали ранее сложившийся в общественном сознании образ историка как человека, отрешенного от жизни, достаточно аскетичного, проводящего свое время за изучением пыльных архивных дел и старинных свитков. Современный исследователь прошлого идет в ногу со временем, с технологиями, учитывает прогресс средств и методов работы с информацией. Инструменты и ресурсы интернета существенно облегчают практику научных изысканий, ускоряют их. О таких возможностях еще два десятилетия назад мы могли только мечтать. Часто ли Вы пользуетесь цифровым инструментарием в своей исследовательской деятельности? И как Вы оцениваете состояние Рунета, то есть российского сегмента Интернета, в аспекте его наполненности информацией историко-культурного характера, необходимой ученым?

Д. В. Сень: Конечно же, определенные возможности Рунета используются мной в ходе научных поисков. Ведь исторические источники публикуются и в электронном виде, причем достаточно весьма развивающейся отраслью источниковедения в целом является так называемое электронное источниковедение. Огромное количество документов переводится в цифровой формат; прежде всего, речь идет о документах, находящихся на архивном хранении. Поэтому меня, как историка-дореволюционщика с большим опытом работы в архивах, весьма интересуют базы данных, в том числе в формате удаленного доступа к электронным образам документов. Сегодня все большее количество российских архивов использует подобные формы работы с пользователями. Это и федеральные архивы, и государственные архивы, а вот ведомственные, вероятно, – в меньшем объеме. И потом, много времени историку экономит работа как с оцифрованными документами (электронными образами документов), так и с описями. Признаться, если еще лет 10–15 назад в научной командировке ты тратил время в архиве на трудоемкую, но необходимую работу с описями, то теперь правилом хорошего тона для множества архивов стало размещение оцифрованных описей на своих сайтах в разделе «Научно-справочный аппарат».

Более того, сегодня все большее количество архивов, включая федеральные, охотно идут на организацию пользовательского заказа архивных дел (самого заказа, не выдачи дел!) в электронном виде. Это существенно экономит время и прочие ресурсы, включая материальные, для историков из регионов, которым тоже необходимо обращаться к фондам федеральных архивов, например, Российского государственного архива древних актов, Российского государственного военно-исторического архива, Российского государственного исторического архива и многих других. Не могу не отметить успехи донских архивистов. Уже несколько лет назад был реализован и сейчас развивается такой комплексный проект, как «Донские архивы. Виртуальный архив Ростовской области» [4], существенно помогающий пользователям в поиске необходимой информации. Огромное ко-

личество полезных гиперссылок содержится на сайте Российского федерального архивного агентства [13], в том числе реализующего полезные для ученых и более широкого круга пользователей Интернет-проекты (в том числе с предоставлением доступа к электронным образам документов). Поэтому такого рода перспективные начинания в России, включая уже немалые достигнутые результаты цифровизации архивного дела, можно только приветствовать!

А. В. Крюков: Да, безусловно, представляется, что архивам и дальше необходимо осуществлять подобную работу, поскольку это фактически синонимично обращению к «подлинной истории», это работа с подлинными источниками, и надеюсь, что лет через 10–15 мы сможем наблюдать существенный прогресс в данной области. Обращаясь же к вопросам организации науки и одновременно продолжая тему высоких технологий: в 2020 г. Вы выступили одним из инициаторов организации и регулярного проведения межрегионального Донского казаковедческого научного семинара (ДКНС). Это мероприятие достаточно быстро стало заметным научным событием. Его заседания, проходящие в удаленном интерактивном режиме, представляют собой значимые историографические факты. Не могли бы Вы рассказать о том, как возникла идея организации данного мероприятия, как эта идея была реализована и каковы планы и перспективы дальнейшей работы? Если не ошибаюсь, недавно прошло девятое заседание и осуществляется подготовка к следующей, так сказать, юбилейной сессии.

Д. В. Сень: Спасибо за вопрос. Эта идея не принадлежала лично мне. Припоминаю, что вместе с коллегами мы проводили в 2020 г. круглый стол в стенах Института истории международных отношений (ИИМО) Южного федерального университета, где я, к слову, имею честь трудиться с сентября 2010 г. Этот круглый стол был посвящен 450-летию служению донского казачества Российскому государству [23]. На нем же состоялась презентация 3-томника документальных материалов по истории донского казачества молодого ростовского историка, кандидата исторических наук А. Ю. Перетягко. Прозвучали от-

менные доклады разных ученых, в том числе из Москвы и других городов. В ходе подведения итогов кем-то из коллег было предложено сделать регулярными мероприятия казакведческой направленности, вероятно, в формате семинара. Так получилось, что вместе с А. Ю. Перетятко мы стали сомодераторами этого нового в ИИМО научного мероприятия, начали проводить первые заседания, искать докладчиков, мучиться с технической частью и пр. Моим сомодератором по проведению ДКНС сегодня является кандидат исторических наук, доцент ИИМО ЮФУ М. Е. Шалак.

Основная идея, которую мы закладывали в «идеологию» ДКНС; – это сравнение выступающими историками своей позиции с различными другими взглядами и концепциями; но, что более существенно, – это представление докладчиками на каждом заседании ДКНС истории того или иного казачьего сообщества (того или иного актуального вопроса казакведения) *в сравнении с подобным ему*. Таким образом, во главу угла мы ставим историко-компаративный метод при озвучиваемой характеристике какого-либо явления или события из жизни *разных* казачьих групп (войск). При этом у нас выступают каждый раз два докладчика, темы выступления которых заранее известны обоим.

Второе методическое основание, которое мы тоже стараемся развивать в нашем деле: всем выступающим предлагается рефлексировать по поводу мотивов и причин, обусловивших их *личный* научный интерес к исследуемой проблеме. Кстати, проблема авторской рефлексии в пространстве создаваемых нами же научных нарративов – далеко не праздная для сообщества историков, в том числе историков, представляющих региональные научные центры и школы. Дело в том, что мы, историки, зачастую презентуем только результаты своей деятельности, но не находим (или избегаем?) возможности и желания рассказать о том, каким же образом мы пришли к этим результатам, почему занялись этой темой, как оцениваем свои труды на фоне имеющейся историографии и пр. Поэтому, открывая каждый раз новое заседание ДКНС, я прошу докладчиков уделить побольше внимания именно этой стороне вопроса, а также

рассказу о том, с какими сложностями исторического, историографического, методического характера они сталкивались при работе над докладом. Говоря другими словами, мы хотим *больше знать* об автобиографическом в научном нарративе [5] каждого из докладчиков, аккуратно моделируя соответствующую обстановку.

Наконец, третье: с согласия всех присутствующих мы ведем видеозапись собрания; обращаясь к коллегам в аудитории, я всегда говорю, что в процессе нашей совместной работы создается аудиовизуальный историографический источник! Таким образом, сочетание в «идеологии» ДКНС необходимых, в чем-то новых методических оснований позволило достаточно быстро и легко (прежде всего, благодаря мастерству выступающих) сделать данное продолжающееся мероприятие нужным для науки, запоминающимся и действительно нашедшим отклик в профессиональной среде историков-казакведов. Не так давно мы создали на платформе «Дзен» канал Донского казакведческого научного семинара [12], где выложили записи всех состоявшихся заседаний. Размещены там и другие материалы, прежде всего – видеовыступления наших докладчиков на прочих научных мероприятиях. Таким образом, уже сегодня можно анализировать развитие на практике идей и задумок (от души на это надеюсь!) нашего детища-семинара, работая с его материалами также в историографическом отношении.

Сейчас имеются предварительные договоренности с некоторыми будущими докладчиками. Если они подтвердятся, то в конце текущего года мы проведем десятую, юбилейную, сессию Донского казакведческого научного семинара. К слову, один из возможных участников – замечательный историк из Краснодара и сотрудник вашего института – кандидат исторических наук Виталий Вячеславович Бондарь. Он недавно опубликовал 2-е издание своей книги о войсковом городе Екатеринодаре [1]. Надеюсь, что в связке с ним окажется еще один специалист, изучающий либо феномен войсковых городов, либо, шире, урбанизационные процессы на территории казачьих территорий.

А. В. Крюков: Да, безусловно, я думаю, что участие В. В. Бондаря украсит семинар и станет успешным. При публикации нашего с Вами интервью мы даем ссылку на информационный канал семинара [12] для того, чтобы наши читатели смогли обратиться непосредственно к видеозаписям ДКНС. И следующий вопрос: как Вы оцениваете состояние и перспективы современных казакведческих исследований? Какова текущая историографическая ситуация в плане спектра рассматриваемых проблем и каковы основные векторы ее дальнейшего развития?

Д. В. Сень: Вы знаете, Анатолий Владимирович, судить о развитии казакведения даже на территории Юга России, где мы с Вами живем, достаточно сложно. В целом мне представляется, что пик своего развития (имея в виду состояние научной мысли на соответствующей территории постсоветской России) современное казакведение уже прошло. Пик прорывных казакведческих штудий пришелся все-таки на 1990-е – начало 2000-х гг. Собственно, тогда и сформировалось российское казакведение, тогда же оно в полной мере испытало влияние и общественных ожиданий (возрождение казачества), и властных структур, и прочих факторов развития, включая уже упоминавшиеся так называемые архивную и археографическую революции. Конечно, говорить о стагнации казакведческой мысли сегодня не приходится, но вместе с тем обращают на себя внимание определенные явления, такие, например, как проблема преемственности поколений. Мэтры, к сожалению, уходят либо публикуются не так часто, как в 1990-е – начале 2000-х гг. Некогда на Юге России «гремела» Ростовская казакведческая школа... сегодня в ИИМО ЮФУ по основному месту работы трудятся лишь трое историков-казакведов (доктора наук). Молодежь, ищущая себя в аспирантуре, неохотно рассматривает темы, связанные с историей казачества; неужели только потому, что много времени нужно проводить в архивах? Не уверен... Вместе с тем мне могут возразить, что в последние годы резко увеличилось число публикаций, относящихся к предметной области казакведения. Однако подобная квалиметрия не должна вводить в заблуждение...

Существенно сократилось количество как публичных, так и «удаленных» научных дискуссий, связанных с казакведческой проблематикой. Я с тихой грустью вспоминаю то прошлое время, когда в Краснодарском крае регулярно проводились *мощнейшие* конференции по истории и культуре казачества. В оргкомитет долгие годы входили ученые из КубГУ – профессора В. Н. Ратушняк, В. И. Черный, В. Е. Щетнев, руководитель краевого Комитета по охране памятников истории и культуры А. Ф. Ачкасова и многие другие специалисты. Эти конференции сыграли основополагающую роль, мне представляется, в развитии российского казакведения, если полагать, что историки обязательно должны встречаться на дискуссионных площадках и генерировать новые идеи. Сегодня же таких конференций стало меньше, а в целом сократилось количество подобных дискуссионных площадок. Не припомню, чтобы в последние годы имели место крупные дискуссии о происхождении казачества, о его участии в народных движениях и пр. Еще раз подчеркну, что либо молодежь не очень активно обращается к перспективным темам по истории и культуре российского казачества, либо потенциальные научные руководители не успевают за анализом новых историографических явлений в пространстве достижений и проблем современного казакведения. Некоторые казакведческие штудии, выражусь аккуратно, сегодня испытывают влияние текущей политической повестки и пр.

Тем не менее в России активно трудится новое поколение историков-казакведов: кандидат исторических наук Рустем Равилевич Аминов (Казань), кандидат исторических наук Артем Юрьевич Перетягко (Ростов-на-Дону). Впрочем, позволю грустную иронию: сегодня таких состоявшихся казакведов в возрасте до 39 лет, скорее всего, меньше количества казачьих войск периода заката Российской империи. Имеются, конечно, и более крупные историографические достижения по проблематике исторической картины мира казачества, истории его повседневности и воинской культуры, (доктора исторических наук О. В. Матвеев, М. А. Рыблова, Е. В. Годова и др.), по компаративному изучению каза-

чьих войск в Российской империи второй половины XIX в. (кандидат исторических наук А. А. Волвенко и др.).

Вместе с тем нужна, как минимум, одна новая кандидатская диссертация о прошлом все тех же казаков-некрасовцев. Сегодня все меньше исследователей (сейчас говорю даже не об историках младших поколений, а о маститых историках-казаковедах) изучают историю донского казачества, скажем, XVII–XVIII вв. Все меньше конкретно-исторических сюжетов по участию казачества в народных движениях России XVII–XVIII вв., при том что существенных успехов достигло такое направление, как социальная психология участников этих же движений (О. Г. Усенко, В. Я. Мауль, Е. Н. Трефилов). Современная историография в целом уделяет мало внимания (хотя имеются и существенные результаты – труды А. И. Агафонова, А. В. Дюкарева и др.) возможностям вспомогательных исторических дисциплин при изучении истории казачества. Ловлю при этом себя на мысли, что в моем научном творчестве таких сюжетов все больше. Поэтому в целом: для казаковедения сегодня сохраняются как немалые перспективы, так и «проблемные точки» дальнейшего роста и даже определенная стагнация тематических исследований.

Требуется академический диалог нового уровня, на новых площадках с целью изучения казачьих сообществ, кстати, с помощью творческого использования все того же «многострадального» историко-компаративного метода. Припоминаю разговор с одним коллегой – беседа зашла об истории донского казачества конца XVIII в. Я говорю примерно следующее: «А вот смотри, в это же время с Черноморским казачьим войском происходит то-то и то-то...». Он на меня недоуменно посмотрел и ответил: «Послушай, я не разбираюсь в истории черноморского казачества и мало что знаю об этом». Получается, что даже обилие освоенных региональной историографией *локальных* сюжетов по истории того или иного казачьего сообщества (войска) не всегда приводит к «кумулятивному» историографическому эффекту. Впрочем, я не считаю, что должна быть создана единая и непротиворечивая история казачества как явления российской и мировой истории. Хуже, когда историки-казаковеды

не стремятся рефлексировать по поводу явления общего и отличного, изучая «свое» казачье войско, «свое» казачье сообщество. Можно и нужно монографически изучать историю каждого конкретного войска, но при этом необходимо идти дальше... К сожалению, некоторые коллективные монографии построены путем изложения материала по истории какого-то количества войск по принципу: одна глава (параграф) – одно войско, без «перекрестного» показа казачьей истории, без общих выводов историко-сравнительного свойства. Хотя, возможно, в 1990-е гг. об этом было, наверно, рано думать. Вот обратите внимание, Анатолий Владимирович, в 1990-е – начале 2000-х гг., пока не были созданы новые монографии по истории Кубанского, Терского, Кавказского линейного и других казачьих войск, активно переиздавалась научная литература дореволюционного периода.

А. В. Крюков: Да-да, репринтных изданий тогда на Кубани было много.

Д. В. Сень: Да, книги Е. Д. Фелицына, Ф. А. Щербины, И. Д. Попки и многих других. Но ситуация меняется, создаются новые книги, включая коллективные монографии [14]. Не так давно усилиями большого авторского коллектива, в том числе нашего Института истории и международных отношений, был реализован новый большой научный проект – коллективная монография «История донского казачества» в трех томах [7]. Прямых аналогов в существующей историографии эта монография не имеет. Данный 3-томник под редакцией выдающегося ученого, профессора А. И. Агафонова, долго и непросто писался и, наконец, был издан большим тиражом в 2020 г. при поддержке областной администрации. Я имел честь руководить работой коллектива над первым томом – «История донского казачества в середине XVI – начале XVIII в.» [8], получив, уверяю, новый бесценный опыт редакторской работы.

Создаются новые монографии по истории Терского казачьего войска, например, кандидата исторических наук И. Х. Тхамоковой, замечательной исследовательницы из Нальчика [21]. По истории оренбургского казачества активно работает Е. В. Годовова [2] [3]. Новейшая историография истории донского

казачества немислима без обращения к трудам Н. А. Мининкова, А. А. Волвенко, А. В. Венкова, А. И. Агафонова, И. О. Тюменцева, А. В. Захаревича, О. Ю. Куца, А. П. Скорика и многих других. При этом мне по-прежнему кажется, что общих академических площадок для обсуждения итогов изучения конкретного войска нам все-таки не хватает. Между тем имеются общие историографические представления о таком явлении, как российское казачество эпохи империи, российское казачество эпохи народных движений в России либо же революционных событий начала XX в. и т.д. И все же при более глубоком анализе можно сделать вывод о том, что выявление общего и отличительного в прошлом казачества – не самая сильная сторона сегодняшнего российского казаковедения.

Не могу не сказать об уникальном опыте коллег, сумевших несколько лет назад создать замечательный международный авторский коллектив, издав коллективную монографию под названием «Казачество в тюркском и славянском мирах» [9]. И вновь, Анатолий Владимирович, обратите внимание на компаративистский характер книги, отраженный уже в названии. Этот проект, во многом уникальный для сообщества историков-казаковедов, в целом удался. Огромный фолиант объемом более 800 страниц получил высокие оценки специалистов. Многие востоковедные сюжеты по истории зарождения и развития казачества, все еще почитаемые некоторыми учеными маргинальными либо непоказательными для описания его сущности, получили в книге самое предметное освещение. Мне кажется, такой опыт можно и нужно продолжить и по отношению к истории других казачьих войск и сообществ.

А. В. Крюков: Надо полагать, что многое зависит от наличия активно действующих площадок для интеграции и научного диалога. Если эти площадки будут созданы, организованы, то, думается, будет достигнут и необходимый уровень приложения компаративного подхода. Семинар, который Вы регулярно проводите, является, возможно, тем ресурсом, с помощью которого в дальнейшем будет реализована еще более глубокая интеграция исследователей-казаковедов.

Следующий вопрос касается одного момента, который Вы уже затронули. Это качество научных исследований, зачастую не соответствующее их огромному количеству. Вопрос сугубо профессиональный, актуальный не только для историков или специалистов-гуманитариев, но и в целом для научного общества. Я не могу его не задать, потому что об этом говорят многие. Существующая система оценки достижений ученых, индексы, цитируемость, количество публикаций – все это оптимальный, на Ваш взгляд, подход? Или же количественные показатели отнюдь не показательны и более важны экспертные мнения о деятельности ученого – мнения коллег, представителей научной общественности?

Д. В. Сень: Во-первых, я хотел бы сказать о том, что наша, историков, профессиональная среда является и конкурентной, и конкурентоспособной. Мы все разные и пишем по-разному... Одни историки задают историографические тренды, другие все удивляются – как можно бесплатно опубликовать в России статью в журнале из базы Scopus (не шучу!). Второе – существует развитая и в целом удобная система показателей научной активности, квалиметрируемых результатов деятельности ученого, в которой нет ничего зазорного или дурного. При этом нормальный пишущий историк вряд ли будет говорить коллегам о величине своего «Хирша» или процентиля. Третье – иногда приходится обращать внимание на то, что некоторые коллеги хотя и выражают недовольство наукометрическими процедурами и инструментами, но сами при этом не слишком активны (в смысле публикационной активности, безусловно, отраженной в Российском индексе научного цитирования). Иными словами, совпадение небольшого количества работ и недовольства этой системой в данном случае весьма показательно, о большем умолчу...

Затем, сегодня грантовая деятельность занимает важное и достойное место в научной работе историка. А как здесь обойтись без демонстрации, хотя бы на уровне заявки, результатов тех исследований, работ, которые реализованы ранее (так называемый научный задел)? Мы, повторюсь, все разные, наши исследования имеют различные признаки ака-

демической успешности, включая характеристики публикационной активности; поэтому, вероятно, не все ученые-гуманитарии могут побеждать в конкурсах грантовых проектов. Некоторые даже не стремятся, будучи полны скепсиса по отношению к высокорейтинговым публикациям и прочим «помехам» научного признания и материального поощрения со стороны государства.

Я с Вами полностью согласен в том, что мы, историки, как члены конкретной коллаборации, знаем, кто из нас чего стоит в профессиональном отношении. Неформальные связи работают быстро и эффективно, иногда – с последствиями. Мы знаем, кто из коллег работает системно и «со знаком качества», а кто пытается угадать так называемую актуальную повестку; кто регулярно работает, к примеру, в архивах, кто и каким образом транслирует профессиональному сообществу новые идеи, гипотезы и концепции (или напротив – боится это делать), а кто в ряде случаев «замазан» в плагиате чужих текстов. Знаю одного «историка», который буквально охотится за архивными находками ученых, заказывает по их ссылкам дела в архивах, а затем публикует источники, выдавая за результаты собственной архивной эвристики. Таким образом, существует своя, неформальная, но тоже экспертная система оценивания проделанной историком работы, а также его репутации. Конечно, имеются более формализованные способы подобного оценивания – диссертационные советы, система рецензирования рукописей статей и пр. Таким образом, успешность и репутация историка зависят от многих факторов, и некоторые из них весьма специфичны. Но в целом, учитывая состояние нашего сообщества, наличие в нем конкурентной среды, можно признать нормальными практики «академического поклевывания». С одной стороны, они дисциплинируют каждого «нормального» исследователя, с другой стороны, как это не покажется странным, способны вызывать в историке дефицитное чувство иронии и самоиронии.

Едва ли не самое главное – создаваемые нами тексты, больших и малых форм (люблю писать тезисы, эдакий «оселок» для тренировки ума!). Искренне убежден в том, что ре-

зультативность трудов историка, степень его мастерства и, наконец, репутация оцениваются, прежде всего, по создаваемым им текстам. Тексты невероятным образом влияют на нашу жизнь, не говоря уже о пространстве творческой лаборатории историка и ее «обитателях». Тексты говорят порой о нас больше, чем мы себе представляем. Иногда сталкиваешься с мнением коллег: «Ой, было бы неплохо, если бы эту статью ты опубликовал где-нибудь в центральном издании». Но ведь качество текста гораздо важнее, «проходной» текст нельзя спрятать от придирчивого взора коллег-профессионалов под обложкой, что называется, «столичного» или «скопусовского» издания. Лично мне все равно, где публиковать большинство своих текстов (надеюсь, что из вышесказанного понятно – почему): историки, при наличии интереса, смогут его прочитать, невзирая на статус журнала. При этом, Анатолий Владимирович, у меня все в порядке с так называемыми высокорейтинговыми публикациями. Таким образом, коллегам, прежде всего молодым, не стоит устраивать соответствующие «гонки по вертикали» в пространстве и без того конкурентной среды современных историков – это чревато репутационными и прочими профессиональными потерями.

А. В. Крюков: Большое спасибо за ответ. В следующем вопросе мне хотелось бы затронуть другой аспект Вашей деятельности. Вы выступаете не только как исследователь, организатор науки, но и как педагог высшей школы, обладающий, если я не ошибаюсь, четвертьвековым опытом преподавательской работы. В данной связи вопрос: скажите, пожалуйста, по Вашему мнению, отличаются ли студенты начала нулевых от студентов первой половины 2020-х гг.? Если да, то в чем тогда отличие?

Д. В. Сень: В первую очередь, сегодняшние студенты отличаются от нас времен нашего же студенчества, что нормально и естественно. Меняются поколения историков, развивается методика исторической науки – в том числе в формате ее преподавания; соответственно, меняется и студенчество, получающее историческое образование. Правда, уже не во всех классических вузах Юга России чи-

таются, скажем, такие учебные курсы, как «Археография» и «Архивоведение». Существенно изменилась среда, в пространстве которой приобретает высшее образование. Условий для развития у студентов сегодня стало явно больше, но в своей массе они читают меньше и хуже воспринимают лекционный материал. Обилие гаджетов, обилие источников информации (но, выражусь с горькой иронией, не обилие *текстов* исторических источников на партах и экранах ноутбуков) вовсе не спасает от существенного недопонимания причинно-следственных связей, общего и особенного в историческом процессе. Я с огорчением отмечаю снижение студенческого интереса к *проговариванию* и творческому обсуждению того или иного исследовательского кейса, вынесенного, скажем, в формат практических занятий. Порой складывается впечатление, что студенты воспринимают учебные курсы, скажем, истории России (Всеобщей истории), историографии, источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин как отдельные и не зависящие друг от друга. Поэтому мне кажется, что студенты «сегодняшнего дня» должны обратить самое пристальное внимание на развитие собственных аналитических навыков, являющихся одним из атрибутов высшего образования. Хотелось бы, чтобы студенты умели и любили вступать в диалог с прошлым не столько через экран мобильного устройства, сколько через умения задавать прошлому вопросы, извлекать из источников все новую и новую информацию, учиться формировать свою точку зрения с опорой на лучшие историографические практики. Хотелось бы от современных студентов *долгого сосредоточения* на пути познания прошлого...

А. В. Крюков: В связи с отмеченными Вами тенденциями задам следующий вопрос: не думаете ли Вы, что снижение интереса студентов к чтению книг может оказать негативное влияние их на последующую работу (если они, конечно же, выберут стезю ученого) с историческими источниками. Ведь они, по большей части, являются письменными. И такая природа делает невозможной полную их трансформацию в какую-либо автоматизированную форму. Текст необходимо

читать что называется глазами, а его установление – подчас долгий и трудоемкий процесс. Я уже не говорю о внешней критике источников. Считаете ли Вы, что подобного рода моменты, связанные с «нелюбовью» к чтению, окажут отрицательное влияние на развитие исторической науки?

Д. В. Сень: Согласен, печальные последствия подобного состояния дел в сфере гуманитаристики и высшего исторического образования могут сказаться на будущем исторической науки. Ведь то или иное поколение историков на каком-то этапе неизбежно сменит предыдущее... У будущего профессионала должны быть сформированы устойчивые навыки не только поиска соответствующей информации, литературы, но и умения работать с историческими источниками. Это будет способствовать развитию критического мышления и исследовательского кругозора, поможет выбрать тематику будущей научной работы. А как же молодежи в ином случае сориентироваться в пространстве сотен и тысяч работ, скажем, по истории того же казачества? Как определиться с направленностью собственного научного поиска? Наконец, студентам неплохо бы учиться и с помощью такого подспорья, как научные труды их преподавателей и научных руководителей, ведь почти все мы, вузовцы, – практикующие (пишущие) историки. Но это тоже отдельная, почти печальная, история...

А. В. Крюков: Спасибо большое за ответ. На протяжении длительного времени, практически, наверное, с 1990-х гг., в общественном сознании доминирует идея о том, что гуманитарное образование не слишком хорошо применимо на практике. Что Вы об этом думаете?

Д. В. Сень: Здесь важно четко представлять, что мы понимаем под практикой. С формальной точки зрения, выходит, что сегодня нет резона изучать последствия, скажем, Куликовской битвы. Какова практическая польза от понимания особенностей модернизации России хоть в петровский, хоть в постпетровский периоды? Конечно, как и Вы, я понимаю, что новые *практики* историописания нужны как воздух профессиональному сообществу и исторической науке в целом. Но, очевидно, Ваш вопрос о другом... Поэтому практическое

использование исторического знания может быть связано с символическими нуждами, с *вопросами* современного общества, вновь и вновь соотносящего свою жизнь с опытом предыдущих поколений.

Если общество стремится к преодолению каких-то исторических травм, своего посттравматического состояния (в связи с теми или иными историческими событиями), к критическому осмыслению того или иного периода в истории своей страны и своего места в этой истории, тогда можно говорить о практической пользе от исторического знания. В противном случае почти неизбежно, что многие знания не просто породят многие печали, но будут раздражать современников и своим обилием, и множественностью интерпретационных моделей... Порой мне кажется, что общество в этом смысле не очень положительно реагирует на разнообразие форм и методов реализации научного исторического знания, неохотно пересматривает устоявшиеся *«истинные»* представления о прошлом. Очень многое поэтому зависит от степени открытости / закрытости самого социума, от управления политикой исторической памяти, в том числе со стороны государства, и, конечно, от (не)готовности общества воспринимать прошлое как повествование о людях и их судьбах, об их влиянии на историю как на процесс. Сегодня общество более равнодушно и спокойно относится к возможностям овладения знанием о своем прошлом, на что, конечно, имеются причины.

Вероятно, академическое (строгое) знание зачастую вызывает у социума отторжение также своей «холодностью», непонятностью, наличием противоречивых и абстрактных (с точки зрения общества) объяснительных моделей. Возвращаясь к Вашему вопросу о Рунете – сегодня многие историки достаточно активны на различных каналах и, прежде всего, в пространстве Рунета. Полагаю, что в этом смысле историки могут быть поближе к обществу, не забывая, безусловно, о своей профессиональной культуре. Угодать социуму в поисках, скажем, «самой древней» истории, например, казачества, конечно, не следует, но и закрываться в «башне из слоновой кости» тоже не стоит. Наконец, историкам нуж-

но более спокойно отнестись к устоявшемуся представлению о том, что они (точнее, мы!) потеряли монополию на создание и трансляцию знания о прошлом. Право, историкам еще есть чем заниматься в профессиональном плане!

А. В. Крюков: То есть деятельность по популяризации исторического знания, новейших исторических открытий – это одна из важнейших сторон деятельности профессионального историка. Я правильно понимаю?

Д. В. Сень: Да, вне всякого сомнения. К примеру, в МГУ много лет реализовывалась замечательная форма знакомства студентов и преподавателей с итогами очередного полевого сезона Новгородской археологической экспедиции, связанного с поиском и интерпретацией новооткрытых берестяных грамот. До недавнего времени проект (видеозаписи которого имеются в Рунете) возглавлял академик РАН А. А. Зализняк; теперь им руководит другой выдающийся ученый – член-корреспондент РАН А. А. Гиппиус. Археологи, к слову, выделяются завидным постоянством в презентации «городу и миру» итогов того или иного очередного полевого сезона. Так почему бы историкам, активно работающим в федеральных и государственных архивах (поскольку архив – тоже Поле!), не выступать перед студентами и другими представителями современного российского общества с итогами своих славных «полевых разысканий»? Вот, обращаюсь к «обществу» с таким предложением...

А. В. Крюков: Спасибо большое за ответ. И, наверное, традиционный вопрос для любой беседы с ученым – о проблематике, над которой Вы работаете. Что волнует Вас сейчас, в настоящее время? И, наконец, какое место в исследуемых Вами проблемах занимают вопросы, связанные с межкультурной коммуникацией, которая является одним из важных тематических аспектов публикационной деятельности нашего журнала?

Д. В. Сень: Имеется несколько проектов, Анатолий Владимирович, над которыми я тружусь последние годы с переменным успехом. Это, прежде всего, история казачества на Дону и на Северном Кавказе (вторая половина XVI–XVIII в.). По предложению Ин-

ститута российской истории РАН (ИРИ РАН) я написал несколько «казачьих» параграфов в разные тома новейшей «Истории России» в двадцати томах, правда, пока не вышедшие. Среди тематик, также активно интересующих меня сегодня, – история пограничных сообществ и пограничной дипломатии и, конечно, история межкультурной коммуникации в пространстве южного пограничья [19]. Прежде всего, это казаки и номады, подданные России и Крымского ханства. Меня невероятно увлекла в последние годы тема таких культурных медиаторов, как толмачи и переводчики, в истории крымско-османско-российских отношений на Юге в XVII–XVIII вв. [20] [10]. Последняя тема дала любопытное ответвление – и в моем научном творчестве появились также статьи по истории толмачей и переводчиков в Войске Донском XVIII в. А в мае 2024 г. вместе с коллегами из ИРИ РАН мы провели в ИИМО ЮФУ замечательное научное мероприятие – Всероссийский научно-практический семинар «“Соединяя миры”: толмачи и переводчики в России второй половины XVI – начала XIX в. (структуры, коммуникации, языки)». Вообще же тема толмачей и переводчиков оказала сильное влияние на расширение моего научного кругозора, на развитие моей творческой лаборатории, в том числе совершенствование используемых исследовательских методик.

Изучая источники по истории населения южного фронта, я в последние годы уже автоматически задаю себе вопросы: на каких же языках общались в тот или иной период участники пограничной жизни, кто выступал в роли переговорщика, кто толмачил устные речи сторон, а кто – письменные документы, например, адресованные азовским воеводам с Кубани в конце XVII – начале XVIII в.? Любопытно, что уже воеводы создали оригинальную систему переводов писем с ряда восточных языков, о которой нам было мало что известно до недавнего времени. До сих пор привыкаю к мысли о том, что мне вновь неслучайно повезло в исследовательском плане: тема устной и письменной коммуникации в пространстве южного пограничья и сегодня остается почти «непаханой», исторического материала – огромное количество (на который колле-

ги почти не обращали внимания, за исключением Б. Боука и некоторых других), не говоря о том, что буквально на глазах расширяется сфера применения полученных результатов, в том числе по отношению к более крупным темам из истории южного пограничья.

Другая обширная и заметная тема, интересующая меня в последние годы, – пограничная коммуникация Войска Донского и османского Азова второй половины XVI – первой трети XVIII в. (в том числе практики «замирения»/ «розмирения»). Уже сейчас собран довольно значительный материал, нужно посмотреть, исходя из накопленного объема, в какой форме он будет реализован; быть может, это окажется книга. При этом я терпеливо и последовательно апробировал промежуточные результаты работы над этой новой и даже необычной для казаковедения темой, в том числе встречая, не скрою, критику со стороны коллег. Замечу, что ракурс истории османско-казачьих отношений действительно был избран вопреки (не специально, поверьте!) господствующему историографическому нарративу о так называемой вековой борьбе казаков и азовцев. Представляется, что пространство пограничной коммуникации сторон не нужно представлять территорией исключительной конфронтации – здесь имелись различные формы пограничного взаимодействия. Это касается истории взаимоотношений донцов как с азовцами, так с ногайцами и с калмыками. Историография часто намеренно недооценивала внеконфронтационные формы коммуникации людей пограничья, в том числе настроенных на узнавание живущих рядом и попытки договариваться с ними. Выясняется, что традиция пограничной коммуникации (включая замирение) в отношениях между донцами и азовцами сформировалась достаточно рано, уже в 1570–1580-е гг., просуществовав с перерывами до первой трети XVIII в. Это потрясающе! И вот тема мировщиков с обеих сторон – она как раз об этом, поскольку донцы столь активно мирились с турками-османами, столь активно с ними воевали. Подобные ритмы пограничной жизни и коммуникации, включая пограничную дипломатию казаков и азовцев, невероятно интересуют и увлекают меня в последние годы. И эта тема тоже меня сильно

изменила как исследователя – собственно, без изучения *людей пограничья* я себя не мыслю ни как исследователь-казаквед, ни как пишущий историк со стажем...

Еще одна тема, о которой я говорил чуть выше, это история горских евреев Северного Кавказа. Вместе с коллегами из Краснодара и Нальчика мы уже второй год реализуем крупный научный проект. Получен грант Российского научного фонда по теме «Западно-кавказский культурный ареал горских евреев: история, идентичности, общинные структуры». Речь, прежде всего, идет о так называемых джегонасских (кубанских) горских евреях, а также о нальчикских горских евреях, начиная с дореволюционного периода их прошлого и заканчивая событиями XX в. Коллеги неоднократно ездили в этнографические экспедиции к горским евреям в Нальчик, мне же довелось поработать в четырех архивах Кабардино-Балкарии и Ростовской области. К слову, осенью увидит свет тематический номер журнала «Этнографическое обозрение» по истории и культуре горских евреев. Будут там и наши с коллегами статьи!

А. В. Крюков: Спасибо большое за столь полный и всеобъемлющий ответ. В завершение нашего интервью, что бы Вы хотели пожелать коллегам-историкам: и маститым исследователям, и тем, кто только начинает свой путь в науке?

Д. В. Сень: Спасибо, но давать какие-то существенные и серьезные советы своим коллегам не стану, – прежде всего, у меня нет для этого моральных оснований. Но если отвечать чуть иронично, то историкам, вероятно, стоит почаще выбираться из «башни из слоновой кости», в том числе для того, чтобы транслировать коллегам свою рефлексию о том, как, почему и зачем мы изучаем «свои» темы. Это прелюбопытно (и, к сожалению, показательно для состояния региональной научной коллаборации), но значительная часть историков активно уклоняется от участия в развитии исторической науки путем нарративизации «историй историков». Начинаю подозревать, что наша региональная профессиональная корпорация признает такое право лишь за мэтрами, и без того задающими многие историографические тренды (определение перспек-

тивных тематик, руководство авторскими коллективами и пр.).

Между тем подобная авторская рефлексия, подобное автобиографическое начало в структуре современного научного нарратива представляются невероятно актуальными и даже злободневными. Не станем забывать о том, что работа с историографическими источниками не просто важна для историка – она исключительно сложна. Создавая сегодня научные труды, вполне уместно говорить в том числе о наших мотивах и причинах выбора научной темы или проблемы, о реализуемом историком процессе познания – на фоне личных практик, скажем, поиска и интерпретации источников, верификации гипотезы в общении с коллегами и пр. Говоря другими словами – это может быть авторский нарратив о создаваемом тексте как о части «территории историка», определение границ которой (применительно к практикам *конкретного* историка) порой вызывает затруднения у *последующих* историографов. Мне кажется, что современный историк в этом смысле может стать более открытым и коммуникативным в общении с коллегами по цеху и даже пытаться создавать новые академические площадки для перспективного историографического обсуждения подобных рефлексий. Ведь, что греха таить, обстановка, сопровождающая наши выступления на конференциях (прежде всего, речь об «убийственном» регламенте 10–15 минут на доклад), явно не располагает к подобному «препарированию» историком своей авторской логики и пр. Кулуарное же общение с коллегами – само собой, но это совершенно не то, о чем писалось выше. Полагаю, что развитие общими усилиями постнеклассических форм и методов исследования историографической культуры Юга России пригодится любому историку. Кроме того, я пожелал бы всем своим коллегам новых отменных текстов и заинтересованных читателей-профессионалов, подвигающих авторов на дискуссию! Нам, историкам-казаковедам, явно не хватает новых научных дискуссий по тематике происхождения казачества, классификации казачьих сообществ, участия казаков в народных движениях, решения так называемого казачьего вопроса в Российской империи XIX в.

и пр. От души приглашаю всех казаковедов к выступлениям со своими идеями на нашем ДКНС! Наконец, пожелаю всем ученым-историкам оставаться таковыми (лишний раз обращусь к первой части названия интервью, обладающей, признаюсь, особым смыслом) – несмотря на различные так называемые актуальные повестки, на соблазны «закрывать» своими трудами ту или иную тему или, напротив, на временные трудности с непризнанием среди коллег своих находок, гипотез, концепций. Быть добру!

Начинающим же историкам пожелаю не терять оптимизма и драйва на пути обретения *своей* темы (быть может, не единственной, что тоже нормально!), своей дороги к овладению мастерством историка. Не стоит бояться решения трудных исследовательских вопросов – как уже имеющих прочную историографическую основу, так и тех, которые ранее не формулировались в науке либо по какой-то причине считались маргинальными или непоказательными в пространстве «престижных»

казаковедческих тематик. Также им стоит пожелать скорейшего изменения своего отношения к историографии и источниковедению, в общем-то недолюбливаемым частью современного студенчества. Стоит научиться управлять и этим знанием, без чего стать думающим и востребованным историком почти невозможно. Наконец, обращаясь к молодым же историкам: места в науке хватит всем!

А. В. Крюков: Благодарю Вас, Дмитрий Владимирович, от лица нашей редакции за подробные и обстоятельные ответы. Позвольте еще раз поздравить Вас с прошедшим юбилеем, пожелать здоровья и дальнейших творческих успехов. Спасибо большое!

Д. В. Сень: Спасибо, Анатолий Владимирович, за время, уделенное нашему сегодняшнему продолжительному разговору, за то, что были сегодня рядом. Буду надеяться на развитие нашего с Вами многолетнего общения и сотрудничества, в том числе по части обработки и публикации интервью в Вашем замечательном журнале! Спасибо!

Special guest:**Dmitry V. SEN'**

Dr. Sci. (National History), Prof.,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russian Federation
dsen1974@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5222-4685

Interviewer:**Anatoliy V. KRYUKOV**

Cand. Sci. (National History), Academic Secretary,
Southern Branch, Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage,
Krasnodar, Russian Federation
anatoly.kryukow@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7919-3938

***Becoming a Historian and Remaining One:
Practices of the Professional Path of a Cossack Researcher
(Interview with Dmitry Sen')***

The interview was recorded on August 22, 2024

Abstract. In an interview with Dmitry Sen', a well-known researcher of the history of the South of Russia, Doctor of Historical Sciences, professor of the Southern Federal University, timed to coincide with his 50th anniversary, the main stages of his professional biography and the formation, development of his scientific worldview are reflected. The interviewee's extensive scientific and pedagogical experience allowed him to give an expert assessment of a wide range of issues considered in the space

of research reflection. Professor Sen' analyzes the factors that influenced his future professional choice since his school years, recalls the years of study at the Kuban State University, and characterizes the galaxy of his mentors – talented teachers and researchers devoted to science. The interviewee's first steps in science are described, and the gradual expansion of the subject field of his research is shown: from the study of the Nekrasov Cossacks (Don Cossacks who fled to Kuban after the defeat of Kondraty Bulavin's uprising in the early 18th century) to the analysis of the relations of the Don and North-western Caucasus Cossacks with the Muslim states of the Black Sea region in the second half of the 17th – early 19th centuries and the historically complex system of Russian-Crimean-Ottoman relations, etc. One of the leitmotifs of the conversation was the importance of the researcher's direct work with historical sources; both the potential heuristic inexhaustibility of the historical source and the possibility of unlimited knowledge of any problem related to understanding the past are emphasized. The interlocutors point to the growing relevance of using high technologies in a historian's scientific work. Considerable attention is paid to various aspects of the social functions of historical knowledge at the present stage. The advantages of using the historical-comparative approach in studying the history of the Cossack troops are repeatedly noted in the interview. The value of the researcher's professional reflection as one of the foundations of the evolution of historical knowledge and improvement of the culture of scientific dialogue is emphasized. The expert attitude of Professor Sen' to modern trends in the development of Cossack studies is reflected; the historiographical situation that has developed at present in this field is characterized; the existing achievements and problems are analyzed. It is concluded that the development of Cossack studies lies in the plane of establishing an academic dialogue at a new level, using new platforms based on the creative application of the same historical-comparative method and expanding the subject field of promising Cossack studies.

Abstract. Dmitry Sen', Cossack studies, history of Cossacks, Nekrasov Cossacks, Don Army, Don Cossacks, Mountain Jews, professional reflection of historian.

Использованная литература:

1. Бондарь В. В. Войсковой город Екатеринодар. 1793–1867 гг.: Историко-культурная специфика и функциональная роль в системе городских поселений Российской империи. 2-е изд., испр. и доп. М.: Институт Наследия, 2023. 202 с. DOI 10.34685/HI.2023.25.93.005.
2. Годовова Е. В. Оренбургское казачье Войско в 1798–1865 годах. Самара: Универс-групп, 2007. 224 с.
3. Годовова Е. В. Повседневная жизнь российского казачества во второй половине XIX – начале XX вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 464 с.
4. Донские архивы. Виртуальный архив Ростовской области [Электронный ресурс]. URL: <https://donarch.ru/> (дата обращения: 23.08.2024).
5. Исаев Д. П. Автобиографическое в научном нарративе: история и личный опыт историка (предварительные заметки) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2023. № 4. С. 50–55. DOI 10.18522/2687-0770-2023-4-50-55.
6. «Историк живет в окружении источников»: интервью с профессором СПбГУ Борисом Мироновым [Электронный ресурс] // Санкт-Петербургский государственный университет. URL: <https://spbu.ru/news-events/krupnym-planom/istorik-zhivet-v-okruzenii-istochnikov-intervyu-s-professorom-spbgu> (дата обращения: 22.08.2024).
7. История донского казачества: коллектив. моногр.: в 3 т. / отв. ред. А. И. Агафонов. Ростов н/Д.: Омега Паблицер, 2020.

References:

1. Bondar', V.V. (2023) *Voyskovoy gorod Ekaterinodar. 1793–1867 gg.: Istoriko-kul'turnaya spetsifika i funktsional'naya rol' v sisteme gorodskikh poseleniy Rossiyskoy imperii* [The Military City of Ekaterinodar. 1793–1867: Historical and Cultural Specificity and Functional Role in the System of Urban Settlements of the Russian Empire]. 2nd ed. Moscow: Heritage Institute. 202 p. DOI: 10.34685/HI.2023.25.93.005.
2. Godovova, E.V. (2007) *Orenburgskoe kazach'e Voysko v 1798–1865 godakh* [Orenburg Cossack Army in 1798–1865]. Samara: Univers grupp. 224 p.
3. Godovova, E.V. (2020) *Povsednevnyaya zhizn' rossiyskogo kazachestva vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.* [Everyday Life of the Russian Cossacks in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. 464 p.
4. *Donskie arkhivy. Virtual'nyy arkhiv Rostovskoy oblasti* [Don Archives. Virtual Archive of Rostov Oblast]. [Online] Available from: <https://donarch.ru/> (Accessed: 23.08.2024).
5. Isaev, D.P. (2023) *Autobiographical in the Academic Narrative: History and Personal Experience of a Historian (Preliminary Notes)*. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennye nauki*. 4. pp. 50–55. (In Russian). DOI: 10.18522/2687-0770-2023-4-50-55
6. St Petersburg University. (2024) *“Istorik zhivet v okruzenii istochnikov”: interv'yu s professorom SPbGU Borisom Mironovym* [“A Historian Lives Surrounded by Sources”: Interview With St Petersburg University Professor Boris Mironov]. [Online] Available from: <https://spbu.ru/news-events/krupnym-planom/istorik-zhiv->

8. История донского казачества: коллектив. моногр.: в 3 т. / отв. ред. издания А. И. Агафонов. Т. 1: Донское казачество в середине XVI – начале XVIII в. / отв. ред. тома Д. В. Сень. Ростов н/Д.: Омега Паблшер, 2020. 287 с.
9. Казачество в тюркском и славянском мирах: коллектив. моногр. / отв. ред. В. В. Грибовский, В. В. Трепавлов. Казань: Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ, 2018. 804 с.
10. Колесов В. И., Сень Д. В. «Препровождая здесь дошедшее от почтеннейшего анапского Мустафы-паши оригинальное письмо и перевод с оног...»: практики российско-османской коммуникации в Северном Причерноморье (1792–1828 гг.) // *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья*. 2020. № 12. С. 602–645. DOI 10.24411/2713-2021-2020-00019.
11. Лотман Ю. М. Изъявление Господне или азартная игра? (Закономерное и случайное в историческом процессе) // Ю. М. Лотман и тартусско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 353–364.
12. Межрегиональный «Донской казачеведческий научный семинар» [Электронный ресурс] // Дзен. URL: <https://dzen.ru/id/6601461fb54bef2dd4fb30e5> (дата обращения: 14.09.2024).
13. Официальный сайт Федерального архивного агентства (Росархива) [Электронный ресурс]. URL: archives.gov.ru (дата обращения: 21.10.2024).
14. Очерки истории и культуры казачества Юга России: коллектив. моногр. / под ред. Г. Г. Матишова, И. О. Тюменцева. Волгоград: Изд-во Волгоград. филиала Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы, 2014. 623 с.
15. Сень Д. В. Горские евреи Северного Кавказа в условиях (пере)конструирования группы: вторая половина 1920-х – начало 1930-х гг. // *Этнографическое обозрение*. 2024. № 5. С. 10–28.
16. Сень Д. В. Деятельность шпионов атамана И. Некрасова на территории Российского государства (1708 г. – 1720-е гг.) // *История: факты и символы*. 2021. № 3. С. 82–93. DOI 10.24888/2410-4205-2021-28-3-82-93.
17. Сень Д. В. Деятельность шпионов атамана И. Некрасова на территории Российского государства (1708 г. – 1720-е гг.) // *История: факты и символы*. 2021. № 4. С. 134–143. DOI 10.24888/2410-4205-2021-29-4-134-143.
18. Сень Д. В. К вопросу о характере ухода на Кубань донских казаков в августе 1708 г. // *Историко-культурное наследие и современность: материалы республиканской науч.-практ. конф.* (Ейск, 20–24 июня 1995 г.). Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1995. С. 13–15.
19. Сень Д. В. Русско-крымско-османское пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII – XVIII в.): избр. тр. / отв. ред. В. В. Трепавлов. Ростов н/Д.: Альфаир, 2020. 420 с.
20. Сень Д. В. Толмачи и переводчики в деятельности воеводской администрации Азова (конец XVII – начало XVIII в.) // *Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы Междунар. науч. конф.* М.: Ин-т рос. истории Рос. Акад. наук, 2019. С. 134–143.
21. Тхамокова И. Х. Терское казачество в этнокультурном пространстве Северного Кавказа (XVI – начало et-v-okruzhennii-istochnikov-intervyu-s-professorom-spbgu (Accessed:22.08.2024).
7. Agafonov, A.I. (ed.) (2020) *Istoriya donskogo kazachestva: kolektiv. monogr.: v 3 t.* [History of the Don Cossacks: Collective. Monograph: In 3 Volumes]. Omega Publisher.
8. Agafonov, A.I. (ed.) (2020) *Istoriya donskogo kazachestva: kolektiv. monogr.: v 3 t.* [History of the Don Cossacks: Collective. Monograph: In 3 Volumes]. Vol. 1. Rostov-on-Don: Omega Publisher. 287 p.
9. Gribovskiy, V.V. & Trepavlov, V.V. (eds) (2018) *Kazachestvo v tyurkskom i slavyanskom mirakh: kolektiv. monogr.* [Cossacks in the Turkic and Slavic Worlds: Collective. Monograph]. Kazan: Khalikov Institute of Archaeology, Tatarstan Academy of Sciences. 804 p.
10. Kolesov, V.I. & Sen', D.V. (2020) "Accompanying Here the Original Paper Came From the Most Venerated Mustafa Pasha of Anapa and a Translation From It...": Russian-Ottoman Communication's Practices at the Northern Black Sea Coastshore (1792—1828). *Materialy po arkhologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya*. 12. pp. 602–645. (In Russian). DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00019
11. Lotman, Yu.M. (1994) *Iz'yavlenie Gospodne ili azartnaya igra? (Zakonomernoe i sluchaynoe v istoricheskom protsesse)* [Statement of the Lord or a Gamble? (The Natural and the Accidental in the Historical Process)]. In: Kpshelev, A.D. (ed.) *Yu. M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola* [Yu.M. Lotman and the Tartu-Moscow Semiotic School]. Moscow: Gnozis. pp. 353–364.
12. Dzen. (2024) *Mezhregional'nyy "Donskoy kazachevedcheskiy nauchnyy seminar"* [Interregional "Don Cossack Studies Scientific Seminar"]. [Online] Available from: <https://dzen.ru/id/6601461fb54bef2dd4fb30e5> (Accessed: 14.09.2024).
13. *Ofitsial'nyy sayt Federal'nogo arkhivnogo agentstva (Rosarkhiva)* [Official Website of the Federal Archival Agency (Rosarkhiv)]. [Online] Available from: archives.gov.ru (Accessed: 21.10.2024).
14. Matishev, G.G. & Tyumentsev, I.O. (eds) (2014) *Ocherki istorii i kul'tury kazachestva Yuga Rossii* [Essays on the History and Culture of the Cossacks of the South of Russia]. Volgograd: Volgograd Branch of RANEP. 623 p.
15. Sen', D.V. (2024) *Gorskie evrei Severnogo Kavkaza v usloviyakh (pere)konstruirovaniya gruppy: vtoraya polovina 1920-kh – nachala 1930-kh gg.* [Mountain Jews of the North Caucasus in the Context of (Re)Construction of the Group: Second Half of the 1920s – Early 1930s]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 5. pp. 10–28.
16. Sen', D.V. (2021) *Activities of the Spies of Ataman Necrasov in the Territory of the Russian State (1708–1720s). Istoriya: fakty i simvol'y.* 3. pp. 82–93. (In Russian). DOI: 10.24888/2410-4205-2021-28-3-82-93
17. Sen', D.V. (2021) *Activities of the Spies of Ataman Necrasov on the Territory of the Russian State (1708-1720s) Part 2. Istoriya: fakty i simvol'y.* 4. pp. 134–143. (In Russian). DOI: 10.24888/2410-4205-2021-29-4-134-143
18. Sen', D.V. (1995) [On the Nature of the Departure of the Don Cossacks to Kuban in August 1708]. *Istoriiko-kul'turnoe nasledie i sovremennost'* [Historical and Cultural Heritage and Modernity]. Conference Proceedings. Eysk. 20–24 June 1995. Krasnodar: Kuban State University. pp. 13–15. (In Russian).

XX в.). Налчик: Кабардино-Балкар. науч. центр Рос. акад. наук, 2017. 460 с.

22. Шкуро В. И. Вольная казачья республика на Кубани и судьба ее обитателей // Из дореволюционного прошлого кубанского казачества. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1993. С. 4–21.

23. Юрченко И. Ю., Арнольд Р. Казачество в истории и историографии: новые сюжеты, подходы и методы изучения казаков на круглом столе в ЮФУ // Новое прошлое / The New Past. 2020. № 4. С. 308–313. DOI 10.18522/2500-3224-2020-4-308-313.

19. Sen', D.V. (2020) *Russko-krymsko-osmanskoe pogranič'je: prostranstvo, yavleniya, lyudi (konets XVII – XVIII v.): Izbr. tr.* [Russian-Crimean-Ottoman Borderland: Space, Phenomena, People (Late 17th – 18th Centuries): Selected Works]. Rostov-on-Don: Al'tair. 420 p.

20. Sen', D.V. (2019) *Tolmachi i perevodchiki v deyatelnosti voevodskoy administratsii Azova (konets XVII – nachalo XVIII vv.)* [Interpreters and Translators in the Activities of the Azov Voivodeship Administration (Late 17th – Early 18th Centuries)]. *Perevodchiki i perevody v Rossii kontsa XVI – nachala XVIII stoletiya* [Translators and Translations in Russia in the Late 16th – Early 18th Centuries]. Proceedings of the International Conference. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. pp. 134–143. (In Russian).

21. Tkhamokova, I.Kh. (2017) *Terskoe kazachestvo v etnokul'turnom prostranstve Severnogo Kavkaza (XVI – nachalo XX v.)* [Terek Cossacks in the Ethnocultural Space of the North Caucasus (16th – Early 20th Centuries)]. *Nal'chik: Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 460 p.

22. Shkuro, V.I. (1993) *Vol'naya kazach'ya respublika na Kubani i sud'ba ee obitateley* [Free Cossack Republic in Kuban and the Fate of Its Inhabitants]. In: *Iz dorevol'yutsionnogo proshlogo kubanskogo kazachestva* [From the Pre-revolutionary Past of the Kuban Cossacks]. *Krasnodar: Kuban State University*. pp. 4–21.

23. Yurchenko, I.Yu. & Arnol'd, R. (2020) Cossacks in History and Historiography: New Topics, Approaches, and Methods to the Study of Cossacks at the Round Table in SFedU. *Novoe proshloe/The New Past*. 4. pp. 308–313. (In Russian). DOI: 10.18522/2500-3224-2020-4-308-313

Полная библиографическая ссылка на статью:

Сень, Д. В. Стать историком и оставаться им: практики профессионального пути исследователя казачества (беседа с Дмитрием Владимировичем Сенем) [интервью с известным российским историком / интервьюер А. В. Крюков]. – Текст : электронный. – DOI 10.36343/SB.2024.39.3.004 // Наследие веков. – 2024. – № 3. – С. 50–75. – URL: [http://heritage-magazine.com/index.php/HC/article/view/___/___](http://heritage-magazine.com/index.php/HC/article/view/___/) (дата обращения: ДД.ММ.ГГГГ)...

Full bibliographic reference to the article:

Sen', D.V. & Kryukov, A.V. (2024) Becoming a Historian and Remaining One: Practices of the Professional Path of a Cossack Researcher (Interview with Dmitry Sen'). *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 50–75. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2024.38.2.004

АНТРОПОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

ANTHROPOLOGY OF CULTURE

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

FULL ARTICLE

СЛЕПОКУРОВ Виталий Сергеевич
доктор философских наук, профессор,
директор Института искусств и информационных технологий
Московского филиала Санкт-Петербургского гуманитарного
университета профсоюзов,
Менделеево, Московская область, Российская Федерация
slepokurov.v@yandex.ru

ВАК: 5.6.1.

DOI: 10.36343/SB.2024.39.3.005

Нормативные функции культуры в условиях ускорения социального времени

Статья носит полемический характер и нацелена на выявление основных принципов обеспечения эффективности нормативных функций культуры при осуществлении культурной политики в условиях ускорения течения социального времени. Материалами послужили теоретические концепции, связанные с прогнозированием ускорения течения социального времени, и примеры социокультурной рефлексии этого явления в социально-политическом дискурсе современного медийного пространства. Нормативные функции культуры рассмотрены в двух теоретико-методологических перспективах: структурно-функциональной и системно-деятельностной, включая диалогическую теорию конструктивной напряженности А. С. Ахиезера. Сформулирован вывод, что нормативные функции культуры в условиях ускорения течения социального времени необходимо не только рационально эксплуатировать, но и наращивать, чему может способствовать интенсификация художественной жизни при релевантной проактивной культурной политике.

Ключевые слова: нормативные функции, ускорение социального времени, культурный норматив, юридический норматив, социокультурная рефлексия, культурная политика, конструктивная напряженность.

Актуальность обращения к теме нормативных функций культуры в условиях ускорения социального времени сегодня продиктована, прежде всего, возрастающим разрывом между постоянными изменениями в культуре повседневности обыденного человека под прессингом интенсивно развивающихся цифровых технологий и юридическими нормативами, призванными регулировать изменения в общественных отношениях. С одной стороны, вполне естественно, что социальный заказ на совершенствование правовой сферы общественной жизни следует за обострением конфликтов и противоречий в неурегулированных законодательством областях: то есть сначала возникает конфликт интересов, затем он приобретает значимость негативной тенденции, которую следует урегулировать в конструктивном направлении, и лишь затем со свойственной законодательной власти неспешностью принимаются общественно значимые решения, снижающие в той или иной мере влияние сформировавшихся негативных тенденций. С другой – все чаще подобный механизм совершенствования правовой системы отстает от интенсивных изменений, особенно в инновационных областях жизнедеятельности общества. В этой связи следует поставить вопрос: способна ли в принципе правовая система исчерпывающе эффективно и своевременно реагировать на изменения, скорость которых продолжает усиливаться, или необходимы более эффективные меры не только реагирования на возникающие правовые лакуны, но и упреждения их возникновения?

Поставленный вопрос остается одним из дискуссионных в области государственной культурной политики, ведь именно ее проактивный характер, по мысли И. В. Малыгиной, наиболее релевантен сложившейся в России и мире ситуации и располагает потенциалом упреждения перспективных рисков и конфликтов [20]. В частности, проактивный характер носит анализ и учет перспективных рисков и угроз социокультурному развитию России, приведенный в Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г., в которой в качестве одной из существенных угроз отмечена тенденция атомизации общества [27, с. 7]. Очевидно, что она

непосредственно связана с ускорением течения социального времени и усилением его асинхронии в различных культурных локациях (от межличностных отношений и связей между поколениями, в том числе и в среде субкультурных образований, к межкультурным, межконфессиональным, межэтническим и межрегиональным). В данной связи актуализируется вопрос о том, как культурная политика может отвечать на социокультурные вызовы с учетом значения культуры как нормативной системы, регламентирующей деятельность общества и личности.

Настоящее исследование направлено на выявление основных принципов, определяющих эффективность реализации нормативных функций культуры при проведении культурной политики в условиях ускорения течения социального времени. Материалом анализа в данном случае послужили как достаточно известные теоретические концепции, связанные с прогнозированием ускорения течения социального времени, так и отдельные примеры выражения социокультурной рефлексии этого явления в социально-политическом дискурсе современного медийного пространства.

В исследовании будет предметно рассмотрено усиление значения нормативных функций культуры в условиях ускорения социального времени в двух теоретико-методологических перспективах: а) в структурно-функциональной, в которую осмелимся поместить тезис, что постструктурализм не отказывается от функциональных представлений, хотя и заглядывает в предельную область отсутствия структуры (Р. Барт, Ж. Делез, Б. Латур и др.); в этой перспективе обратим внимание на концепцию «взрыва» Ю. М. Лотмана в теории самоописания семиотических систем, акцентирующей внимание на пределах скорости изменений смыслообразующих структур [18]; б) в системно-деятельностной (В. С. Степин [26] и др.), которая за счет систематизации и культурологической атрибуции (А. Я. Флиер [29] [30] [31], Г. В. Бакуменко [4] [5] и др.) отдельных теоретических представлений помещает их в непрерывный исторический процесс социокультурной рефлексии происходящих изменений,

включая диалогический принцип преодоления конструктивной напряженности традиции и новации (А. С. Ахиезер [2]).

Первая обозначенная теоретическая перспектива нацелена на уточнение условий, при которых та или иная цивилизационная доктрина предполагает максимальную эффективность культурной политики. Ее эвристический потенциал раскрывается в статье путем дополнения дихотомической структурной модели С. Б. Синецкого (Future- vs Retro-культура), предложенной им в ряде работ [23] [24]. Ее анализ, как и представленная в данном исследовании модель, направлены на совершенствование методического инструментария региональной культурной политики в условиях ускорения течения социального времени.

Вторая перспектива имеет целью уточнение социальных причин социокультурной рефлексии, вызванной ускорением течения социального времени, и рациональных теоретических оснований ее изучения.

Статья носит полемический дискуссионный характер, не претендует на однозначное завершение обсуждения достаточной острой проблемы эффективного использования нормативных функций культуры в условиях ускорения социального времени в рамках государственной культурной политики и предполагает продолжение теоретических дебатов.

В рамках структурно-функционального подхода профессор С. Б. Синецкий вполне обоснованно связывает типы реакции общества на постоянное увеличение количества культурно-детерминированных операций, осуществляемых в единицу времени (то есть ускорение социального времени) с доминирующей цивилизационной парадигмой культурной политики, противопоставляя инновационную Future-культуру и традиционалистскую Retro-культуру [24, с. 13–14].

Однако следует отметить и общее основание легитимации правовых нормативов вне зависимости от доминирующей в культурной политике парадигмы – эффективность администрирования или регуляции (то есть исполнения юридических нормативов различного уровня от локальных приказов и распоряжений до стратегического планирования) зави-

сит от соответствия¹ регулирующих решений реально существующим культурным практикам и представлениям общества, которые в свою очередь детерминированы на базовом уровне культуры совокупностью культурных нормативов (морально-нравственных, религиозных, мировоззренческих и пр.) [25, с. 8–10].

В принципе, для эффективности управленческого решения или законодательной инициативы важно именно соответствие юридических усилий базовым культурным нормам. Несоответствие принятого решения реальной ситуации в обществе, безусловно, можно усилить неотвратимостью наказания за несоблюдение нового норматива (причем вне зависимости от доминирующей парадигмы Future- или Retro-культуры), но нельзя ожидать, что он станет культурной нормой в несоответствующей ему культуре без предварительного разрушения глубинных ценностных оснований самой этой культуры.

Вполне очевидно в этой связи, что эффективное использование заложенного в культуре потенциала регуляции жизнедеятельности общества [26] менее затратно и более экологично [17], нежели разрушение фундаментальных оснований культуры для воплощения в жизнь какой бы то ни было инновации. Ведь разрушение уже сложившихся связей, обеспечивающих жизнедеятельность общества, потребует революционного переустройства, реновации всего общества и комплексной модернизации общественных отношений, которые регулируются в том числе нормами культуры, сформированными на протяжении столетий. Собственно, уместно в данном случае сравнение с принятием решения о сносе исторического здания только на том основании, что его конструкция не позволяет существенно расширить фасадные окна или достроить дополнительный этаж. Безусловно, и в одном, и в другом случае следует тщательно взвесить ожидаемые преимущества от реновации с объемами затрат на нее.

¹ Соответствие не означает тождество. Юридические нормы, как известно, могут закреплять сложившиеся практики, максимально соответствуя культурным нормам, или проектировать перспективно желаемую ситуацию, соответствуя некоторому идеалу, необязательно закрепленному в сложившихся практиках – *Прим. авт.*

Собственно, Future- и Retro-культуру С. Б. Синецкий условно различает по принципу доминирования ценностного приоритета либо новации (условно *хорошо*) в противовес традиции (условно *плохо*), либо традиции (условно *хорошо*) в противовес новации (условно *плохо*). Вместе с тем диалектика традиции и новации, их взаимосвязь и эпистемологическая взаимо-определенность (одно без другого не определяется) говорит об условности такой дихотомии. Новое не тождественно лучшему. Развитие составляет не доминирование «нового» над «старым», а рутинизация и автоматизация хорошо зарекомендовавшего себя «старого», на базе которого становится возможным реальная инновация: то есть отсеивание лучшего в ущерб отжившему или, наоборот, новоизобретенному, но нефункциональному инструменту. В противном случае общество не развивается, а скатывается в инверсионную ловушку [2, с. 194–195], постоянно переизобретая велосипед [6], не успевая прежнюю его конструкцию в достаточной степени оценить и запечатлеть в коллективной памяти. Приоритет «нового» над «старым» всего лишь идеологический паллиатив (временный инструмент, «костыль») в сильной стратегии ресакрализации духовных практик [36] – в маркетинговой технологии адаптации потребителя к мнимой новации в постиндустриальном обществе.

Предложенная С. Б. Синецким типологическая модель дихотомии Future- и Retro-культур обладает определенным эвристическим потенциалом маркирования цивилизационного уклада отдельных российских регионов, но следует учитывать абстрактность обозначенных в ней крайних пределов. В реальности Future-культура в чистом виде не может существовать, поскольку концепты прошлого и будущего не исключают друг друга, а взаимопределяются. Другой вопрос, что парадигма доминирования новации над традицией, предполагающая постоянную пересборку социальной реальности не в прошлом и не в будущем, а непосредственно в настоящем [15], ограничена адаптивной способностью культуры, способностью общества адекватно (в интересах позитивного образа будущего) реагировать на возрастающий массив изменений в различ-

ных пластах и областях социальной реальности. Не только скорость, но и объем (количество и масштабы) изменений влияют на достижение обществом ризомного состояния [11] [12]: допустимого предела объема изменений, к которому стремится Future-культура. Социально-психологический концепт футурошока Э. Тоффлера описывает как раз такой предел [28] [63], пересечение которого ведет к неспособности отличать новое от старого, новации от традиции, изменения от их отсутствия: этот ступор характеризуется неспособностью общества к генерации положительного образа будущего, консолидирующего коллективные усилия по его достижению.

По аналогии следует указать, что и Retro-культура имеет объективные пределы рационального развития, когда доктрина сохранения накопленного опыта (традиции) консервируется и догматизируется настолько, что любая новация в образе будущего представляет для нее угрозу и подавляется доминирующим реакционно-консервативным сознанием. Складывается ситуация, когда образ «светлого будущего» утрачивает свою актуальность и не консолидирует общество, а внесение в него изменений табуируется идеологической догматикой.

Наш тезис сводится к тому, что в обоих предельных случаях базовые нормативы культуры перестают функционировать. Поэтому различные по содержанию идеологические доктрины, основанные на ценностных доминантах Future- или Retro-культур, ведущие общество к достижению того или иного предела адекватной реакции на происходящие изменения, в чистом виде в равной степени пагубны. В обоих предельных состояниях перестает функционировать регулятивный механизм культуры и любые управленческие решения, не обеспеченные террором и насильем, обществом не исполняются, поскольку теряют культурную ценность как разрешения имманентного противоречия между традицией и новацией.

Коллеги уже писали об этом [1] [8] [14], анализируя теорию самоописания семиотических систем Ю. М. Лотмана [18]. Дихотомия бинарных концептов («хорошо / плохо», «Future / Retro» и пр.), согласно теории выдающегося

советского семиотика, отражает бинарность культуры – фундаментальную характеристику культурной динамики в плане самоописания составляющих ее семиотических систем. Помимо бинарных существуют и тернарные соотношения базовых концептов [18, с. 261–262] (к примеру, когда верх и низ, право и лево определяются не посредством друг друга, а по отношению к середине – к некоторой медианте). Бинарные системы в историческом контексте, по мысли Ю. М. Лотмана, устойчивы. По мере приближения к пределу самоописания возрастает риск революционных смысловых сдвигов (к примеру, замены «хорошо» на «плохо») – риск семиотического «взрыва» [18, с. 257]. Динамику культуры составляют как раз сложные процессы самоописания семиотических систем, противопоставленные «взрыву». Культура противопоставлена Ю. М. Лотманом «взрыву», поскольку в условиях происходящих с нарастающей скоростью изменений взрывного характера перестают функционировать ее регулирующие функции. Изменения необходимы и неизбежны, поскольку обусловлены неотвратимым процессом расширения и пересечения (а в случае «взрыва» – столкновения) семиосфер различных культур.

Характеризуя русскую культуру как преимущественно бинарную, Ю. М. Лотман обратил внимание, что бинарную дихотомию «хорошо / плохо» существенно дополняет правовая медианта «законно», трансформируя со временем бинарную систему в тернарную. Краснодарские же коллеги приходят к выводу, что коль скоро возможен переход бинарной системы в тернарную, возможен и обратный переход [8, с. 187]. Из чего, на наш взгляд, следует вполне логичный вывод: нарастающая скорость изменений как следствие пересечения или столкновения семиотических систем в условиях интенсификации межкультурной коммуникации предвещает «взрыв» или характеризует саму волну «взрыва», сопровождающуюся серьезными социальными потрясениями, девальвирующую культурные основания и, соответственно, отрицающую эффективность любых управленческих решений, не обеспеченных принуждением.

На неизбежность конструктивной напряженности указывает и А. С. Ахиезер, обращая внимание не только на различия ведущих доктрин (в рамках Future замещается старое новым, а в Retro – новое старым), но и на качество изменений. По его мысли, простейшей реакцией на инновацию является инверсия концептов культуры, в то время как прогресс составляет медиация старого и нового [2, с. 69–70]. Соответственно, нет разницы, каков вектор инверсии (к старому или к новому), общество может оказаться в инверсионной ловушке постоянной пересборки базовых культурных концептов, не отличая старого от нового, в то время как более сложная логическая процедура медиации определяет место управляющего центра в сложной системе социальной коммуникации. Именно генерация ценностных медиант определяет продуктивность управляющего центра, способного консолидировать коллективные усилия общества по преодолению конструктивной напряженности между традицией и новацией.

Таким образом, нормативные функции культуры в условиях ускорения социального времени сохраняются до некоторого предела, который достигим, но не желателен в любой из модальностей цивилизационной доктрины (будь то Future или Retro). Для обеспечения же эффективности нормативных функций культуры необходимо не противопоставление бинарных модусов, а их медиация в рамках культурной политики. Это означает, что для региона, маркированного индикатором «Future», культурная политика должна быть направлена на пропаганду традиции, в то время как для региональной Retro-культуры необходима политика поддержки инноваций.

Системно-деятельностная теоретическая перспектива позволяет отнести научные представления к одной из форм социокультурной рефлексии.

По мнению С. Б. Синецкого, «одним из первых в новейшей истории обозначил феномен ускорения времени» Элвин Тоффлер [24, с. 9] в своем нашумевшем бестселлере 1970 г. «Шок будущего» [28]. Книга бывшего студента-радикала, сварщика и газетного репортера, разошедшаяся в первом же издании тиражом в 6 миллионов экземпляров, подго-

товленная к публикации не без участия супруги Элвина Хайди Тоффлер (не указана как соавтор, так же как и в последующих не менее известных его трудах¹), покорила умы современников, была неоднократно переиздана, в том числе и на многих языках. Базовый термин «футурошок» (*Future Shock*), означающий социально-психологическую реакцию, снижающую адаптивные способности общества вследствие критического объема и скорости происходящих изменений, Э. Тоффлером был введен в теоретический оборот пятью годами ранее в полемическом журнале об искусстве «Horizon» [63] и не вызвал столь бурной реакции.

Следует отметить некоторый скепсис академических кругов, прежде всего в США второй половины XX в., в отношении попыток независимых ученых обновить теоретико-терминологический инструментарий социально-гуманитарного знания нетривиальными концепциями и трактовками. Не только Э. Тоффлер, но и его старший современник канадский культуролог М. Маклюэн (прежде всего в своих первых футурологических манифестациях «Механическая невеста: Фольклор индустриального человека» (1951) [53], «Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего» (1962) [54], «Понимание медиа: Внешние расширения человека» (1964) [19] и др.) заговорили не с академиками на их сухом языке, а непосредственно с критически мыслящей аудиторией молодых интеллектуалов. С легкостью они вводят в теоретический оборот собственные термины и небесспорные метафоры, обосновывая вполне логичные последствия новой исследовательской оптики в качестве ее эвристического достоинства.

К примеру, П. С. Гуревич так комментирует первые впечатления от знакомства с работами Э. Тоффлера: «Когда в начале 70-х годов в наших журналах появились отдельные отрывки из книги Элвина Тоффлера “Шок будущего”, мы читали эти страницы как некий фантастический роман. <...> Книга Тоффлера – продукт яркого социального воображения. Хотя автор постоянно ссылается на научные публикации, статистику, бытовые примеры, его работа раскрывает во многом мир

фантазии, продуктивного заглядывания в будущее» [10, с. 4–5].

Настороженность академического сообщества относительно первых программных сочинений М. Маклюэна и Э. Тоффлера, принесших авторам широкую известность, объясняется отсутствием прямой связи их работ с доминирующими в западной науке того времени теоретическими представлениями и традициями. Смелая авторская интерпретация известных в сфере социально-гуманитарной науки теорий лишь с целью представить оригинальную авторскую теоретическую оптику (по существу деконструктивизм) в обоих случаях апеллирует не только к накопленному теоретическому опыту, но и полагает достигнутый теоретиками результат в перспективу будущего: дескать, смотрите, что можно увидеть в будущем, если настроить окуляры (способы интерпретации реальности) определенным образом. Авторы тем самым отказываются от самой возможности верификации и апробации достигнутого им результата, полагая такую возможность лишь в одном из вероятных вариантов будущего. Футурологические прогнозы в данном случае даже не самоцель, а предложенные для верификации критерии научности полученных результатов.

В отличие, например, от теоретически обоснованных прогнозных моделей Френсиса Фукуямы [32] или Гордона Мура [55], развивающих сложившиеся традиции, нашумевшие труды М. Маклюэна и Э. Тоффлера сами по себе не содержат достаточных теоретических оснований им доверять, в этом они ближе к художественной или общественно-политической рефлексии, нежели к теоретической. И в таком случае важнее популярность их книг, чем отложенный в перспективу эффект приращения научного знания, поскольку эта популярность свидетельствует об отрыве молодого поколения интеллектуалов (читателей) 1960–1970-х гг. от потерявшей в их среде актуальность теоретической традиции максимальной объективации, формализации и обезличивания научных представлений. Субъективная оценка настоящего и будущего становится важнее теоретического формализма. И со временем оказывается, что не имеет значения, был ли верен футурологический

¹ См. об этом [49] [60] – Прим. авт.

прогноз, повлияло ли его идеологическое содержание на трансформацию настоящего в предсказанное будущее. Хотя на деле имплицитно, а может и в результате рационального расчета, авторами был выбран оптимальный комплекс теоретических метафор, усиливший понятийно-терминологический аппарат так, что та или иная трактовка метафоры успешно характеризует наступившее будущее.

Обратим внимание, что и М. Маклюэн, и Э. Тоффлером удачно интерпретируется теория сжатия пространства-времени без прямой отсылки к не очень-то популярному до определенной поры в академических кругах Запада марксизму. Если М. Маклюэн акцентирует внимание на пространственных метаморфозах [19], то Э. Тоффлер – на темпоральных, хотя они диалектически взаимосвязаны как в физическом, так и в социальном смыслах. Именно концепция К. Маркса «аннигиляции пространства временем» (“annihilation of space by time”) [50, p. 539]¹ исторически впервые была положена в основание теоретической критики (1858–1859). В 1960–1970-е гг. отношение к марксизму в США меняется, особенно в среде радикальной студенческой молодежи. Укладывается в наметившийся «левый» тренд и разворот от функционализма к марксистской критике городской географии, заявленный в 1973 г. Дэвидом Харви [40]. Им же в 1990-х гг. развивается именно марксистская теория поглощения капиталом пространства и времени, в которой исследователь указывает на неизбежность ускорения течения социального времени как особой формы коммодификации и капитализации нематериальных ресурсов общества [41]. Сжатие социального времени, по его мысли, – естественное следствие усиления капиталистического гнета производственных сил и ресурсов, а асинхрония течения социального времени – наглядное проявление конкурентной борьбы транснационального капитала за тающие на глазах материальные и нематериальные ресурсы. Анализируя происходящие перемены в культуре второй половины XX в. в западных странах, Д. Харви отмечает,

что изменяется не экономическая структура или социально-политическое устройство, а качественная сфера эксплуатации человека: основные правила капиталистического накопления остаются неизменными, но они все глубже проникают в нематериальную сферу идей и идеологий, образа жизни и базовых ценностей, эксплуатируя интеллектуальную сферу воспроизводства культуры.

Среди схожих с Д. Харви взглядов на Западе следует отметить политэкономическую концепцию экологии культуры профессора Свободного университета Берлина Элмара Альтфатера [33] [34]. Он отмечает, что так называемый «свободный рынок» (капиталистический уклад) никогда в своей истории не был свободным, но в отличие от плановой социалистической экономики, в основе которой ученый усматривает рациональное отношение к материальным и нематериальным ресурсам, «свободный рынок» в своих глобальных амбициях экологически расточителен. Запад, по существу, живет в долг, перекладывая собственные обязательства перед быстро надвигающимся будущим на страны иного хозяйственного уклада, пользуясь провозглашенной мнимой свободой, а на деле безответственностью перед будущим в качестве конкурентного преимущества. Погоня за сохранением или накоплением этого конкурентного преимущества является причиной ускорения течения социального времени, сопровождающегося разграблением пространства. Аналогия глобальных амбиций Запада с «мыльным пузырем» финансовых пирамид Э. Альтфатера не выглядит метафорой, за ней стоят убедительные аргументы и расчеты. Одним из существенных аргументов является констатация неспособности западной так называемой «инновационной культуры» (Future-культуры) отказаться от разграбления будущего в угоду мнимых сиюминутных конкурентных преимуществ, которые моментально теряют ценность в условиях экологического кризиса, и неспособности этой самой культуры сформулировать конструктивную программу (план) его преодоления.

Из критики Д. Харви на Западе заслуживает внимания мнение британского специалиста в области культурной географии

¹ Российскому читателю работа К. Маркса известна больше в ее редакции Ф. Энгельсом (см. [21, с. 489–499]) – Прим. авт.

марксистско-феминистских убеждений Дорин Мэсси. Существенным выглядит ее тезис, что любые идеи об ускорении социального времени следует рассматривать в конкретных локальных социокультурных контекстах [51, р. 146–156]. Любые процессы, по ее мнению, нуждаются в социальной дифференциации: реакция людей на ускорение времени сложна и разнообразна, в то время как теория сжатия времени и пространства, по существу, укладывается в глобалистскую идеологию, преследующую цель стереть чувство локальности, замаскировать динамику культурного воспроизводства в «местах встречи»¹ безальтернативной доктриной.

Таким образом, наиболее систематически проблема ускорения течения социального времени в западной науке рассматривается и продолжает изучаться с марксистских и неомарксистских критических позиций [57] [58] [59]. Э.Тоффлера сложно считать одним из первых ее исследователей, учитывая маргинализированные на Западе труды марксистов и возрастающую там же во второй половине XX в. популярность неомарксизма. «Левый» крен социокультурной рефлексии на Западе во многом продиктован антиглобалистской повесткой и перманентной неуверенностью западной молодежи в своем завтрашнем дне. Достаточно упомянуть «Пятницы ради будущего», инициированные в 2018 г. шведской школьницей Гретой Тунберг, и ее эмоциональную речь с трибуны Генассамблеи ООН, разорванную на цитаты всеми мировыми СМИ: «Вы украли мои мечты и мое детство своими пустыми словами, и все же я одна из тех, кому еще повезло. <...> Мы находимся в начале массового вымирания, а все, о чем вы можете говорить, – это деньги и сказки о вечном экономическом росте. Как вы смеете!»² [9] Пафос

¹ Термин позаимствован Д.Мэсси из социологии и переосмыслен как географически определенное место, которое непосредственно участвует в воспроизводстве уникальной культурной идентичности и обладает именно в этой культуре статусом особой ценности (к примеру, мечеть для мусульман, православный храм для православных христиан, так же как определенный спортивный клуб для фанатов или Эверест для альпинистов) – *Прим. авт.*

² Перевод информационно-аналитического интернет-портала «МИР24» – *Прим. авт.*

Г.Тунберг опирается на тезис, что будущее принадлежит не сильному миру сего, а ей и ее сверстникам, но в отсутствии положительно-го образа этого будущего складывается впечатление, что оно украдено.

Удивительным образом, как только пафос этот был подхвачен медийными транснациональными корпорациями, он стал неотъемлемой частью глобальной повестки. Наблюдается в действии тезис М.Маклюэна, что средства передачи сообщения сами являются сообщением [19, с. 16]. Генассамблея ООН не стала «местом встречи», как и информационное пространство глобальных СМИ. По мысли Б.Латура и ряда сторонников акторно-сетевой теории, для того чтобы декларации или какие-либо иные провозглашенные нормативы возымели действие, необходимо их «приземление» [48] [62] – локализация норматива в живых практиках, которые, как мы уже отмечали, детерминированы базовым уровнем культурных норм. Соответствие нового норматива обязательно должно стремиться к тождеству с закрепленными в практиках традициями, но функционально определяться как конструктивная программа разрешения имманентного противоречия между традицией и новацией. Безальтернативный же пафос Г.Тунберг в отсутствие подобной программы легче интегрируется посредством инверсии в глобалистскую безальтернативную доктрину, преследующую целью стереть чувство локальности, чем в динамику культурного воспроизводства в «местах встречи», предполагающую медиацию новации со сложившимися представлениями.

Экологическая повестка, теряющая конструктивность в результате инверсии ее ценностных установок в глобальные доминанты, на вершине которых продолжает оставаться фетиш экономического роста, не единственная доктрина пересборки социальности на Западе [7] [52] [61]. В последние годы существенным образом переосмысливается и концепция технологического прогресса, обретшая форму сциентистской идеологии сингуляризма [39], которая в рамках трансгуманизма, деструкции не только гендерной, но и биологической идентичности челове-

ка предполагает достижение в ближайшей перспективе (2045) бессмертия [47, р. 136]. Концепция технологической сингулярности Р. Курцвейла строится на экспликации закона Г. Мура, на основе математической модели предсказавшего в 1965 г. экспоненциальный рост электроники [55], в область передовых конвергентных технологий [44] [45] [46] [47]. Несмотря на то, что и сам закон Г. Мура, по мнению ряда аналитиков, теряет актуальность [43] [64], и предложены существенные контраргументы курцвейловской логике ускорения развития технологий [13] [38] [42], включая сомнение в главной ее детерминанте – сильном искусственном интеллекте [22], обзоры специальной литературы [56] и расчеты экономических тенденций [35] в странах Запада демонстрируют достаточные основания для распространения массового сингуляризма в интеллектуальной среде. Остроту вопроса для западного общества артикулировал Такер Карлсон, интервьюируя не так давно А. Г. Дугина [37]. Известный консервативными взглядами философ указал, что за распространением сингуляризма усматривает очередную уловку либертарианства, схожую с симулякром, свидетельствующую, по его мнению, лишь об отсутствии конструктивной программы социокультурного развития.

Если рассматривать системно все эти повестки как формы социальной рефлексии в контексте теории конструктивной напряженности, то в них на самом деле нет ничего нового. В действительности не инновация берется на вооружение глобальной доктриной, а инверсия средневековых эсхатологических страхов. Западная цивилизация, потеряв связь с базовыми нормативами собственной же культуры, попала в инверсионную ловушку постоянной пересборки социальности: вместо конструктивной программы развития западной политической элитой нещадно эксплуатируется средневековый пережиток, который многократно тиражируется массовой «инновационной» культурой, уже не отличающей «старого» от «нового».

Вместо циклической циркуляции векторов регуляции и управления в символических пространствах базовых культурных норм, норм социокультурных практик и интерпре-

тационных норм управления (см. [25, с. 10]), Запад стремится сохранять свое доминирующее положение, в качестве конкурентного преимущества навязывая собственные интерпретационные нормы (по существу директивы) без учета сложившихся в различных культурно-географических локациях практик и определяющих их культурных норм [25, с. 11]. Не обеспеченная соответствием культурным практикам и базовым культурным нормам директива, как отмечено выше, не только не может быть исполнена без террора и насилия со стороны управляющего центра, но и разрушает веками создававшийся культурный базис. Отсюда и сопротивление Востока и Юга, обладающих богатейшими самобытными традициями, разрушающей их культуре вестернизации – экспансии однополярного мира.

Нормативные же функции российской культуры в условиях ускорения социального времени позволили сгенерировать новую медианту социокультурного развития. В рамках внутренней культурной госполитики она выражается в доктрине сохранения культурной самобытности регионов и расширении субъектности местной власти и общества в лице общественных организаций, бизнеса, творческой и научной интеллигенции. Самобытность общенациональной культуры России строится на сохранении и развитии культур населяющих ее регионы народов. Та же культурная медианта, основанная на признании ценности и уважении самобытности культуры любого народа, заложена в государственную доктрину международных отношений, артикулированную руководством страны в рамках концепции многополярного мира.

Российская культура переживала уже периоды существенного ускорения течения социального времени. Вслед за Европой, где в XIX в. социокультурная рефлексия выразилась, в том числе, в марксистской концепции аннигиляции пространства-времени, аналогичные проблемы попадают в художественную рефлексию русской классической литературы, где фундаментальные изменения, связанные с девальвацией традиционного механизма передачи культурного опыта

из поколения в поколение, становится одной из ведущих тем: «Отцы и дети» И. С. Тургенева (1861), «Война и мир» Л. Н. Толстого (1869), «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского (1880) и др. С ростом национального самосознания, интенсификации которого способствовали события Отечественной войны 1812 г. и победа русского духа над покрившими Европу идеалами Великой французской революции, чуткая к существенным изменениям в общественном сознании литература акцентирует внимание на том, что механизм накопления культурного опыта традиционной культуры, требующий для выработки общих ценностей и нормативов длительного исторического времени, жизни и смены нескольких поколений, перестает работать под влиянием ускорения интеграционных межкультурных процессов как по географической горизонтали (к примеру, Россия – Европа), так и по вертикали исторического времени. В орбиту художественной рефлексии русской литературы попадают как проблемы становления культуры личности («тварь ли я дрожащая или право имею...» у Ф. М. Достоевского), так и их масштабируемость на уровень межкультурных отношений («что русскому хорошо, то немцу – смерть» в осмыслении Н. С. Лескова). Перенос в художественное пространство сложных вопросов современности сходен с виртуализацией поиска их решений [3], с созданием в художественной жизни подобия лаборатории разработки гуманитарных технологий снижения и преодоления текущих и перспективных рисков и угроз, связанных с общественным развитием. Интенсивность и продуктивность художественной жизни во второй половине XIX в. подготовила Серебряный век русской культуры, преодолев риски ускорения социального времени.

Между тем попытка приостановить набранный к концу XIX в. темп социокультурных изменений в обществе возобладавшем реакционно-консервативным сознанием привела не к торможению развития, а к асинхронии течения социального времени в различных социальных слоях. Известное определение революционной ситуации В. И. Лениным (когда верхи не могут управлять, а низы не хо-

тят жить по-старому¹) уже на теоретической базе марксизма фиксирует рефлексии кризиса этой асинхронии. Попытка революционных преобразований политической системы привела лишь к «взрыву» базовых культурных смыслов, в условиях которого оказались тщетны законы и директивы, не подкрепленные террором и насилием.

* * *

Итак, в результате проведенного исследования можно сформулировать несколько выводов. Во-первых, нормативные функции культуры в условиях ускорения социального времени сохраняются до некоторого предела, который достижим, но не желателен в любой из модальностей цивилизационной доктрины (будь то Future или Retro). Для обеспечения эффективности нормативных функций культуры необходимо не противопоставление бинарных модусов, а их медиация в рамках культурной политики.

Во-вторых, наиболее систематически проблема ускорения течения социального времени рассматривается и продолжает изучаться с марксистских и неомарксистских критических позиций. Усиление же критических позиций системным подходом позволяет заключить, что нормативные функции культуры в условиях ускорения течения социального времени необходимо не только рационально эксплуатировать, но и наращивать, что по опыту второй половины XIX в. может обеспечить интенсификация художественной жизни при релевантной сложившейся ситуации проактивной культурной и просветительской политике. Этому способствует современная социокультурная ситуация, отличающаяся высоким темпом и масштабом происходящих изменений.

В-третьих, представляется, что в современных условиях полагаться исключительно на эксплуатацию уже накопленного культурой нормативного потенциала, равно и на то, что имманентный межпоколенческий механизм накопления нормативного потенциала традиционной культурой разрешит противоречия

¹ «Для революции недостаточно того, чтобы низы не хотели жить, как прежде. Для неё требуется ещё, чтобы верхи не могли хозяйничать и управлять, как прежде» [16, с. 300].

новой цифровой эпохи или перспективных изменений, – явно паразитарная недалёковидная позиция. Сегодня для разрешения текущих противоречий необходимо с опорой на нако-

пленный минувшими поколениями потенциал наращивание опыта реализации культурной политики, что обеспечит значительные инвестиции в перспективное будущее.

Vitaly S. SLEPOKUROV

Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof.,
Institute of Arts and Information Technologies, Moscow Branch,
Saint Petersburg University of Humanities and Social Sciences,
Mendeleevo, Moscow Oblast, Russian Federation
slepokurov.v@yandex.ru

Normative Functions of Culture in the Context of Social Time Acceleration

Abstract. The article is polemical in nature and is aimed at identifying the basic principles of ensuring the effectiveness of the normative functions of culture in the implementation of cultural policy in the context of the acceleration of the flow of social time. The materials are theoretical concepts related to predicting the acceleration of the flow of social time, and examples of a sociocultural reflection of this phenomenon in the sociopolitical discourse of the modern media space. The normative functions of culture are considered in two theoretical and methodological perspectives: structural-functional and system-activity, and are assessed, among other things, in the context of the dialogical theory of constructive tension by Alexander Akhiezer. The first theoretical perspective is aimed at clarifying the conditions under which this or that civilizational doctrine presupposes the cultural policy's maximum effectiveness. Its heuristic potential is revealed in the study by supplementing the dichotomous structural model of "Future- vs Retro-culture" proposed by the Russian cultural researcher Sergei Sinetsky. The second perspective aims to clarify the social causes of sociocultural reflection caused by the acceleration of social time and the rational theoretical foundations for its study. As a result of the study, several principles were formulated that ensure the effectiveness of the functioning of culture as a normative system in the context of the state cultural policy: (1) innovative Future-cultures or traditionalist Retro-cultures have objective limits of rational development, after crossing which the basic norms of culture cease to function; to ensure the effectiveness of the normative functions of culture, it is necessary not to oppose these binary modes, but rather to mediate them within the framework of cultural policy; (2) the normative functions of culture in the context of social time acceleration must be not only rationally exploited, but also increased, which can be facilitated by the intensification of artistic life with a relevant proactive cultural policy; (3) in modern conditions, it is impossible to rely solely on the exploitation of the normative potential already accumulated by culture, since the intergenerational mechanism of its accumulation by traditional culture will not resolve all the contradictions of the new digital era; therefore, it is necessary to build up experience in the implementation of cultural policy, which will ensure significant investments in a promising future.

Keywords: normative functions, social time acceleration, cultural norm, legal norm, sociocultural reflection, cultural policy, constructive tension.

Использованная литература:

1. Астафьева О. Н. Гуманитарный дискурс Ю. М. Лотмана: семиотическая интерпретация динамики культуры // Вопросы философии. 2023. № 6. С. 156–159.
2. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта: социокультурная динамика

References:

1. Astaf'eva, O.N. (2023) Gumanitarnyy diskurs Yu. M. Lotmana: semioticheskaya interpretatsiya dinamiki kul'tury [Humanitarian Discourse of Yu. M. Lotman: A Semiotic Interpretation of the Dynamics of Culture]. *Voprosy filosofii*. 6. pp. 156–159.

ка России. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. 804 с.

3. Бакуменко Г. В., Лугинина А. Г. Виртуализация социокультурного фронта «Tertius Romae» // Журнал фронтальных исследований. 2022. Т. 7, № 1 (25). С. 265–293. DOI 10.46539/jfs.v7i1.379.

4. Бакуменко Г. В. Междисциплинарный потенциал культурологической атрибуции // Культурология в теориях и практиках: к 30-летию кафедры культурологии Моск. пед. гос. ун-та: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 25–26 ноября 2021 г.) / ред. А. А. Шевцова, Е. М. Шемякина. М.: Моск. пед. гос. ун-т, 2022. С. 50–61.

5. Бакуменко Г. В. Метатеоретический аспект культурологии // Культурное наследие – от прошлого к будущему: программа и тезисы докладов: V Российский культурологический конгресс с междунар. участием (Санкт-Петербург, 8–10 ноября 2021 г.). М.: Ин-т Наследия, 2021. С. 39.

6. Бакуменко Г. В. Пределы культурной травмы в условиях COVID-19 // «Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 1–3 апреля 2021 г.) / ред. В. А. Веремченко. СПб.: Ленингр. гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2021. С. 61–66.

7. Балацкий Е. В. Глобальные вызовы четвертой промышленной революции // TerraEconomicus. 2019. Т. 17, № 2. С. 6–22. DOI 10.23683/2073-6606-2019-17-2-6-22.

8. Горлова И. И., Бакуменко Г. В., Коваленко Т. В. История как культурный текст: к вопросу о методе интерпретации символов успеха в культуре // Право и практика. 2017. № 1. С. 183–188.

9. Грета Тунберг – мессия «зеленых» или жертва пиара? [Электронный ресурс] // МИР24: информационно-аналитический интернет-портал. URL: <https://mir24.tv/articles/16379887/greta-tunberg-messiya-zelenyh-ili-zhertva-piara> (дата обращения: 14.08.2024).

10. Гуревич П. С. Бог поразительных преобразований // Тоффлер Э. Шок будущего / ред., вступит. ст. П. С. Гуревич. М.: АСТ, 2002. С. 3–14.

11. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина; ред. В. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.

12. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / пер. с франц. и послесл. Я. И. Свирского; ред. В. Ю. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 896 с.

13. Коротаев А. В. Новые технологии и сценарии будущего, или Сингулярность уже рядом? // История и синергетика: методология исследования / ред. С. Ю. Малков, А. В. Коротаев. М.: Либрокомм; URSS, 2010. С. 183–191.

14. Костина А. В., Флиер А. Я. Тернарная функциональная модель культуры (начало) // Культура культуры. 2024. № 1. С. 44–53.

15. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. И. Полонская. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2014. 384 с.

2. Akhiezer, A.S. (1997) *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta: sotsiokul'turnaya dinamika Rossii* [Russia: Critique of Historical Experience: Sociocultural Dynamics of Russia]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.

3. Bakumenko, G.V. & Luginina, A.G. (2022) Virtualization of the Socio-Cultural Frontier “Tertius Romae”. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy*. 7:1 (25). pp. 265–293. (In Russian). DOI: 10.46539/jfs.v7i1.379

4. Bakumenko, G.V. (2022) [Interdisciplinary Potential of Cultural Attribution]. *Kul'turologiya v teoriyakh i praktikakh: k 30-letiyu kafedry kul'turologii Mosk. ped. gos. un-ta* [Cultural Studies in Theories and Practices: On the 30th Anniversary of the Department of Cultural Studies of the Moscow Pedagogical State University]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 25–26 November 2021. Moscow: Moscow Pedagogical State University. pp. 50–61. (In Russian).

5. Bakumenko, G.V. (2021) [Metatheoretical Aspect of Cultural Studies]. *Kul'turnoe nasledie – ot proshlogo k budushchemu* [Cultural Heritage – From the Past to the Future]. Program and Abstracts of Reports of the V Russian Cultural Studies Congress With International Participation. St. Petersburg. 8–10 November 2021. Moscow: Heritage Institute. p. 39. (In Russian).

6. Bakumenko, G.V. (2021) [Limits of Cultural Trauma in the Context of COVID-19]. “Vyzov” v povsednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost’ [“Challenge” in Everyday Life of the Population of Russia: History and Modernity]. Proceedings of the International Conference. St. Petersburg. 1–3 April 2021. St. Petersburg: Leningrad State University Named After A.S. Pushkin. pp. 61–66. (In Russian).

7. Balatskiy, E.V. (2019) Global Challenges of the Fourth Industrial Revolution. *Terra Economicus*. 17 (2). pp. 6–22. (In Russian). DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-2-6-22

8. Gorlova, I.I., Bakumenko, G.V. & Kovalenko, T.V. (2017) Istoriya kak kul'turnyy tekst: k voprosu o metode interpretatsii simvolov uspekha v kul'ture [History as a Cultural Text: On the Method of Interpreting Symbols of Success in Culture]. *Pravo i praktika*. 1. pp. 183–188.

9. MIR24. (2024) *Greta Tunberg – messiya “zelenykh” ili zhertva piara?* [Greta Thunberg: The Messiah of the “Greens” or a PR Victim?]. [Online] Available from: <https://mir24.tv/articles/16379887/greta-tunberg-messiya-zelenyh-ili-zhertva-piara> (Accessed: 14.08.2024).

10. Gurevich, P.S. (2002) Bog porazitel'nykh preobrazheniy [God of Astonishing Transformations]. In: Toffler, A. *Shok budushchego* [Future Shock]. Translated From English. Moscow: AST. pp. 3–14.

11. Deleuze, G. & Guattari, F. (2007) *Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniya* [Anti-oedipus: Capitalism and Schizophrenia]. Translated From French by D. Kralechkin. Yekaterinburg: U-Faktoriya. 672 p.

12. Deleuze, G. & Guattari, F. (2010) *Tysyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya* [A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia]. Translated From French by Ya. I. Svirskiy. Yekaterinburg; Moscow: U-Faktoriya; Astrel'. 896 p.

13. Korotaev, A.V. (2010) Novye tekhnologii i stsensarii budushchego, ili Singulyarnost' uzhe ryadom? [New Technologies and Scenarios of the Future, or Is Singularity Already Near?]. In: Malkov, S.Yu. & Korotaev, A.V. (eds) *Istoriya i sinergetika: Metodologiya issledovaniya* [History and Synerget-

16. Ленин В. И. Маёвка революционного пролетариата // Полн. собр. соч. Т. 23. М.: Изд-во полит. лит., 1973. С. 296–305.
17. Лихачев Д. С. Экология культуры // Памятники Отечества: альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. 1980. № 2. С. 10–16.
18. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Прогресс; Гнозис, 1992. 271 с.
19. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Г. Николаева. М.: Кучково поле; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц, 2003. 462 с.
20. Малыгина И. В. Культурология «после глобализации»: время собирать камни // Культурное наследие – от прошлого к будущему: прогр. и тез. докл. V Российский культурологический конгресс с междунар. участием (Санкт-Петербург, 8–10 ноября 2021 г.). М.: Ин-т Наследия, 2021. С. 34–35.
21. Маркс К., Энгельс Ф. К критике политической экономии // Собр. соч. 2-е изд. Т. 13. М.: Политиздат, 1959. 771 с.
22. Пенроуз Р. Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики / пер. В. О. Малышенко. М.: URSS, 2022. 416 с.
23. Синецкий С. Б. Концепты «Retro» и «Future»: актуальные индикаторы типологизации регионов // Экономические, юридические и социокультурные аспекты развития регионов: сб. науч. тр. IX Междунар. конф. (Челябинск, 14 ноября 2014 г.) / ред. Л. В. Виницкий, Е. А. Захарова, С. Б. Синецкий [и др.]. Челябинск: Челябин. ин-т экономики и права им. М. В. Ладосина, 2014. С. 196–199.
24. Синецкий С. Б. Универсальные приоритеты и цивилизационные парадигмы культурной политики в XXI веке // Политика и культура: проблемы взаимодействия в современном мире: сб. ст. Будапешт: Selmechi Bt.; Киров: Радуга-ПРЕСС, 2019. С. 8–17.
25. Слепкоуров В. С. Геополитические вызовы и стратегическое целеполагание системы российского образования в сфере культуры // Культура и образование. 2023. № 3 (50). С. 5–14. DOI 10.2441/2310–1679–2023–350–5–14.
26. Степин В. С. Культура // Всемирная энциклопедия: Философия. М.: АСТ; Минск: Харвест, Современный литератор, 2001. С. 524–526.
27. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 г., утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.02.2016 № 326-р [Электронный ресурс] // Правительство Российской Федерации. URL: [http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVA\]noBuKgH0qEJA9IхP7f2xm.pdf](http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVA]noBuKgH0qEJA9IхP7f2xm.pdf) (дата обращения: 12.08.2024).
28. Тоффлер Э. Шок будущего / ред., вступ. ст. П. С. Гуревич; пер. с англ. Е. Руднева, К. Бурмистров, И. Москвина-Тарханова [и др.]. М.: АСТ, 2002. 560 с.
29. Флиер А. Я. Аналитический комментарий к нормативной теории культуры // Культура культуры. 2023. № 3. С. 12–19.
30. Флиер А. Я. Генерализация понятия культурной формы // Вопросы культурологии. 2018. № 10. С. 30–37.
- ics: Research Methodology]. Moscow: Librokomm; URSS. pp. 183–191.
14. Kostina, A.V. & Flier, A.Ya. (2024) Ternarnaya funktsional'naya model' kul'tury (nachalo) [Ternary Functional Model of Culture (Beginning)]. *Kul'tura kul'tury*. 1. pp. 44–53.
15. Latour, B. (2014) *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory]. Translated From French by I. Polonskaya. Moscow: HSE. 384 p.
16. Lenin, V.I. (1973) *Maevka revolyutsionnogo proletariata* [Mayovka of the Revolutionary Proletariat]. In: *Poln. sobr. soch.* [Complete Works]. Vol. 23. Moscow: Izd-vo polit. lit. pp. 296–305.
17. Likhachev, D.S. (1980) *Ekologiya kul'tury* [Ecology of Culture]. In: *Pamyatniki Otechestva: al'manakh Vserossiyskogo obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury* [Monuments of the Fatherland: Almanac of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments]. Vol. 2. pp. 10–16.
18. Lotman, Yu.M. (1992) *Kul'tura i vzryv* [Culture and Explosion]. Moscow: Progress; Gnozis. 271 p.
19. McLuhan, M. (2003) *Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: The Extensions of Man]. Translated From English by V.G. Nikolaev. Moscow; Zhukovskiy: KANON-press-Ts; Kuchkovo pole. 462 p.
20. Malygina, I.V. (2021) [Cultural Studies “After Globalization”: Time to Gather Stones]. *Kul'turnoe nasledie — ot proshlogo k budushchemu* [Cultural Heritage — From the Past to the Future]. Program and Abstracts of Reports of the V Russian Cultural Studies Congress With International Participation. St. Petersburg. 8–10 November 2021. Moscow: Heritage Institute. pp. 34–35. (In Russian).
21. Marx, K. & Engels, F. (1959) *K kritike politicheskoy ekonomii* [Towards a Critique of Political Economy]. In: *Sobr. soch.* [Collected Works]. Translated From German. 2nd ed. Vol. 13. Moscow: Politizdat. 771 p.
22. Penrose, R. (2022) *Novyy um korolya. O komp'yuterakh, myshlenii i zakonakh fiziki* [The Emperor's New Mind: Concerning Computers, Minds and the Laws of Physics]. Translated From English by V. O. Malyschenko. Moscow: URSS. 416 p.
23. Sinetskiy, S.B. (2014) [Concepts of “Retro” and “Future”: Current Indicators of Typology of Regions]. *Ekonomicheskie, yuridicheskie i sotsiokul'turnye aspekty razvitiya regionov* [Economic, Legal and Sociocultural Aspects of Regional Development]. Proceedings of the IX International Conference. Chelyabinsk. 14 November 2014. Chelyabinsk: Chelyabinsk Institute of Economics and Law Named After M. V. Ladoshin. pp. 196–199. (In Russian).
24. Sinetskiy, S.B. (2019) *Universal'nye prioritety i tsivilizatsionnye paradigmy kul'turnoy politiki v XXI veke* [Universal Priorities and Civilizational Paradigms of Cultural Policy in the 21st Century]. In: *Politika i kul'tura: problemy vzaimodeystviya v sovremennom mire: Sb. st.* [Politics and Culture: Problems of Interaction in the Modern World: Collection of Articles]. Budapest; Kirov: Selmechi Bt.; Raduga-PRESS. pp. 8–17.
25. Slepokurov, V.S. (2023) *Geopolitical Challenges and Strategic Goal Setting of the Russian Education System in*

31. Флиер А. Я. Культурная атрибуция как метод исследования // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 6 (68). С. 24–30.
32. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М. Б. Левина. М.: АСТ, 2007. 588 с.
33. Altvater E. Ecological and Economic Modalities of Time and Space // *Capitalism Nature Socialism*. 1989. Vol. 1, № 3. P. 59–70. DOI 10.1080/10455758909358384.
34. Altvater E. The Future of the Market: An Essay on the Regulation of Money and Nature after the Collapse of “Actually Existing Socialism” / Transl. P. Camiller. London: Verso, 1993. VI, 274 p.
35. Artificial Intelligence – Worldwide (n.d.) // Statista. URL: <https://www.statista.com/outlook/tmo/artificial-intelligence/worldwide> (Date of access: 21.04.2024).
36. Bakumenko G. V., Biryukov I. L., Scherbak N. F., Luginina A. G. Hierarchical Metamodel of Communication in the Experience of Resacralization of Spiritual Practics // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2023. Vol. 5, № 2. С. 15–45. DOI 10.46539/gmd.v5i2.298.
37. Carlson T. The Tucker Carlson Encounter: Aleksandr Dugin // TCN. 2024, April 29. URL: <https://tucker-carlson.com/the-tucker-carlson-encounter-aleksandr-dugin> (Date of access: 20.06.2024).
38. Davies P. When Computers Take Over // *Nature*. 2006. Vol. 440, № 7083. P. 421–422. DOI 10.1038/440421a.
39. Grossman L. 2045: The Year Man Becomes Immortal. We’re Fast Approaching the Moment When Humans and Machines Merge. Welcome to the Singularity Movement // *Time*. 2011. February 10. URL: <https://content.time.com/time/magazine/article/0,9171,2048299,00.html> (Date of access: 22.05.2024).
40. Harvey D. *Social Justice and the City*. Athens: University of Georgia Press, 2009. 368 p.
41. Harvey D. *The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. Chichester: Wiley-Blackwell, 1991. 392 p.
42. Korotayev A. The 21st Century Singularity and Its Big History Implications: A re-analysis // *Journal of Big History*. 2018. Vol. 2, № 3. P. 71–118. DOI 10.22339/jbh.v2i3.2329.
43. Kumar S. Fundamental limits to Moore’s Law // arXiv: Mesoscale and Nanoscale Physics. 2015. DOI 10.48550/arXiv.1511.05956.
44. Kurzweil R. *The Age of Intelligent Machines*. Cambridge: MIT Press, 1990. 580 p.
45. Kurzweil R. *The Age of Spiritual Machines: When Computers Exceed Human Intelligence*. London: Penguin Books, 2000. 388 p.
46. Kurzweil R. *The Law of Accelerating Returns* // *Alan Turing: Life and Legacy of a Great Thinker* / ed. C. Teuscher. s. l: Springer, 2004. P. 381–416. DOI 10.1007/978-3-662-05642-4_16.
47. Kurzweil R. *The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology*. New York: Viking Press, 2005. 672 p.
48. Latour B. Ecological Mutation and Christian Cosmology Critical Zones: A Lecture for the International Congress of the European Society for Catholic Theology (Osna-brück, August 2021) / transl. S. Ferguson // Bruno Latour, the Field of Culture. *Kul'tura i obrazovanie*. 3 (50). pp. 5–14. (In Russian). DOI: 10.2441/2310-1679-2023-350-5-14
26. Stepin, V.S. (2001) Kul'tura [Culture]. In: Gritsanov, A.A. (ed.) *Vsemirnaya entsiklopediya: Filosofiya* [World Encyclopedia: Philosophy]. Moscow: AST; Minsk: Kharvest, *Sovremennyy literator*. pp. 524–526.
27. Government of the Russian federation. (2016) *Strategy of State Cultural Policy for the Period up to 2030 Approved by Order of the Government of the Russian Federation Dated 29 February 2016 No. 326-R*. [Online] Available from: <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf> (Accessed: 12.08.2024). (In Russian).
28. Toffler, A. (2002) *Shok budushchego* [Future Shock]. Translated From English by E. Rudneva, K. Burmistrov, I. Moskvina-Tarkhanova [et al.]. Moscow: AST. 560 p.
29. Flier, A.Ya. (2023) *Analiticheskiy kommentariy k normativnoy teorii kul'tury* [Analytical Commentary on the Normative Theory of Culture]. *Kul'tura kul'tury*. 3. pp. 12–19.
30. Flier, A.Ya. (2018) *Generalizatsiya ponyatiya kul'turnoy formy* [Generalization of the Concept of Cultural Form]. *Voprosy kul'turologii*. 10. pp. 30–37.
31. Flier, A.Ya. (2015) *Kul'turnaya atributsiya kak metod issledovaniya* [Cultural Attribution as a Research Method]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 6 (68). pp. 24–30.
32. Fukuyama, F. (2007) *Konets istorii i posledniy chelevok* [The End of History and the Last Man]. Translated From English by M. B. Levin. Moscow: AST. 588 p.
33. Altvater, E. (1989) Ecological and Economic Modalities of Time and Space. *Capitalism Nature Socialism*. 1 (3). pp. 59–70. DOI: 10.1080/10455758909358384
34. Altvater, E. (1993) *The Future of the Market: An Essay on the Regulation of Money and Nature after the Collapse of “Actually Existing Socialism”*. Transl. By P. Camiller. London: Verso. 274 p.
35. Statista. (2024) *Artificial Intelligence — Worldwide*. [Online] Available from: <https://www.statista.com/outlook/tmo/artificial-intelligence/worldwide> (Accessed: 21.04.2024).
36. Bakumenko, G.V. et al. (2023) Hierarchical Metamodel of Communication in the Experience of Resacralization of Spiritual Practics. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 5 (2). pp. 15–45. DOI: 10.46539/gmd.v5i2.298
37. Carlson, T. (2024) *The Tucker Carlson Encounter: Aleksandr Dugin*. TCN. 29 April. [Online] Available from: <https://tucker-carlson.com/the-tucker-carlson-encounter-aleksandr-dugin> (Accessed: 20.06.2024)
38. Davies, P. (2006) When Computers Take Over. *Nature*. 440 (7083). pp. 421–422. DOI: 10.1038/440421a
39. Grossman, L. (2011) 2045: The Year Man Becomes Immortal. We’re Fast Approaching the Moment When Humans and Machines Merge. Welcome to the Singularity Movement. *Time*. 10 February. [Online] Available from: <https://content.time.com/time/magazine/article/0,9171,2048299,00.html> (Accessed: 22.05.2024).
40. Harvey, D. (2009) *Social Justice and the City*. Athens: University of Georgia Press. 368 p.

- 2011–2024. URL: <http://www.bruno-latour.fr/sites/default/files/177-OSNABRUCK-GB.pdf> (Date of access: 15.08.2024).
49. Lindsay G. Future Shock at 40: What the Tofflers Got Right (and Wrong) // *Fast*. 2010. 15 October. URL: <https://www.fastcompany.com/1695307/future-shock-40-what-tofflers-got-right-and-wrong> (Date of access: 09.08.2024).
50. Marx K. Grundrisse: Foundations of the Critique of Political Economy / transl. by M. Nicolaus. London: Penguin, 1993. 912 p.
51. Massey D. Space, Place, and Gender. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1994. 288 p.
52. Mazzucato M. The Value of Everything. New York: PublicAffairs Books, 2018. 384 p.
53. McLuhan M. The Gutenberg Galaxy: the Making of Typographic Man. Toronto: University of Toronto Press, 1962. 294 p.
54. McLuhan M. The Mechanical Bride: Folklore of Industrial Man. New York: The Vanguard Press, 1951. 464 p.
55. Moore G. E. Cramming More Components onto Integrated Circuits // *IEEE Solid-State Circuits Society Newsletter*. 2006. Vol. 11, № 3. P. 33–35. DOI 10.1109/N-SSC.2006.4785860.
56. Radanliev P, Roue D. De, Maple C., Santos O. Forecasts on Future Evolution of Artificial Intelligence and Intelligent Systems // *IEEE Access*. 2022. Vol. 10. P. 45280–45288. DOI 10.1109/ACCESS.2022.3169580.
57. Rosa H. Alienation and Acceleration. Towards a Critical Theory of Late-Modern Temporality. Natchitoches: NSU Press, 2010. 111 p.
58. Rosa H. Demokratie braucht Religion. Berlin: Kösel-Verlag, 2022. 80 s.
59. Rosa H. Unverfügbarkeit (Unruhe bewahren). Berlin: Residenz Verlag, 2018. 123 s.
60. Schneider K. Heidi Toffler, Unsung Force Behind Futurist Books, Dies at 89 // *The New York Times*, 2019. 12 February. URL: <https://www.nytimes.com/2019/02/12/obituaries/heidi-toffler-dead.html> (Date of access: 09.08.2024).
61. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. London: Penguin, 2017. 192 p.
62. The Science and Politics of Landing on Earth / eds. B. Latour, P. Weibel. Cambridge: MIT Press, 2020. 560 p.
63. Toffler A. The Future as a Way of Life // *Horizon magazine*. 1965. Vol. 7, № 3. P. 108–117.
64. Witkowski W. 'Moore's Law's dead,' Nvidia CEO Jensen Huang Says in Justifying GaSming-Card Price Hike // *MarketWatch*, 2022, September 22. URL: <https://www.marketwatch.com/story/moores-laws-dead-nvidia-ceo-jensen-says-in-justifying-gaming-card-price-hike-11663798618> (Date of access: 10.08.2024).
41. Harvey, D. (1991) *The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. Chichester: Wiley-Blackwell. 392 p.
42. Korotayev, A. (2018) The 21st Century Singularity and Its Big History Implications: A Re-Analysis. *Journal of Big History*. 2 (3). pp. 71–118. DOI: 10.22339/jbh.v2i3.2329
43. Kumar, S. (2015) *Fundamental limits to Moore's Law*. arXiv: Mesoscale and Nanoscale Physics. DOI: 10.48550/arXiv.1511.05956
44. Kurzweil, R. (1990) *The Age of Intelligent Machines*. Cambridge: MIT Press. 580 p.
45. Kurzweil, R. (2000) *The Age of Spiritual Machines: When Computers Exceed Human Intelligence*. London: Penguin Books. 388 p.
46. Kurzweil, R. (2004) The Law of Accelerating Returns. In: Teuscher, C. (ed.) *Alan Turing: Life and Legacy of a Great Thinker*. S.l.: Springer. pp. 381–416. DOI: 10.1007/978-3-662-05642-4_16
47. Kurzweil, R. (2005) *The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology*. New York: Viking Press. 672 p.
48. Latour, B. (2021) *Ecological Mutation and Christian Cosmology Critical Zones: A Lecture for the International Congress of the European Society for Catholic Theology* (Osnabrück, August 2021). Transl. by S. Ferguson. Bruno Latour, 2011–2024. [Online] Available from: <http://www.bruno-latour.fr/sites/default/files/177-OSNABRUCK-GB.pdf> (Accessed: 15.08.2024).
49. Lindsay, G. (2010) *Future Shock at 40: What the Tofflers Got Right (and Wrong)*. *Fast*. 15 October. [Online] Available from: <https://www.fastcompany.com/1695307/future-shock-40-what-tofflers-got-right-and-wrong> (Accessed: 09.08.2024).
50. Marx, K. (1993) *Grundrisse: Foundations of the Critique of Political Economy*. Transl. by M. Nicolaus. London: Penguin, 912 p.
51. Massey, D. (1994) *Space, Place, and Gender*. Minneapolis: University of Minnesota Press. 288 p.
52. Mazzucato, M. (2018) *The Value of Everything*. New York: PublicAffairs Books. 384 p.
53. McLuhan, M. (1962) *The Gutenberg Galaxy: the Making of Typographic Man*. Toronto: University of Toronto Press. 294 p.
54. McLuhan, M. (1951) *The Mechanical Bride: Folklore of Industrial Man*. New York: The Vanguard Press. 464 p.
55. Moore, G.E. (2006) Cramming More Components onto Integrated Circuits. *IEEE Solid-State Circuits Society Newsletter*. 11 (3). pp. 33–35. DOI: 10.1109/N-SSC.2006.4785860
56. Radanliev, P. et al. (2022) Forecasts on Future Evolution of Artificial Intelligence and Intelligent Systems. *IEEE Access*. 10. pp. 45280–45288. DOI: 10.1109/ACCESS.2022.3169580
57. Rosa, H. (2010) *Alienation and Acceleration. Towards a Critical Theory of Late-Modern Temporality*. Natchitoches: NSU Press. 111 p.
58. Rosa, H. (2022) *Demokratie braucht Religion*. Berlin: Kösel-Verlag. 80 S.
59. Rosa, H. (2018) *Unverfügbarkeit (Unruhe bewahren)*. Berlin: Residenz Verlag. 123 S.

60. Schneider, K. (2019) Heidi Toffler, Unsung Force Behind Futurist Books, Dies at 89. *The New York Times*. 12 February. [Online] Available from: <https://www.nytimes.com/2019/02/12/obituaries/heidi-toffler-dead.html> (Accessed: 09.08.2024).

61. Schwab, K. (2017) *The Fourth Industrial Revolution*. London: Penguin. 192 p.

62. Latour, B. & Weibel, P. (eds) (2020) *The Science and Politics of Landing on Earth*. Cambridge: MIT Press. 560 p.

63. Toffler, A. (1965) The Future as a Way of Life. *Horizon Magazine*. 7 (3). pp. 108–117.

64. Witkowski, W. (2022) 'Moore's Law's dead,' Nvidia CEO Jensen Huang Says in Justifying GaSming-Card Price Hike. MarketWatch. 22 September. [Online] Available from: <https://www.marketwatch.com/story/moores-laws-dead-nvidia-ceo-jensen-says-in-justifying-gaming-card-price-hike-11663798618> (Accessed: 10.08.2024).

Полная библиографическая ссылка на статью:

Слепокуров, В. С. Нормативные функции культуры в условиях ускорения социального времени / В. С. Слепокуров. – Текст : электронный. – DOI 10.36343/SB.2024.39.3.005 // Наследие веков. – 2024. – № 3. – С. 76–91. – URL: http://heritage-magazine.com/index.php/HC/article/view/___/___ (дата обращения: ДД.ММ.ГГГГ).

Full bibliographic reference to the article:

Slepokurov, V.S. (2024) Normative Functions of Culture in the Context of Social Time Acceleration. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 76–91. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2024.39.3.005.

МИР ИСКУССТВА: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ

THE WORLD OF ART: HISTORY, THEORY, METHODOLOGY

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

FULL ARTICLE

БЫКОВА **Елизавета Владимировна**

Санкт-Петербургская государственная консерватория
имени Н. А. Римского-Корсакова,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
bykovaveta@yandex.ru

ВАК: 5.10.1.

DOI: 10.36343/SB.2024.39.1.006

Анна Ахматова и Марина Цветаева. Музыкальные диалоги и диссонансы

Исследование направлено на определение характерного контраста в использовании музыкальных мотивов в лирических текстах А. А. Ахматовой и М. И. Цветаевой. Материалами при этом послужили биографические данные, письма, лирика и проза. Автор полагает, что творчество поэтов можно проанализировать с помощью характеристик различных музыкальных жанров и форм, позволяющих выявить особенности поэтического высказывания. У М. И. Цветаевой это – особая артикуляция, чеканность, по словам А. Белого, «непобедимые ритмы», обособленные паузами делимые фразы. Для М. И. Цветаевой музыка – импульс, который она передает читателю. А. А. Ахматова использует искусство интонации иначе: ее медленная речь представляет собой динамически устойчивые фразы, чаще всего стабильные и неделимые. Автор исследования приходит к выводу о том, что А. А. Ахматова обращается к музыке как к высшему духу, музе, подруге. Это контрастирует с плакатной цветаевской речью, в которой музыка только яркий фрагмент чувственной мозаики мира.

Ключевые слова: Серебряный век, А. А. Ахматова, М. И. Цветаева, авторская картина мира, поэтика художественного произведения, лирический герой, система мотивов, музыкальные образы.

Изучение биографии и творчества отечественных авторов формирует более ясное представление об эпохе, к которой они принадлежали, и историко-литературном процессе в целом. В связи с возрастающей популярностью идеи синтеза искусств в контексте художественного образования XXI в. перспективным направлением культурологических исследований видится поиск общих художественных механизмов внутри разных видов искусства.

Возможно ли сравнивать музыкальные образы в поэтическом тексте? Применимо ли к искусству выразительного слова оценочное суждение? Подчеркивая, что лирический герой (субъект чувств, эмоций, высказывания в лирическом произведении) нередко также является объектом высказывания, автор статьи предпринимает попытку сопоставить музыкальные темы в лирических текстах А. А. Ахматовой и М. И. Цветаевой как части двух разных индивидуальных авторских вариантов картины мира, представляющих тем не менее одну временную линию русской культуры – Серебряный век.

Примеры естественного взаимопроникновения слова и музыки, образцы их соподчинения открывают для музыкантов-практиков, исследователей музыки и литературы новое пространство для созидательного поиска. В частности, такой подход позволяет более глубоко рассмотреть творческие параллели и диссонансы.

Тема музыки в стихах А. А. Ахматовой и М. И. Цветаевой рассматривалась в ряде работ. Так, комплексное исследование было предпринято Б. А. Кацем и Р. Д. Тименчиком в книге «Анна Ахматова и музыка: исследовательские очерки» [14]. Б. А. Кац в предисловии подчеркнул, что ключевыми темами, определившими направления научного поиска, были: «музыка в жизни поэта», «музыка в творчестве поэта», «преломление творчества поэта в музыкальном искусстве» [14, с. 5]. Именно такой подход к изучению связи музыки и слова в жизни и творчестве поэта позволяет со-

временному исследователю провести параллели с другими, не менее важными именами и произведениями эпохи. Я. М. Платек в статье «Подслушать у музыки» [19] проанализировал биографические факты, рассматривая стихотворения А. А. Ахматовой через ее поэтические высказывания о музыке. К. Эванс-Ромэйн в исследовании «Марина Цветаева и музыка» [28] подробно изучила историю формирования музыкального мышления М. И. Цветаевой. Г. П. Михайлова в статье «Смысловые контексты музыкального звучания: по следам одной из записей Анны Ахматовой» [15] предложила рассматривать музыку в стихах А. А. Ахматовой в рамках теории музыкальной риторики. Определенное значение имеют также работы А. Н. Ситаловой [21], Т. В. Горбуновой [9], Л. В. Шкиртель [26], посвященные музыковедческому анализу произведений, написанных на стихи А. А. Ахматовой и М. И. Цветаевой. Понимание того, как преломляются различные музыкальные явления в поэзии, невозможно без учета теоретических основ поэтики, открывающих возможности образных миров, структуру мотивов художественных произведений, специфику лирического высказывания (категории «автор», «лирический герой» и проч.) (Л. Я. Гинзбург [8], С. Г. Бочаров [7]), трудов по ритмике и мелодике стиха (В. М. Жирмунский [12], Б. М. Эйхенбаум [27], Е. В. Невзглядова [16] и др.).

Целью данного исследования стало определение и сравнение роли музыки в жизни и творчестве А. А. Ахматовой и М. И. Цветаевой как критерия для выявления индивидуальных творческих приемов.

В качестве материалов были задействованы биографические данные – воспоминания, письма, а также лирика и проза разных лет. В исследовательских работах, результаты которых использованы для достижения целей исследования, достаточно подробно и тщательно проанализировано творчество каждого поэта. Основу методологии научных изысканий составили историко-биографический и герменевтический методы, а также неко-

торые элементы музыковедческого анализа. В первой половине XX в. поэтические пути А. А. Ахматовой и М. И. Цветаевой проходили почти параллельно. Такая единовременность позволяет также применить к анализу их творчества сцениграфический прием симультанности – одновременности совершенно разных событий, происходящих на полотне или на сцене.

В ходе исследования был проведен анализ одинаковых или близких по содержанию музыкальных образов в поэзии А. А. Ахматовой и М. И. Цветаевой. В лирике поэтов, безусловно, есть схожие мотивы, но при сравнении именно музыкальных образов читатель сталкивается с множеством контрастов. Выполненный в данной работе сравнительный анализ во многом определил как родство, так и поллярное несовпадение образной составляющей поэзии А. А. Ахматовой и М. И. Цветаевой.

Автор берет на себя смелость предположить, что уровень эмоционального воздействия музыкальной лирики А. А. Ахматовой и М. И. Цветаевой на читателя способен дать широкое представление о женской поэзии в эпоху расцвета духовной культуры и искусства Серебряного века. Художественный потенциал Золотого века, ключевые события отечественной истории, появление новых направлений, образов и приемов – все это усложнило образ лирической героини – пластичной и быстро меняющейся вместе с эпохой.

Молодость, прошедшая в начале XX столетия, столкновение с разрушением прежних устоев жизни, совершенно не схожий образ мыслей, но неутолимая потребность в слове объединили двух современниц, которые оставили исключительно масштабное литературное наследие.

Известно, что единственные две встречи выдающихся поэтов состоялись 7 и 8 июня 1941 г. Противоположные темпераменты не позволили А. А. Ахматовой и М. И. Цветаевой выстроить полноценный диалог. По свидетельствам современников, незаурядная личность каждой способствовала если не напряжению, то недостаточной открытости в общении. Меньше чем через три месяца закончилась жизнь М. И. Цветаевой. А. А. Ахматова пережи-

вет ее на 25 лет [6]. Яркие художественные высказывания каждой из них позволяют читателю самостоятельно достроить не оконченный в июне 1941 г. творческий диалог.

Артур Лурье, известный композитор и друг А. А. Ахматовой, упрекнул ее в том, что она относится к М. И. Цветаевой «как Шопен относился к Шуману» [цит. по: 2, с. 110]. Здесь интересны не столько отношения творческих личностей, а нечто гораздо большее – дискуссия о главенствующей роли названных композиторов эпохи романтизма. Естественная творческая самобытность каждого из этих гениальных музыкантов открывается в широкой исторической перспективе. Наследие Фредерика Шопена, представителя польско-французской школы, связано с совершенной интонационной системой, равновесием между классической логикой и личным интимным высказыванием. Во многом контрастна музыкальному языку Фредерика Шопена немецкая романтическая эстетика Роберта Шумана. Его музыка характеризуется острым психологизмом, ощущением свободы, предельной эмоциональностью и темпераментом. Таким образом, Артур Лурье, проведя удивительно глубокую по смыслу параллель, точно обозначил типологию «общности», которая стоит за сходствами и различиями творческих методов сравниваемых композиторов (и соответственно – методов двух поэтов, образов их лирических героинь).

Характеристики творчества А. А. Ахматовой и М. И. Цветаевой, действительно, во многом противоположны, и это особенно ярко проявляется в случае схожести мотивов, но несходства выразительных аспектов. Например, можно уловить и обозначить истоки возникновения интереса А. А. Ахматовой и М. И. Цветаевой к музыкальному искусству, проследив типичные образные контрасты в их лирических текстах.

Дети растут под влиянием семьи и окружающей среды. Сдержанность А. А. Ахматовой и противоположная ей импульсивность М. И. Цветаевой были частью незаурядного поэтического дара. Но именно семейное окружение заложило основы чувственного восприятия мира поэтов.

Мать Марины Цветаевой Мария Александровна Цветаева, урожденная Мейн, получила разностороннее домашнее образование, училась музыке и живописи. Она была одаренной пианисткой, мечтала выступить с концертами, однако отец запретил ей делать карьеру профессионального музыканта. Музыке, по свидетельству младшей дочери (Анастасии Цветаевой), Мария Александровна училась у Н. А. Муромцевой, любимой ученицы Н. Г. Рубинштейна [25]. Подробности музыкального взаимодействия со старшей дочерью мы знаем благодаря эссе М. И. Цветаевой «Мать и музыка» [22]. Первым словом маленькой Марины было слово «гамма». Она отмечает свою удивительно растяжимую руку и способность к нежному, одухотворенному туше – особому характеру прикосновения к инструменту, от которого зависит качество звучания фортепиано. Инструмент в их доме был святыней, но Марина долго не могла соотнести клавишу и ноту – «клавишу слышно, а ноту – нет» [22, с. 13], пока однажды не помогла фантазия: девочка увидела на нотной строке сидящих воробушков. Поняв, что ноты живут на ветках, улетают и возвращаются, она все-таки усвоила грамоту. Именно эта привязанность к подвижному образу делает из несостоявшейся пианистки мастера живого слова.

В своем эссе М. И. Цветаева дает поэтическую характеристику всему, что было связано со «священной музыкой», – клавишам, хроматической гамме, бемолям, бекарам, скрипичному и басовому ключам. Профессиональная музыкальная карьера не являлась ее целью, скорее, было обостренное ощущение самого естества музыки, механизма превращения звуков в мелодию. Марине льстила возможность управлять музыкальными фразами, способность чувствовать почти химический состав нот на клавиатуре – так подробно было изучено царство рояля. Она занималась честные два часа утром и вечером, но делала это исключительно для матери.

Сравнивая генетический дар Марии Мейн и свой, она подчеркнет, что в ней течет также отцовская кровь – разумная, филологическая, явно чуждая материнской – стихийной и музыкальной. Это сочетание природного

родительского наследия – живая преемственность классического художественного чутья отца и материнская музыкальная настойчивость – помогло юной Марине определить свой путь к соединению *ratio et emotio*, рационального и эмоционального: «После такой матери мне оставалось только одно: стать поэтом. Чтобы избыть ее дар...» [22, с. 14]. Музыка вошла в поэзию М. И. Цветаевой естественно, по наследству, во многом благодаря материнской привязанности к искусству игры на фортепиано. Мать заложила в дочери профессиональный музыкальный стержень.

По-другому складывалось знакомство с музыкой в детстве маленькой Анны Горенко. Из ее воспоминаний известно, что она росла вместе с музыкой: пела французские песни («Je suis un petite mousse...»), «Le Compagnon de la Marjo-laine»; у отца был абонемент в Мариинский театр, куда он брал дочь; они ездили слушать концерты в разрушенном сегодня музыкальном вокзале города Павловска. Ближайшая подруга детства Анны Горенко, Валерия Срезневская, занималась музыкой, а учительница музыки З. Н. Баженова была у этой подруги общая с царскосельским гимназистом, будущим мужем Анны Горенко – Николаем Гумилёвым [14]. Музыка была привычной частью светской жизни русской дворянской интеллигенции.

Воспитывала Анну и музыка динамичного города: «Это Петербург дотрамвайный, лошадиный, конный, коночный, грохочущий и скрежещущий, лодочный, завешанный с ног до головы вывесками, которые безжалостно скрывали архитектуру домов» [14]. Урбанистическая звуковая картина стала неотъемлемой частью городской лирики поэта.

В стихотворениях М. И. Цветаевой также есть место городу ее детства. Она бережно сохранила для читателей «домики старой Москвы», пережившие долгие годы и разные времена. Во многом именно городская среда – иногда живая, пластичная, а иногда монументальная и экспрессивная – определила историческую судьбу современной столицы и многих поколений ее жителей. Москва М. И. Цветаевой – широкое торжественное пространство, симфония колокольности. В ней мало мистики, она экстравертна, ее слово совпадает

с голосом поэта (лирической героини). Особое напряжение нередко создается благодаря звуковым впечатлениям, которые материализованы в различные образы и символы. Это великолепно показывает один из центральных звуковых образов в поэзии М. И. Цветаевой – звон колоколов.

*У меня в Москве – купола горят!
У меня в Москве – колокола звонят!
И гробницы в ряд у меня стоят, –
В них царицы спят, и цари.*

(1916) [23, с. 291]

Интересно заметить, что определяющим интонационным зерном этого стихотворения является пауза в конце каждой строфы. Эта конститутивная пауза, противоречащая естественной интонации устной речи, создает особую смысловую и ритмическую организацию стихотворения [16]. Прочитав в первом четверостишии словосочетание «колокола звонят», читатель неизбежно слышит колокольный ритм и в последующих строках.

Бунтарский дух, яркая декламационность изображают Москву, а за ней и всю Россию. Молитва здесь – не личное таинство, а экстатическое священное действие, прославление родной земли. Истоки такой молитвы можно найти в церковном гимническом пении.

*И не знаешь ты, что зарей в Кремле
Легче дышится – чем на всей земле!
И не знаешь ты, что зарей в Кремле
Я молюсь тебе – до зари!*

(1916) [23, с. 291]

Образ колокольного звона появляется не раз в стихотворениях революционного времени:

*Заблудился ты, кремлевский звон,
В этом ветреном лесу знамен.*

(1917) [23, с. 339]

Колокольный звон воспринимается как символ потерянной России и заблудившейся веры. В нем нет призывного набата, а, скорее, звук ветра, зловещего символа революции и гражданской войны. Такая семантика образа колокольного звона как предвестника или знака минувших событий – природных катаклизмов (бури, наводнения), нашествия врагов, опасности – уходит корнями в историю [17].

Колокольный звон – один из образных мотивов стихотворения «Облака – вокруг...». М. И. Цветаева через лирическую героиню передает дочери Ариадне любовь к Москве. Живая преемственность необходима творцу, изначально мыслящему свою поэзию молитвенным предстоянием, защищающим Россию, духовным служением сердцу родной земли – Москве. В этом стихотворении колокольный звон, напитанный вольным сном и ранними зорями, соответствует звучанию перебора. Перебор (он же «перезвон») – разновидность погребального звона, который совершается перед отпеванием и при выносе гроба из храма.

*Будет твой черед:
Тоже – дочери
Передашь Москву
С нежной горечью.
Мне же – вольный сон,*

колокольный звон,

*Зори ранние
На Ваганькове.*

(1916) [23, с. 268]

Особым религиозным чувством пронизано стихотворение А. А. Ахматовой «Песенка». Лаконичное, во многом наивное название в сочетании с ясной перекрестной рифмой подчеркивает народно-бытовое начало текста:

*Я на солнечном восходе
Про любовь пою,
На коленях в огороде
Лебеду пою.*

(1911) [3, с. 36]

Такие строки по вложенному в них смыслу можно сравнить с содержанием обрядовых или внеобрядовых причитаний. С одной стороны, это тяжелая работа, с другой – предчувствие горя, «голоса беды».

Характерные для причитания импровизационность и воссоздание картин живой действительности имеют характер эпического и/или, в нашем случае, лиро-эпического повествования. Лирическая героиня, поющая голосом самой А. А. Ахматовой, уже на раннем этапе творчества (стихотворение опубликовано в первом сборнике «Вечер» в 1912 г.) осознает свое особое поэтическое кредо – петь про любовь, выпалывая лишнее, чужое, второсте-

пенное («лебеду»), и слушая незримый голос – голос Бога, музыки или возлюбленного:

*Надо мною только небо,
А со мною голос твой.*

[3, с. 36]

Возвращаясь к теме колокольности, стоит отметить то, насколько органично образ колокола вписывается в любой пейзаж как объемное отражение живой акустической реальности. Так, в стихотворении А. А. Ахматовой «Первое возвращение» обобщен облик Царского села – гудки поездов Царскосельской железной дороги, звон колоколов собора святой великомученицы Екатерины. На фоне почти немой картины города, ожидающего катастрофы, торжественный голос колоколов выделяется почти ярким *sforzando* (музыкальное динамическое обозначение, предписывающее внезапный резкий акцент).

*На землю саван тягостный возложен,
Торжественно гудят колокола,
И снова дух смятен и потревожен
Истомной скукой Царского Села.*

(1910) [5, с. 69]

Тема колокольности и колокольного звона помогает увидеть следующее. Хотя музыкальные образы в составе поэтических текстов А. А. Ахматовой и М. И. Цветаевой передают несхожие, вплоть до полной противоположности, смыслы, есть и то, что в их творческом мышлении непреднамеренно, как бы неожиданно приходит к согласию.

Почему именно колокол служил таким мощным творческим импульсом для рассматриваемых поэтов? Сочетание в одном образе идолопоклонства и божественного голоса объясняет частый выбор колокола как движущей идеи стихотворения: древняя традиция колокольного звона несет в себе след языческих легенд, библейских «пророческих труб». Звуковое искусство всегда естественно взаимодействовало с мировой музыкальной культурой. Колокол на Руси искони был национальным символом.

Колокольный звон в стихах и личных записях А. А. Ахматовой знаменует не только формулу объединения народа, но и скорбь о расколе нации (аресты, репрессии и потери). 28 июля 1965 г. поэт пишет:

«Фантазия и fuga. Слушаю.
Боже мой... Сама Чакона!
Играет Игорь Безродный.
...но за ней не войдет человек...

Прелюдия и fuga (играет Л. Ройзман).

Вот он, колокольный звон из 17 века.

Как все близко! – (и страшно...).

Еще три дня июля, а потом траурный гость – август («столько праздников и смертей»), как траурный марш, который длится 30 дней. Все ушли под этот марш: Гумилев, Пунин, Томашевский, мой отец, Цветаева... Назначал себя и Пастернак, но этого любимца богов увел с собою, уходя, неповторимый май 60 года, когда под больничным окном цвела сумасшедшая липа. И с тех пор минуло уже пять лет. Куда оно девается, ушедшее время? Где его обитель...» [13, с. 644].

Колокольный звон мощно и естественно перенесен в музыку русскими композиторами (М. И. Глинкой, Н. А. Римским-Корсаковым, П. И. Чайковским, С. В. Рахманиновым и др.) как выражение широкого духовного пространства, где человек с его верой в вечное не отделим от природы.

Такой пример использования мотива можно встретить в стихотворении А. А. Ахматовой «Вечерний звон у стен монастыря». Благовест – разновидность колокольного звона, совершаемого для призыва паствы на церковную службу, поэт упоминает его как необъяснимую силу природы, которая способна разбудить человека:

*Вечерний звон у стен монастыря,
Как некий благовест самой природы...
И бледный лик в померкнувшие воды
Склоняет сизокрылая заря.*

(1914) [5, с. 511]

По ритмике это стихотворение является примером того, как текст при произнесении не делится на строки. Чтец не делает паузы, и строфа воспринимается цельно. Динамически устойчивые фразы без полярного сопоставления *forte* (громко) и *piano* (тихо) – один из преобладающих интонационных признаков поэзии А. А. Ахматовой.

Колокольность в системе мотивов и образов М. И. Цветаевой не только атрибут звукового облика города. В этом художественном мире узловые понятия обретают черты са-

мого поэта, склонного к максимализму. Предельную смелость лирической героини можно соотнести с колоссальным звучанием колокола – пронзительным голосом, охватывающим огромные пространства. М. И. Цветаева страстно желала, чтобы ее услышали. Лирическая героиня посвященного А. А. Ахматовой стихотворения «О, муза плача, прекраснейшая из муз!..» самоотверженно дарит равной по творчеству (как дарила и Осипу Мандельштаму) свой город «и сердце свое в придачу»:

*В невучем граде моем купола горят,
И Спаса светлого славит слепец
бродячий...
— И я дарю тебе свой колокольный град
— Ахматова! – и сердце свое в придачу.*
(1916) [23, с. 303]

В стихотворении «Над церквочкой – голубые облака...» М. И. Цветаева упоминает про песни, точнее про их отсутствие, на улицах занятой революционными войсками Москвы:

*Над церквочкой – голубые облака,
Крик вороний...
И проходят – цвета пепла и песка –
Революционные войска.
Ох ты барская, ты царская моя тоска!
Нету лиц у них и нет имен, –
Песен нету!
Заблудился ты, кремлевский звон,
В этом ветреном лесу знамен.
Помолись, Москва, ложись, Москва, на
вечный сон!
Нету лиц у них и нет имен, – песен нету!*
(1917) [23, с. 339]

Акцентируя внимание на однотонности (цвет пепла и песка), М. И. Цветаева как антитезу песенности колоколов приводит вороний крик над куполами церквей. Песня в русской культуре – это врожденный генетический код, источник живого, честного слова и естественной эмоции. Не случайно А. М. Горький писал о том, что русская песня – русская история [10]. Способность петь – альтернатива молчанию и неподвижности, залог активного действия, непримиримое, настойчивое высказывание самой жизни.

Именно такое ощущение песни, ее преобразенный революцией вариант, находим в тексте М. И. Цветаевой «Моя песня и я» (перевод с иврита стихотворения неизвестного

автора). В нем иная песня – бравая, революционная, направленная в массы, призывающая к отказу от личного и принятию общественного. Она не обладает яркой индивидуальностью, становится верным товарищем на шествии и призывает к единению:

*О песнь моя, зовущая на бой!
Багряная, как зарево пожарищ!
На каждой демонстрации с тобой
Шагаю – как с товарищем товарищ...
(1941?) [24, с. 483–484]*

В следующих строках автор, анализируя феномен песни, говорит о ее судьбоносной роли в социуме: народное искусство способно не только реагировать на события постфактум, но и предчувствовать грядущее:

*Я рядовым пришел под красный флаг
За песней, что меня опередила.*
[24, с. 484]

Пение и песенность у А. А. Ахматовой представлены в совершенно другом контексте. В ее подходе к теме поэта и поэзии, как и в стихотворении «Песенка», «пение» становится синонимом «письма», и вместе с ним, – неизбежно тяжким и извилистым путем всей жизни. Одним из примеров тому может быть стихотворение «Помолись о нищей»:

*В этой жизни я немного видела,
Только пела и ждала.*
(1912) [5, с. 102]

«Трагизм и скрытое тайное величие своих стихов Ахматова, вероятно, чувствовала сама. Оттого она и “подвывала”, читая их, что хотела сказать больше текста, – и только иногда, поняв невозможность этого, переходила на речь подчеркнута сухую и трезвую, будто махнув рукой», – пишет Г. Адамович [1, с. 21].

А. А. Ахматова использует глагол «петь» в стихотворении-посвящении Ф. К. Сологубу как определение тонкого поэтического дара, которому подчинена вся жизнь художника:

*Твоя свирель над тихим миром пела,
И голос смерти тайно вторил ей,
А я, безвольная, томилась и пьянела
От сладостной жестокости твоей.*
(1912) [5, с. 20]

В 1940 г. Анна Ахматова написала стихотворение «Когда погребают эпоху...». В нем она, по существу, откликнулась на сказанное Мариной Цветаевой двадцатью тремя годами ранее

в упомянутом стихотворении «Над церковкой голубые облака...». После известия о капитуляции Франции перед нацистской Германией и о сдаче Парижа, А. А. Ахматова находит похожий образ тишины (беспесенности):

*Когда погребают эпоху,
Надгробный псалом не звучит*
(1940) [3, с. 204]

Эти два текста также близки по ритмической пульсации. Она заключена не в упорядоченном движении размера, а в ощущении ритмической регулярности. В стихотворении М. И. Цветаевой – это образ мерно идущих революционных войск, у А. А. Ахматовой – образ тишины, которая позволяет услышать ход времени.

Не только колокол и звуки церковных молитв-песнопений, но и широкий набор инструментов светской и церковной музыки представлен в стихах М. И. Цветаевой: скрипка, фортепиано, орган, барабан и т.д. Каждый музыкальный инструмент – самостоятельный голос, который то дополняет образ, то спорит с ним, обостряя сюжетную линию. Тембр скрипки в стихотворении «На концерте» обретает черты *lamento* (плач). Жалобный вздох подчеркивает интонации испуганного рыдания:

*Стон в аккордах – и вдруг оборвался
томительный плач...*
(1912) [23, с. 132]

Стихотворение «Анжелика» тоже одушевлено интонацией плача. Источник этого *lamento* орган, но здесь М. И. Цветаева предложила очень необычный образ: орган как традиционный символ могущества и силы предстает по-новому:

*Темной капеллы, где плачет орган,
Близости кроткого лика!..
Счастья земного мне чужд ураган:
Я – Анжелика.*
(1910) [23, с. 69]

Уходящая от земного счастья лирическая героиня растворяется «в стройности сводов»:

*Жизнью моей овладели, как сон,
Стройные своды.*
[23, с. 69]

Она уже не в миру и даже не под сенью внутреннего убранства собора, в котором звучит орган, тихое пенье и шепот молитв:

*Вот отчего я меж вами молчу:
Вся я – иная.*

[23, с. 69]

Музыка, проникнувшая в лабиринты ранних впечатлений М. И. Цветаевой, находит выход в стихотворении «Бабушке». Детское воспоминание не просто рисует ее парадный портрет, но и открывает пограничное сочетание черт – чуткости, необходимой для игры на музыкальном инструменте, и внешней подчеркнуто холодной сдержанности:

*Руки, которые в залах дворца
Вальсы Шопена играли...
По сторонам ледяного лица
Локоны, в виде спирали.*
(1914) [23, с. 215]

Упоминание о вальсах Ф. Шопена отсылает читателя к салонному музицированию как важной составляющей семейных традиций в императорской России, при этом становясь не только частью описания «юной бабушки», но и признаком характера лирической героини, гордо несущей неискоренимые родовые черты. М. И. Цветаева в письме А. А. Тесковой писала: «Пристрастие мое к Шопену объясняется моей польской кровью, воспоминаниями детства и любовью к нему Жорж Санд» [18].

Можно обратить внимание на то, что имя Фредерика Шопена в стихотворениях поэтов связано с жанрами музыкальных произведений: вальс («Бабушке» М. И. Цветаевой); полонез и похоронный марш «*Marche funebre*» («При музыке» и «Поэма без героя» А. А. Ахматовой). Одна из всего многообразия сочинений композитора выбрала изящный и пластичный лирический вальс; другая – торжественный танец-шествие и трагическую часть из Сонаты для фортепиано № 2 си-бемоль минор, ор. 35. Контраст ярко демонстрирует две совершенно отличных друг от друга авторских картины мира.

У М. И. Цветаевой ощущение музыки как неотъемлемого элемента стихосложения проводится через бытовую деталь и волей автора превращается в выразительный образ. У А. А. Ахматовой, напротив, обостренное переживание красоты мира передается с помощью необъяснимой силы – музыки:

*Опять приходит полонез Шопена.
О, Боже мой! – как много вееров,
И глаз потупленных, и нежных ртов,
Но как близка, как шелестит измена.
Тень музыки мелькнула по стене,
Но прозелени лунной не задела.
О, сколько раз вот здесь я холодела
И кто-то страшный мне кивал в окне.*
(1958) [4, с. 64]

*Не море ли?
Нет, это только хвоя
Могильная, и в накупанье пен
Все ближе, ближе...
Marche funebre...
Шопен...*
(1962) [5, с. 467]

Известно, что Ахматова хорошо ориентировалась в фортепианном репертуаре благодаря близкой дружбе с Артуром Лурье (1892–1966).

Артур Лурье – русско-американский композитор, критик, один из виднейших представителей музыкального футуризма и авангарда. Егороманс А. А. Ахматовой начался в 1913 г. В те годы А. С. Лурье был увлечен атональностью, четвертитоновостью, джазовыми ритмами. Чем была для них музыка? Она была связующим звеном, которое поднимало ахматовское слово на другой уровень [20]. А. С. Лурье писал: «Музыка. Служит ли она убежищем для духа? Священные напевы, их магия очаровывают зверей и оживляют камни. Но это не гуманизм. Что же это? Это космический закон, борющийся с хаосом, косностью, отсутствием духовности, с самодовольной пошлостью. Это новый орфизм – музыкальная религия» (цит. по [20, с. 204]). В гостиной дома Гумилёвых в Царском Селе Артур Сергеевич играл Анне Андреевне «Чакону» И. С. Баха, «Орфея» К. Монтеверди. Впоследствии «Чакона» стала в произведениях А. А. Ахматовой знаком тайного присутствия А. С. Лурье. Это музыкальное произведение пронзительно звучит в ее поэзии [11].

*Полно мне леденеть от страха,
Лучше кликну Чакону Баха,
А за ней войдет человек...
Он не станет мне милым мужем,
Но мы с ним такое заслужим,
Что смутится Двадцатый Век.*
(1940) [5, с. 469]

Музыка управляет человеческими судьбами: в этом глубинное и естественное принятие ее власти.

Если для М. И. Цветаевой музыка имеет функцию катализатора, усиливающего убедительность чувств и связь лирической героини с миром, то для А. А. Ахматовой музыка – неразлучность с самой жизнью, «собеседник», к которому можно воззвать из полного, даже запредельного одиночества. Это рельефно звучит в стихотворении, посвященном Д. Д. Шостаковичу:

*Она одна со мною говорит,
Когда другие подойти боятся.
Когда последний друг отвел глаза,
Она была со мной в моей могиле...*
(1958) [5, с. 284]

Музыка позволяет приблизиться к пониманию ранее недоступных истин. Она не порождает смутные, едва уловимые ощущения, а решительно направляет человека, диктует маршрут, по которому можно идти, не оглядываясь. Этот выбор ахматовской веры, ахматовской воли проистекает из тесного родства с музыкой как творческим даром, который будто бы вышел из тьмы веков, пророс из языческой силы, способной говорить с природой:

*Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,
Отыми и ребенка, и друга,
И таинственный песенный дар...*
(1915) [3, с. 99]

Итак, в переключках музыкальных тем и образов лирики А. А. Ахматовой и М. И. Цветаевой прослеживается своеобразный «диалог» двух творческих личностей, оченьразному позиционирующих себя в мире. Проанализированные стихотворения доказывают это.

Лирическая героиня Марины Цветаевой ощущает музыку как земную субстанцию и часть своей личности (детские воспоминания, нашедшие отражение в творчестве поэта; уроки музыки, которые давала ей мать, и пр.). Это – «непобедимые ритмы», особая артикуляция, чеканность, короткие, обособленные друг от друга паузами, делимые фразы. Для М. И. Цветаевой музыка – импульс, который она передает читателю.

Для Анны Ахматовой музыка не связана с профессиональным музицированием (Аня Горенко не получила специального музыкального образования). Для нее пение, колокола, звуки рояля и других инструментов – все это, наравне с мистической составляющей, является частью творческого дара. А. А. Ахматова владеет искусством интонации иначе: ее медленная ровная речь динамически устойчива и чаще всего неделима. Она пишет о музыке, потому что умеет говорить с ней напрямую, как с природой и Богом.

Звон колоколов у А. А. Ахматовой и М. И. Цветаевой – то гимнический, то протяжный, то похожий на обостренный тембр человеческого голоса – расширяет пространство восприятия и позволяет уловить незримые связи между миром познаваемого и трансцендентного. Колокольность для поэтов – самый близкий сердцу символ Родины. В этой

символике слиты ушедшая Россия и предвещая будущего.

В творчестве А. А. Ахматовой колокол воспринимается как фатум, переходящий из века в век образ предрешенности, судьбы. Прямое обращение поэта к музыке как к высшему духу, музе, подруге контрастирует с плакатной цветаевской речью, где музыка – только яркий фрагмент чувственной мозаики мира.

Для подтверждения данной гипотезы необходимы дополнительные исследования, которые расширят контекст рассмотрения заявленной темы. Многоаспектные работы о биографии и творчестве отечественных авторов призваны выявить не только отдельные грани российской культуры, но и масштаб отечественного наследия, открывающего новые пути взаимодействия различных видов искусства.

Elizaveta V. BYKOVA

Saint Petersburg State Conservatory named after N. A. Rimsky-Korsakov,
Saint Petersburg, Russian Federation
bykovaveta@yandex.ru

*Anna Akhmatova and Marina Tsvetaeva.
Musical Dialogues and Dissonances*

Abstract. The aim of the study is to determine the characteristic contrast in the use of musical motifs in the lyrical texts of Anna Akhmatova and Marina Tsvetaeva. The study was conducted on the basis of biographical information and poetic material with similar themes. The works of each poetess containing musical images, as well as facts testifying to their musical education and gradual introduction to the creative musical community, were analyzed separately. The comparison of biographical information, characteristic melody and musical images allows us to identify the features of poetic utterance using the characteristics of various musical genres and forms. The range of the main thematic aspects of the comparative analysis of Akhmatova's and Tsvetaeva's poetry includes several musical images, identical or similar in content: bell ringing, its figurative symbolism; songfulness, song, its role in Russian culture and society; piano and violin allusions. The poems of the poetesses directly related to music as such are analyzed, with special emphasis on references to Frederic Chopin's works found in their works. The qualitative characteristics of music that determine its significance for the creative worldviews of Akhmatova and Tsvetaeva are highlighted. The use of a comparative approach helped to draw attention not only to the intonational and musical contrast, but also allowed approaching the answer to a more complex question about the original individual creative thinking of the two main poetesses of Russian literature. The conducted analysis determined both the kinship and the polar discrepancy between the figurative component of Akhmatova's and Tsvetaeva's poetry. As a result of the work, the author comes to the conclusion that Akhmatova directly addresses music as a muse, a friend, a higher spirit. This contrasts with Tsvetaeva's poster speech, in which music is only a bright fragment of the sensual mosaic of the world. The central task in all the analyzed poems — awareness of the plot

and the problems embedded in it — is solved in different ways. For Marina Tsvetaeva, music is “invincible rhythms”, precision, articulation, short and divided phrases separated from each other by pauses; music is an impulse that she transmits to the reader. Akhmatova, on the other hand, demonstrates a different mastery of the art of intonation. Her slow, even speech consists of dynamically stable phrases, often inseparable and always stable.

Keywords: Silver Age, Anna Akhmatova, Marina Tsvetaeva, authorial picture of world, poetics of artistic work, lyrical hero, system of motifs, musical images.

Использованная литература:

1. Адамович Г. В. Анна Ахматова // Адамович Г. В. «Последние новости» (1934–1935) / Подг. текста, сост. и примеч. О. А. Коростелев. СПб.: Алетейя, 1996. С. 14–22.
2. Адамович Г. Мои встречи с Анной Ахматовой // Воздушные пути. 1967. № 5. С. 99–114.
3. Ахматова А. А. Сочинения: в 2 т. / Под общ. ред. Н. Н. Скатова. М.: Правда, 1990. Т. 1. 448 с.
4. Ахматова А. А. Сочинения: в 2 т. / Под общ. ред. Н. Н. Скатова. М.: Правда, 1990. Т. 2. 432 с.
5. Ахматова А. А. Стихотворения и поэмы. Л.: Лениздат, 1989. 606 с.
6. Белкина М. Встреча Цветаевой и Ахматовой [Электронный ресурс] // Омилия. Международный литературный клуб. URL: <https://omiliya.org/article/vstrecha-cvetaevoy-i-ahmatovoy-mariya-belkina> (дата обращения: 05.08.2024).
7. Бочаров С. Г. О художественных мирах. М.: Сов. Россия, 1985. 296 с.
8. Гинзбург Л. Я. О литературном герое. Л.: Сов. писатель, 1979. 221 с.
9. Горбунова Т. В. Особенности исполнения сюиты Д. Шостаковича «Шесть стихотворений Марины Цветаевой» // Вестник музыкальной науки. 2019. № 1 (23). С. 70–77.
10. Горький М. С Всероссийской выставки (Впечатления, наблюдения, наброски, сцены и т. д.) // Собр. соч. в 30 т. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1953. Т. 23: Статьи. 1895–1906. С. 213–254.
11. Грэм И. Орфический Реквием // Нева. 1996. № 3. С. 67–75.
12. Жирмунский В. М. Мелодика стиха // Мысль. 1922. № 5. С. 109–139.
13. Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / Сост. К. Н. Суворова. М.– Турин: Giulio Einaudi, 1966. 876 с.
14. Кац Б. А., Тименчик Р. Д. Анна Ахматова и музыка (исследовательские очерки). Л.: Советский композитор, 1989. 369 с.
15. Михайлова Г. П. Смысловые контексты музыкального звучания: по следам одной из записей Анны Ахматовой // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2017. Т. 2, № 4. С. 31–45.
16. Невзглядова Е. В. Интонационная теория стиха / 2-е изд., доп. М.–СПб.: Пальмира, 2024. 225 с.
17. Нуриева В. М. Аполлоническое и дионисийское в цикле М. Цветаевой «Стихи о Москве» // Вестник Уд-

References:

1. Adamovich, G.V. (1996) Anna Akhmatova. In: Adamovich, G.V. “*Poslednie novosti*” (1934–1935) [“Latest News” (1934–1935)]. St. Petersburg: Aleteyya. pp. 14–22.
2. Adamovich, G. (1967) *Moi vstrechi s Annoy Akhmatovoy* [My Meetings With Anna Akhmatova]. *Vozdushnye puti*. 5. pp. 99–114.
3. Akhmatova, A.A. (1990) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: In 2 Volumes]. Vol. 1. Moscow: Pravda. 448 p.
4. Akhmatova, A.A. (1990) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: In 2 Volumes]. Vol. 2. Moscow: Pravda. 432 p.
5. Akhmatova A.A. (1898) *Stikhotvoreniya i poemy* [Verses and Poems]. Leningrad: Lenizdat. 606 p.
6. Belkina, M. (2024) *Vstrecha Tsvetaevoy i Akhmatovoy* [Meeting of Tsvetaeva and Akhmatova]. *Omiliya: mezhdunarodnyy literaturnyy klub* [Omiliya: International Literary Club]. [Online] Available from: <https://omiliya.org/article/vstrecha-cvetaevoy-i-ahmatovoy-mariya-belkina> (Accessed: 05.08.2024).
7. Bocharov, S.G. (1985) *O khudozhestvennykh mirakh* [About Artistic Worlds]. Moscow: Sovetskaya Rossiya. 296 p.
8. Ginzburg, L.Ya. (1979) *O literaturnom geroe* [About the Literary Hero]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'. 221 p.
9. Gorbunova, T.V. (2019) *Osobennosti ispolneniya syuity D. Shostakovicha “Shest’ stikhotvoreniy Mariny Tsvetaevoy”* [Features of the Performance of D. Shostakovich’s Suite “Six Poems of Marina Tsvetaeva”]. *Vestnik muzykal’noy nauki*. 1 (23). pp. 70–77.
10. Gor’kiy, M.S. (1953) *Vserossiyskoy vystavki (Vpechatleniya, nablyudeniya, nabroski, stseny i t. d.)* [From the All-Russian Exhibition (Impressions, Observations, Sketches, Scenes, Etc.)]. In: *Sobr. soch.: v 30 t.* [Collected Works: In 30 Volumes]. Vol. 23. Moscow: Gos. izd-vo khudozhestvennoy literatury. pp. 213–254.
11. Graham, I. (1996) *Orficheskiy Rekviev* [An Orphic Requiem]. Translated from English. *Neva*. 3. pp. 67–75.
12. Zhirmunskiy, V.M. (1922) *Melodika stikha* [Melody of Verse]. *Mysl’*. 5. pp. 109–139.
13. Suvorova, K.N. (1966) *Zapisnye knizhki Anny Akhmatovoy (1958–1966)* [Notebooks of Anna Akhmatova (1958–1966)]. Moscow; Turin: Giulio Einaudi. 876 p.
14. Kats, B.A. & Timenchik, R.D. (1989) *Anna Akhmatova i muzyka (issledovatel’skie ocherki)* [Anna Akhmatova and Music (Research Essays)]. Leningrad: Sovetskiy kompozitor. 369 p.
15. Mikhaylova, G.P. (2017) *Smyslovye konteksty muzykal’nogo zvuchaniya: po sledam odnoy iz zapisey Anny Akhmatovoy* [Semantic Contexts of Musical Sound: In the Footsteps of One of Anna Akhmatova’s Recordings]. *Praktiki*

муртского университета. Сер. «История и филология». 2021. Т. 31, № 6. С. 1281–1288.

18. Письмо М. И. Цветаевой А. А. Тесковой, 26 октября 1925 г. // Цветаева М. И. Письма к Анне Тесковой. Иерусалим: Версты, 1982. С. 34.

19. Платек Я. Подслушать у музыки // Музыкальная жизнь. 1986. № 2. С. 15–17.

20. Рубинчик О. В поисках потерянного Орфея: композитор Артур Лурье // Звезда. 1997. № 10. С. 198–207.

21. Ситалова А. Н. Принципы работы со стихотворениями Анны Ахматовой в вокальных произведениях академической и массовой музыки // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. 2022. № 2 (64). С. 64–68.

22. Цветаева М. И. Мать и музыка // Собр. соч. в 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 5. С. 10–31.

23. Цветаева М. И. Собр. соч. в 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 1. 640 с.

24. Цветаева М. И. Собр. соч. в 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 2. 592 с.

25. Швейцер В. А. Быт и бытие Марины Цветаевой. Париж: Синтаксис, 1988. 572 с.

26. Шкиртиль Л. В. Приметы новой эпохи: «женский» вокальный цикл в период обновления отечественной музыки 1960–1970-х годов // Человек и культура. 2023. № 1. С. 24–32.

27. Эйхенбаум Б. М. Мелодика русского лирического стиха // Эйхенбаум Б. М. О поэзии. Л.: Советский писатель, 1969. С. 327–511.

28. Evans-Romaine K. Marina Cvetaeva and Music // Forrester S. A Companion to Marina Cvetaeva: Approaches to a Major Russian Poet. Boston: Brill, 2016. P. 130–163.

i interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovaniy. 2 (4). pp. 31–45.

16. Nevzglyadova, E.V. (2024) *Intonatsionnaya teoriya stikha* [Intonational Theory of Verse]. 2nd ed. Moscow; St. Petersburg: Pal'mira. 225 p.

17. Nurieva, V.M. (2021) Apollonicheskoe i dionisiyskoe v tsikle M. Tsvetaevoy "Stikhi o Moskve" [Apollonian and Dionysian in M. Tsvetaeva's Cycle "Verses About Moscow"]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. "Istoriya i filologiya"*. 31 (6). pp. 1281–1288.

18. Tsvetaeva, M.I. (1982) Pis'mo M. I. Tsvetaevoy A. A. Teskovoy, 26 oktyabrya 1925 g. [Letter From M.I. Tsvetaeva to A.A. Teskova, October 26, 1925]. In: Tsvetaeva, M.I. *Pis'ma k Anne Teskovoy* [Letters to Anna Teskova]. Ierusalim: Versty. p. 34.

19. Platek, Ya.M. (1986) Podslushat' u muzyki [Eavesdropping on Music]. *Muzykal'naya zhizn'*. 2. pp. 15–17.

20. Rubinchik, O. (1997) V poiskakh poteryannogo Orfeya: kompozitor Artur Lur'e [In Search of the Lost Orpheus: Composer Artur Lurye]. *Zvezda*. 10. pp. 198–207.

21. Sitalova, A.N. (2022) Printsipy raboty so stikhotvorenyami Anny Akhmatovoy v vokal'nykh proizvedeniyakh akademicheskoy i massovoy muzyki [Principles of Working With Poems by Anna Akhmatova in Vocal Works of Academic and Mass Music]. *Aktual'nye problemy vysshego muzykal'nogo obrazovaniya*. 2 (64). pp. 64–68.

22. Tsvetaeva, M.I. (1994) *Sobr. soch. v 7 t.* [Collected Works in 7 Volumes]. Vol. 1. Moscow: Ellis Lak. 640 p.

23. Tsvetaeva, M.I. (1994) *Sobr. soch. v 7 t.* [Collected Works in 7 Volumes]. Vol. 2. Moscow: Ellis Lak. 592 p.

24. Tsvetaeva, M.I. (1994) Mat' i muzyka [Mother and Music]. In: *Sobr. soch. v 7 t.* [Collected Works in 7 Volumes]. Vol. 5. Moscow: Ellis Lak. pp. 10–31.

25. Shveytser, V.A. (1988) *Byt i bytie Mariny Tsvetaevoy* [Everyday Life and Being of Marina Tsvetaeva]. Paris: Sintaksis. 572 p.

26. Shkirtil', L.V. (2023) Primety novoy epokhi: "zhenskiy" vokal'nyy tsikl v period obnovleniya otechestvennoy muzyki 1960–1970-kh godov [Signs of a New Era: "Female" Vocal Cycle During the Period of Renewal of Domestic Music in the 1960-1970s]. *Chelovek i kul'tura*. 1. pp. 24–32.

27. Eykhenbaum, B.M. (1969) Melodika russkogo liricheskogo stikha [Melody of Russian Lyric Verse]. In: Eykhenbaum, B.M. *O poezii* [About Poetry]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'. pp. 327–511.

28. Evans-Romaine, K. (2016) Marina Cvetaeva and Music. In: Forrester, S. *A Companion to Marina Cvetaeva: Approaches to a Major Russian Poet*. Boston: Brill. pp. 130–163.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Быкова, Е. В. Анна Ахматова и Марина Цветаева. Музыкальные диалоги и диссонансы / Е. В. Быкова. – Текст : электронный. – DOI 10.36343/SB.2024.39.1.006 // Наследие веков. – 2024. – №3. – С. 92–103. – URL: http://heritage-magazine.com/index.php/HC/article/view/___/___ (дата обращения: ДД.ММ.ГГГГ).

Full bibliographic reference to the article:

Bykova, E.V. (2024) Anna Akhmatova and Marina Tsvetaeva. Musical Dialogues and Dissonances. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 92–103. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2024.39.1.006

ЧЕЛОВЕК И ВРЕМЯ

MAN AND TIME

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

FULL ARTICLE

РАТУШНЯК Олег Валерьевич
доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений
Кубанского государственного университета,
Краснодар, Российская Федерация
oleg_ratushnyak@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9285-3649

ЕВДОШЕНКО Наталья Валерьевна
соискатель кафедры всеобщей истории и международных отношений
Кубанского государственного университета,
Краснодар, Российская Федерация
n.matinale@gmail.com

ВАК: 5.6.1.

DOI: 10.36343/SB.2024.39.3.007

Правовые основы создания и деятельности благотворительных организаций и обществ взаимопомощи русской эмиграции в Германии и Франции в 1919–1939 годах

Целью статьи является исследование исторического контекста и правовой базы создания и деятельности благотворительных организаций российской эмиграции в Германии и Франции 1919–1939 гг. Работа базируется на материалах, хранящихся в фондах Национального архива Франции и отечественных архивов (Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного архива литературы и искусства). Анализируются факторы, влиявшие на создание и деятельность русских благотворительных организаций за границей. Выявлено,

что законодательство в отношении иммигрантов было довольно либеральным в Германии до 1933 г., во Франции — до 1939 г. Изменения начались в Германии с приходом к власти нацистов, а во Франции — с началом Второй мировой войны. Они привели к тому, что благотворительные организации и общества российских эмигрантов в этих государствах постепенно стали приходить в упадок, самостоятельно прекращали свою деятельность либо были запрещены властями.

Ключевые слова: благотворительные организации, русское зарубежье, русская эмиграция, Франция, Германия.

В современном мире, который буквально пронизывают различные миграционные потоки и в котором динамичное развитие многих государств немыслимо без использования труда, навыков и опыта мигрантов, миграция порождает и многочисленные проблемы. Такие проблемы связаны не только с культурными отличиями и конфессиональной принадлежностью мигрантов, но и с вопросами материального и бытового характера. В значительной степени решение подобных вопросов лежит в сфере законодательства государства, принимающего мигрантов, и в организации взаимопомощи местными этническими общинами. Все это актуализирует исследование исторического опыта оформления правовых основ создания и деятельности благотворительных иммигрантских организаций и обществ. И в этом плане значительный материал для размышлений и выводов предоставляет анализ политики правительств ведущих европейских государств в отношении российских эмигрантов, а также создаваемых ими объединений и обществ взаимопомощи.

Многие европейские страны, начиная с 1919 г., приняли огромное количество беженцев из России, уехавших в большинстве своем вынужденно и срочно, спасаясь от последствий Октябрьского переворота и Гражданской войны. Вывезти и сохранить какую-то часть своих средств смогли лишь немногие из российских эмигрантов, остальные же были лишены привычных источников дохода и нуждались в помощи, в первую очередь материальной.

Не все страны-реципиенты наряду с предоставлением убежища могли оказывать на правительственном уровне материальную помощь. Этой проблемой были озабочены, прежде всего, международные гуманитарные

организации, такие как Верховный комиссариат по делам беженцев и Международный Красный Крест, а также сами эмигрантские сообщества. Внутри русской диаспоры стали появляться в большом количестве благотворительные организации и общества взаимной материальной поддержки, созданные в виде фондов, обществ, союзов, комитетов, комиссий и просто касс взаимопомощи. Цели у большинства из них были схожие — моральная и материальная поддержка соотечественников. Как правило, учредителями подобных организаций были люди, уже имевшие подобный опыт либо в России, либо в Европе, обладавшие необходимой энергией, энтузиазмом и движимые чувством сострадания. Для создания эмигрантской благотворительной организации необходимо было учитывать и соблюдать требования национального законодательства каждого государства, регламентирующие порядок учреждения и функционирования обществ.

Условия создания и существования таких благотворительных обществ не были одинаковыми в разных странах и зависели от правовых ограничений, а также от внешне- и внутривосточного контекста, которые менялись на протяжении двух межвоенных десятилетий истории так называемого «русского зарубежья». Особенно значительные изменения происходили во Франции и Германии, что, несомненно, влияло на деятельность благотворительных организаций в этих государствах.

К теме исследования деятельности благотворительных организаций русской диаспоры в межвоенный период неоднократно обращались многие отечественные и зарубежные ученые. Интересны и информативные работы, рассматривающие деятельность отдельных

надгосударственных гуманитарных организаций, таких как Российский Красный Крест [16] [30] и Земгор [28]. Общие вопросы, касающиеся способов организации помощи, проанализированы в нескольких публикациях З. С. Бочаровой [3] [4] [5]. Благотворительным и ветеранским организациям, объединениям и фондам русской эмиграции посвящена одна глава в сборнике, составленном И. В. Сабенниковой, В. Л. Гентшке и А. С. Ловцовым в форме материалов к справочнику [21]. Другие многочисленные работы, посвященные социальной адаптации российских эмигрантов в разных европейских странах и роли в этом процессе благотворительных организаций, рассматривают предмет изучения только с точки зрения результата их деятельности и влияния на жизнь эмигрантского сообщества. Наиболее близкой к теме представленного исследования является статья С. С. Ипполитова, в которой сделан акцент на проблемах легализации российских юридических лиц и коммерческих организаций в Германии [11]. Отметим также монографию К. Д. Котельникова, подготовленную на основе диссертационного исследования и посвященную механизмам и проблемам адаптации русских эмигрантов в Германии [14].

Анализ степени изученности исследуемой проблемы показывает, что работ, специально посвященных рассмотрению правовых основ создания и деятельности именно благотворительных организаций и обществ взаимопомощи русской эмиграции в Германии и Франции в 1919–1939 гг. нет. Настоящая статья призвана частично заполнить имеющуюся лакуну.

Целью данного исследования является анализ правовых основ создания и деятельности благотворительных обществ русской эмиграции в 1919–1939 гг. во Франции и Германии.

Исследование, представленное в настоящей статье, базируется на материалах фондов Национального архива Франции и отечественных архивов — Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ). Особый интерес представляют фонды Министерства общей полиции и Глав-

ного управления общественной безопасности Национального архива Франции, в которых содержится основной массив материалов, касающихся обществ и организаций, созданных российскими эмигрантами во Франции. В частности, анализ сведений о регистрации эмигрантских объединений местными префектурами полиции во Франции дает возможность получить сведения не только о существовании данных организаций, но и об их целях, а также роде занятий руководящих членов. Документы, позволяющие проанализировать положение российских эмигрантских объединений в Германии, содержатся в фондах Общества помощи русским гражданам в Берлине (ГАРФ) и Берлинского комитета помощи русским литераторам и ученым (РГАЛИ). Представление о положении казачьих объединений и обществ в эмиграции дают материалы фонда Канцелярии Донского атамана (ГАРФ).

Методология работы базируется на сравнительно-историческом, сравнительно-правовом и историко-системном методах исследования с использованием максимально полного корпуса источников по указанной теме. Сравнительно-правовой метод исследования позволил провести сравнительный анализ нормативно-правовых основ германского и французского законодательств в контексте их влияния на создание и развитие благотворительных организаций и обществ взаимопомощи русской эмиграции в данных государствах. Благодаря использованию сравнительно-исторического метода были выявлены этапы и закономерности развития русских эмигрантских благотворительных организаций. Применение историко-системного метода позволило не только проанализировать механизмы и принципы функционирования русских благотворительных обществ и объединений, но и выявить зависимость этого функционирования от исторических условий их существования.

Исследование заявленной темы включало в себя три основных этапа и направления. Во-первых, проанализированы правовые основы создания и деятельности русских благотворительных обществ, существовавших во Франции и Германии до 1917 г., так

как многие из них продолжили свою работу и после начала массовой эмиграции из России. Во-вторых, детально рассмотрены структура и механизмы функционирования объединений русских эмигрантов в период с 1917 по 1939 гг. При этом особый акцент был сделан на изменениях законодательства в отношении благотворительных организаций. В-третьих, проведен анализ происходивших в политической и, как следствие, в законодательной сфере Германии и Франции изменений и их влияния на деятельность русских благотворительных обществ в рассматриваемых государствах.

В статье впервые проведен сравнительный анализ создания и деятельности русских благотворительных обществ и объединений в Германии и Франции, в частности отмечены особенности благотворительных организаций казаков-эмигрантов, составляющих часть «русского зарубежья». Это определяет научную новизну исследования.

Научная значимость результатов проведенного исследования заключается не только в том, что оно восполняет лауну в российской историографии по заявленной проблеме, но и может явиться отправной точкой для дальнейшего изучения деятельности благотворительных организаций и обществ русской эмиграции в других государствах.

Российские благотворительные организации существовали в Европе еще до периода массового исхода беженцев «первой волны» эмиграции. Среди них в первую очередь отметим такие международные организации, как Российское отделение Красного Креста, которое к 1917 г. насчитывало пятидесятилетнюю историю [15], Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам и Всероссийский союз городов, созданные в 1914 г. с разницей в несколько месяцев. Во многих европейских странах действовали русские благотворительные организации местного масштаба, которые в большинстве своем были основаны во второй половине XIX в. Они оказывали помощь соотечественникам в пределах одной страны или города. Объединяет Францию и Германию то, что и в той, и в другой стране еще до событий 1917 г. существовала значительная русскоязычная диаспора,

сформировавшаяся на протяжении второй половины XIX — начала XX столетия.

В Германии долгое время существовала лишь конфессиональная благотворительность. В середине XIX в. к ней из-за бурного развития промышленности добавилась помощь, инициированная органами местного самоуправления, когда администрации отдельных городов и земель выделяли деньги на конкретные проекты помощи нуждающимся. В Германии считалось, что дело помощи каждому отдельному человеку — это дело гражданского общества (*Bürgerliche Gesellschaft*), где граждане могут объединяться в корпорации и различные членские организации, в то время как ответственность за общее благо всех — прерогатива государства [23]. Так, например, король Пруссии Фридрих Вильгельм в 1843 г. указом установил, что все прусские городские общины обязаны предоставлять помощь бедным. Одним из первых городов, в котором заработала система социальной помощи, был Эльберфельд (ныне часть города Вупперталь в земле Северная Рейн-Вестфалия, в XIX в. — центр текстильной промышленности), где совет общины принял постановление о создании совета по призрению бедных [18]. В последующие годы этот опыт перенимался другими городами и землями, а в 1880 г. была создан Германский союз по призрению бедных и благотворительности (*Deutscher Verein für Armenpflege und Wohltätigkeit*), объединивший местные организации и союзы. К концу XIX в. в Германии повсеместно стали создаваться женские общественные организации, подобные основанной в Берлине в 1893 г. «Группы девушек и женщин для социальной работы».

К началу XX в. в Германии благотворительность уже рассматривалась как социальный институт, и большое количество организаций объединял и координировал вышеупомянутый «Германский союз по призрению бедных и благотворительности», который затем была переименован в «Германскую ассоциацию общественного и негосударственного обеспечения» [19].

В Германии времен Веймарской Республики возможность создавать общественные союзы была установлена статьей 124 Конституции, принятой 31 июля 1919 г. Также про-

должал действовать принятый в 1896 г. Гражданский Кодекс (*Bürgerliches Gesetzbuch*), в котором в качестве юридических лиц были признаны ферейны (общества и союзы) с определенными правами и обязанностями их членов. Создание ферейнов могло преследовать цели хозяйственные (извлечение прибыли) и нехозяйственные (культурные, научные и другие). Для последних был установлен явочный (заявительный) порядок их образования. Общества могли быть закрыты органами государственной власти при угрозе «общественным интересам» [12, с. 662].

В 1922 г. был принят закон «Об общественном вспомоществовании молодежи», а в 1924 г. — «Об обязательном социальном обеспечении». Таким образом, государство становилось полноправным участником процесса оказания помощи малоимущим гражданам.

Германия привлекала русских еще до массовой эмиграции. В Берлине в 1890 г. было основано благотворительное Свято-Князь-Владимирское братство, существующее и по сей день. Оно помогало «бедствующим русским подданным всех христианских конфессий и людям православной веры всех наций» и вело деятельность на пожертвования и членские взносы [15]. Во время Первой мировой войны в 1916 г. был создан Комитет помощи русским гражданам в Берлине для поддержки подданных России, оказавшихся в Германии. Этот Комитет в 1920 г. был преобразован в «Общество помощи русским гражданам 1916 года» и продолжал свою работу до 1924 г. [7, л. 1–6].

В начале 1920-х гг. Германия стала одним из центров притяжения для русских эмигрантов из-за того, что «отсюда, казалось, было легче вернуться, и, прежде всего, здесь легче было жить, обвал немецкой марки позволял обладателям твердой валюты иметь при многократных обменах хорошую прибыль» [21, с. 8]. Но в то же время иностранцы были сильно ограничены в праве на работу. Так, по существующим в Германии законам, эмигранты, которые приехали в страну после 1913 г., не могли наниматься на сельскохозяйственные работы, а приехавшие после 1919 г. плюс к этому не допускались к работе на фабриках. Большинство российских эмигрантов при-

ехали в Германию после 1919 г., поэтому для них был «закрыт доступ к сельскохозяйственному и промышленному труду» [6, с. 4][ссылка]. Также на них не распространялись меры социальной поддержки, а ставка налога на жилые помещения, введенная в марте 1923 г., была выше в пять раз, чем у граждан республики. Пособие по безработице для беженцев, хоть и со значительными ограничениями, было введено лишь в 1927 г. [6, с. 4]. Лишенные права на работу, социальную поддержку и дипломатическую защиту российские эмигранты могли рассчитывать только на помощь со стороны благотворительных организаций, которых в стране было создано значительное количество [5, с. 370], большинство — в Берлине, где в 1921 г. их насчитывалось около шести десятков [33, р. 13] при численности русской берлинской диаспоры до ста тысяч человек [13, с. 377].

В начале 1920-х гг. на деятельность некоммерческих организаций в Германии сильно повлияла экономическая ситуация. В условиях гиперинфляции и ежедневного обесценивания немецкой марки весьма проблематичным было сохранять денежные средства. В финансовых отчетах русских эмигрантских обществ мы видим попытки руководителей обществ покупать твердую валюту — французские франки, английские фунты, чтобы сохранить хоть какие-то средства [20, л. 1–2]. Но такая тактика все равно не спасала основной объем денежных средств от обесценения.

С приходом к власти национал-социалистической партии в 1933 г. были изданы многочисленные указы и декреты, ограничивающие основные права и свободы. В частности, был принят указ рейхспрезидента Германской республики от 28 февраля 1933 г. «О защите народа и государства» (*«Verordnung des Reichspräsidenten zum Schutz von Volk und Staat»*) [32], которым отменялась в том числе вышеупомянутая статья 124 Веймарской Конституции о свободе организации союзов.

Еще одним негативным фактором для жизни русской диаспоры в Германии явился выход в 1934 г. страны из Лиги Наций, что означало для русских эмигрантов лишение юридической поддержки от представительства этой организации в виде Нансеновского офи-

са по делам беженцев, в том числе прекращение субсидирования из средств комитета эмигрантских благотворительных организаций, находящихся в Германии.

К уже перечисленным факторам, пагубно влиявшим на положение российских эмигрантов в Германии, с 1933 г. добавилось ограничение в правах и преследование лиц еврейской национальности. А поскольку во многих благотворительных организациях они составляли если не большинство, то значительную часть, эти организации были закрыты по решению властей. Совокупность всех перечисленных факторов привела к тому, что большинство российских эмигрантов предпочло к середине 1930-х гг. уехать из Германии и выбрать другую, более свободную и спокойную страну пребывания. Для значительного числа наших соотечественников такой страной стала Франция.

Во Франции еще в XIX в. в разное время существовало несколько русских благотворительных организаций. Одним из первых в ноябре 1877 г. по инициативе художника А. П. Боголюбова было создано Общество взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже [10]. В числе прочего это общество занималось оказанием денежной помощи русским художникам и их семьям в виде выдачи временных ссуд и пособий.

Самое крупное общество во Франции было создано в начале 1890-х гг. под покровительством российского посольства — Русское благотворительное общество в Париже, которое получало денежные средства от высокопоставленных чиновников российских представительств во Франции, от состоятельных семей, банков, а также от членов императорской семьи Николая II. Одним из первых, в 1891 г., существенный вклад в парижское общество в размере десяти тысяч франков внес банкирский дом Ротшильдов, а через несколько лет Альфонс Ротшильд сделал еще один взнос в размере 75 тысяч франков. Средства общества расходовались на помощь соотечественникам, которые испытывали временные трудности с оплатой лечения, учебы или реэмиграции [1]. Несколькими годами ранее, в 1885 г., в Ницце великой княгиней Ольгой Николаевной, королевой Вюртембергской

(дочерью императора Николая I) было основано такое же Русское благотворительное общество, которое позднее лично опекалось великой княгиней Марией Александровной, герцогиней Саксен-Кобург-Готской. Альфонс Ротшильд, распределяя наследство в 1902 г., обществу в Ницце выделил 30 тысяч франков [2]. Деятельность этих организаций была направлена на помощь находящимся за пределами Российской империи соотечественникам, которых только во Франции в конце XIX в. насчитывалось около 15 тысяч. Это были в основном аристократы, писатели, интеллектуалы [27, р. 30]. К 1908 г. численность русской диаспоры увеличилась во Франции до 25 тысяч человек в основном за счет политических эмигрантов [27, р. 30].

Таким образом, традиция создания филантропических обществ для помощи соотечественникам во Франции зародилась задолго до массовой эмиграции из России в начале 1920-х гг.

История взаимодействия государства и некоммерческих нерелигиозных организаций во Франции была непростой. Интересным фактом является, например, наличие статьи 291 в Уголовном кодексе 1810 г., в которой было установлено, что преследованию подвергаются ассоциации, состоящие более чем из 20 членов, при этом не имело значения, с какой целью они были созданы. Французы успешно избегали наказания по этой статье, собираясь в объединениях с разрешенным количеством участников, но с 1848 г. любые общества попадали под подозрение полиции как осуществляющие политическую деятельность вместо решения вопросов, связанных с благотворительностью. А во время Второй империи подобные организации были вообще запрещены.

Пришедшие к власти политические деятели в только что родившейся Третьей республике обещали принять закон о свободе ассоциаций, но не спешили выполнять обещание, боясь создания оппозиционных политических объединений. Вопрос часто дебатировался, решение в итоге было принято отнюдь не потому, что государство хотело предоставить гражданам свободу в деле благотворительности, а для того, чтобы нанести удар по оппози-

ции, которая в то время возглавлялась церковью и ее общинами, ведь именно церковь держала в своих руках всю благотворительную деятельность [31, р. 8–10].

Первым правовым актом, который положил начало регулированию в области социального страхования, стал закон от 1 апреля 1898 г. «Об обществах взаимного страхования» [29]. Согласно этому документу такие общества определялись как ассоциации, ставящие перед собою цели оказания финансовой помощи своим членам в случае болезни, инвалидности, помощи родственникам в случае смерти и помощи в виде пособий по безработице. Эти организации обязаны были гарантировать своим членам одинаковую помощь в аналогичных случаях. Для целей нашего исследования важным является положение статьи 3 раздела 1, где указывается, что общества взаимопомощи, созданные между иностранцами, имеют право существовать только на основании министерского постановления, которое может быть отозвано в любой момент.

Сопоставив положения закона и правила функционирования касс взаимопомощи, созданных при обществах взаимного страхования французами и, зачастую, при каком-либо профессиональном объединении российскими эмигрантами, мы можем констатировать, что эмигрантские кассы взаимопомощи не подпадали под действие вышеприведенного закона, поскольку не выполняли функцию страхования, не регистрировались в установленном порядке и не соблюдали все предписанные законом требования.

Основная часть благотворительных обществ и профессиональных союзов российской эмиграции действовала на основании «Закона об ассоциациях», принятого 1 июля 1901 г. [17]. Этот документ гарантировал право на свободу собраний и ассоциаций, предметом регулирования в нем были ассоциации, союзы, общества, не преследующие цели материальной выгоды и являющиеся политическими, благотворительными, культурными или научными.

Французский закон 1901 г. устанавливал три вида ассоциаций: 1) создающиеся без заявлений и уведомлений, просто по согласию учредителей, без подачи каких-либо докумен-

тов в органы власти, 2) обладающие юридической правомочностью и обязанные подавать заявление о создании в орган власти и 3) желающие иметь более широкие юридические права и являющиеся общественно-полезными (*d'utilité publique*). Ассоциациям с заявительным порядком регистрации необходимо было предоставить в орган местного управления — префектуру — устав и заявление, в документах «должны быть указаны название и задача ассоциации, место нахождения ее учреждений, а также имена, профессии и места жительства тех лиц, на которых, в каком-либо качестве, возлагается заведование или управление ассоциацией» [17 с. 273]. Ассоциации, признаваемые общественно-полезными, могли получать средства в виде дара или по завещанию, но не имели права владеть недвижимостью, кроме необходимой для осуществления уставной деятельности, все ценности их должны были быть размещены в именных бумагах. Юридическим отличием общественно-полезных организаций от второго типа ассоциаций была возможность отстаивать свои права в судебном порядке. Особый пункт закона (ст. 12) касался ассоциаций, «в составе которых большинство — иностранцы, а также те, в которых заведующими являются иностранцы» [17 с. 273]. Он содержал предупреждение, что такие ассоциации могут быть закрыты декретом президента республики при исходящей от них угрозе внутренней или внешней безопасности.

Таким образом, некоторые ассоциации могли создаваться без подачи уведомления в органы власти, а для других было необходимо зарегистрироваться как юридическое лицо в местной префектуре полиции того населенного пункта, в котором будет находиться руководящий орган создаваемой ассоциации. Отличие незарегистрированных ассоциаций от прошедших процедуру регистрации заключалось в том, что первые не обладали правоспособностью, то есть не могли заключать договоры, открывать банковский счет, нанимать персонал. Поэтому большинство все же предпочитало быть зарегистрированными [24].

Приход к власти в соседней Германии национал-социалистической партии в 1933 г. спровоцировал более пристальное внимание

государства к эмигрантским организациям и обществам во Франции. На каждую такую организацию префектурой полиции составлялись подробные отчеты [25], которые затем передавались в Министерство иностранных дел и местную администрацию.

Ввиду подозрения иностранных общественных организаций властями Франции в осуществлении деятельности, отличной от заявленной при регистрации, 12 апреля 1939 г. был издан Декрет, обязывающий все подобные организации, созданные по закону от 1 июля 1901 г., месячный срок с даты публикации декрета 16 апреля 1939 г. предоставить в префектуру полиции сведения об учредителях, месте нахождения, деятельности и членах организации, пройти процедуру перерегистрации и испросить разрешение на продолжение деятельности. А те ассоциации, которые вели свою деятельность без регистрации в силу положения Закона от 1901 г., обязаны были пройти эту процедуру [26]. Срок исполнения требований Декрета отдельными предписаниями продлевался дважды: до 3 июня 1939 г. и затем еще на один месяц до 3 июля 1939 г. При этом под иностранными организациями в контексте данного закона подразумевались те, у которых либо штаб-квартира находилась за границей, либо руководители были иностранцами, либо члены общества как минимум на четверть состояли из иностранцев.

За время относительной свободы деятельности общественных организаций во Франции, наряду с благотворительными, сформировались и выросли политические общества русской эмиграции. 2 сентября 1939 г. французской полицией были произведены массовые аресты русских беженцев, которые попали в категорию «нежелательных элементов» [22, с. 55].

Среди благотворительных организаций и обществ особое место занимают созданные казаками-эмигрантами. Они фактически с первых лет пребывания за границей стали создавать свои организации и общества в форме так называемых станиц и хуторов, которые носили не только, а порой не столько административный характер, сколько благотворительный (это часто было отражено в их

уставных документах). В марте 1922 г. атаман Всевеликого войска Донского генерал А. П. Богаевский, возглавлявший Объединенный совет Дона, Кубани и Терека, утвердил «Положение об управлении станицами и хуторами за границей». Целью данного Положения было не только централизовать и упорядочить процесс создания казачьих объединений в эмиграции, но и отразить наиболее важные их составляющие, в том числе сделав акцент на их благотворительной функции. Среди основных задач станиц и хуторов отмечались: «юридическая и медицинская помощь, забота об инвалидах, одиноких женщинах, детях и безработных» [8, л. 14]. Отметим, что во Франции было на порядок больше, чем в Германии, и казаков-эмигрантов, и казачьих организаций и обществ [9, л. 79].

Анализ условий создания и функционирования общественных организаций в Германии и во Франции показывает, что до начала 1930-х гг. в обоих государствах законодательство было достаточно либеральным. Это позволяло создавать благотворительные организации и общества взаимопомощи с минимальными затратами на взаимодействие с государственными органами. Установление Германией в 1923 г. и Францией в 1924 г. дипломатических отношений с Советским Союзом никак не отразилось в юридическом плане на деятельности эмигрантских организаций помощи, что подтверждается отсутствием новых законодательных актов в этой сфере в указанные периоды.

Проблемы с осуществлением деятельности у обществ, находящихся в Германии, начались с 1933 г., с приходом к власти партии национал-социалистов, когда многие организации были запрещены. В то же время во Франции на протяжении всего десятилетия власти ограничивались только усиленным наблюдением, без применения репрессивных мер. Но накануне Второй мировой войны ситуация в двух странах, с точки зрения свободы общественных объединений, стала практически одинаковой, то есть все они подозревались в политической неблагонадежности и в финансировании нежелательных элементов. А с началом немецкой оккупации Франции большинство эмигрантских

организаций и обществ де-факто перестало существовать.

Таким образом, русская эмиграция в два межвоенных десятилетия хоть и вынужденно, но с успехом продолжала традиции оказания помощи, заложенные предшественниками, начиная с 1870-х гг., через специально созданные общественные организации и объединения. При этом немаловажным фактором оказалось, что законодательные нормы в двух рассмотренных странах до определенного момента не препятствовали процессу организации взаимопомощи внутри диаспоры. Во второй половине 1930-х гг. сильное влияние на деятельность рассматриваемых объединений оказала политическая обстановка и полити-

зация общества. Эти процессы в свою очередь привели к тому, что многие некоммерческие благотворительные объединения стали частично или полностью заниматься политической деятельностью сначала в Германии, а затем и во Франции. Однако события начавшейся Второй мировой войны и соответствующая политика германского и французского правительств привели к практически полному прекращению деятельности всех политических организаций русского зарубежья.

Проведенное исследование является лишь одним из этапов более обширной работы, посвященной анализу деятельности русских благотворительных организаций и обществ за рубежом.

Oleg V. RATUSHNYAK

Dr. Sci. (National History), Docent,
Kuban State University,
Krasnodar, Russian Federation
oleg_ratushnyak@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9285-3649

Natalia V. EVDOSHENKO

External Doctoral Student,
Kuban State University,
Krasnodar, Russian Federation
n.matinale@gmail.com

***The Legal Basis for the Establishment and Operation
of Charitable Organizations and Mutual Aid Societies
of Russian Emigration in Germany and France in 1919–1939***

Abstract. The aim of the article is to study the historical context and legal basis for the creation and activities of charitable organizations of Russian emigration in Germany and France in 1919–1939. The study is based on the analysis of archival materials from the National Archives of France, the State Archive of the Russian Federation (GARF) and the Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). The authors of the article also relied on the achievements of Russian and foreign historiography. The article analyzes the development of national legislation in Germany and France in terms of regulating public organizations: how it was projected onto Russian emigrant organizations, and what problems they encountered in their activities (including financial ones). In this study, comparative-historical, comparative-legal and historical-systemic methods are used. The emergence of charitable organizations and societies of Russian emigrants in Germany and France was caused by the difficult conditions of existence of Russian refugees. At the same time, both in Germany and France, since the second half of the 19th century, experience was accumulated in the activities of Russian charitable organizations, which were usually created under the patronage of either the church, or the Russian embassy, or members of the royal family. The emergence of such societies was greatly facilitated by the general European social culture of charity. The Russian emigration in the two interwar decades, although forced, successfully used the traditions of providing assistance developed by their predecessors – creating public or-

ganizations and associations aimed at helping different groups of the emigrant community. In the early 1920s, legislation regarding immigrants was quite liberal in Germany until 1933, and in France until 1939. This made it possible to create charitable organizations and mutual aid societies with minimal costs for interaction with government agencies. The establishment of diplomatic relations between Germany and the Soviet Union in 1923 and France in 1924 did not in any way affect the activities of emigrant aid organizations in legal terms. Changes began in Germany with the rise to power of the Nazis, and in France with the beginning of World War II. The increasingly complex political situation and the politicization of society led to the fact that charitable organizations and societies of Russian emigrants gradually began to decline and ceased their activities on their own or were banned by the authorities.

Keywords: charitable organizations, Russian diaspora, Russian emigration, France, Germany.

Использованная литература:

1. Бойко Ю. В. Тургеневская библиотека в Париже в 1875–1914 годах: к предстоящему 125-летию библиотеки // Русская мысль. 2000. 19 янв. № 4300. С. 18.
2. Бойко Ю. Щедрая благотворительность [Электронный ресурс] // Независимая газета. 2000. 23 мая. URL: https://www.ng.ru/style/2000-05-23/16_chairity.html?ysclid=m2azeqrgqx900564866 (дата обращения: 19.05.2023)
3. Бочарова З. С. Пути и формы осуществления социальной помощи в русском зарубежье (к теории вопроса) [Электронный ресурс] // История: электронный научно-образовательный журнал. 2020. Т. 11, Вып. 2 (88). С. 79–87. DOI 10.18254/S207987840008779-5.
4. Бочарова З. С. Роль эмигрантских общественных организаций в Германии в адаптации российского беженства (нач. 20-х гг.) // Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (кон. XIX–XX вв.): сб. ст. / под ред. Ю. А. Полякова, Г. Я. Тарле; предисл. Ю. А. Полякова. М.: Ин-т рос. истории Рос. акад. наук, 1999. С. 162–172.
5. Бочарова З. С. Урегулирование прав русских беженцев в Германии в 1920–1930-е гг. // Русский Берлин. 1920–1945: междунар. науч. конф. (Москва, 16–28 декабря 2002 г.). М.: Русский путь, 2006. С. 369–405.
6. Гольденвейзер А. А. Социальные проблемы беженства // Руль. 1927. № 1956. 7 мая. С. 4.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5815. Оп. 1. Д. 1.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6461. Оп. 1. Д. 273.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6679. Оп. 1. Д. 184.
10. Землякова О., Леонидов В. Альбом Николая Сакса // Русское искусство. 2004. № 4. С. 90–99.
11. Ипполитов С. С. Российская эмиграция первой волны в Германии: гуманитарно-правовые аспекты адаптации. 1917–1920-е гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2020. № 1. С. 115–127. DOI 10.7256/2454-0609.2020.1.31909
12. История государства и права зарубежных стран: учебник для вузов: в 2 ч. Ч. 2 / под общ. ред. О. А. Жидкова, Н. А. Крашенинниковой. 2-е изд., стер. М.: Норма, 2003. 720 с.

References:

1. Boyko, Yu.V. (2000) Turgenevskaya biblioteka v Parizhe v 1875–1914 godakh: k predstoyashchemu 125-letiyu biblioteki [Turgenev Library in Paris in 1875–1914: Towards the Upcoming 125th Anniversary of the Library]. *Russkaya mysl'*. 19 Jan. 4300. p. 18.
2. Boyko, Yu. (2000) Shchedraya blagotvoritel'nost' [Generous Charity]. *Nezavisimaya gazeta*. 23 May. [Online] Available from: https://www.ng.ru/style/2000-05-23/16_chairity.html?ysclid=m2azeqrgqx900564866 (Accessed: 19.05.2023)
3. Bocharova, Z.S. (2020) Ways and Forms of Social Assistance in the Russian Abroad Diaspora (To the Theory of the Question). *Istoriya: elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal*. 11:2 (88). pp. 79–87. (In Russian). DOI: 10.18254/S207987840008779-5
4. Bocharova, Z.S. (1999) [The Role of Emigrant Public Organizations in Germany in the Adaptation of Russian Refugees (Early 1920s)]. In: Polyakov, Yu.A. & Tarle, G.Ya. (eds) *Sotsial'no-ekonomicheskaya adaptatsiya rossiyskikh emigrantov (kon. XIX–XX vv.): sb. st.* [Socio-Economic Adaptation of Russian Emigrants (Late 19th–20th Centuries): Collection of Articles]. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. pp. 162–172.
5. Bocharova, Z.S. (2006) [Settlement of the Rights of Russian Refugees in Germany in the 1920s–1930s]. *Russkiy Berlin. 1920–1945* [Russian Berlin. 1920–1945]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 16–28 December 2002. Moscow: Russkiy put'. pp. 369–405. (In Russian).
6. Gol'denvyzer, A.A. (1927) Sotsial'nye problemy bezhenstva [Social Problems of Refugees]. *Rul'*. 1927. 7 May. p. 4.
7. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 5815. Inventory 1. Item 1.
8. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 6461. Inventory 1. Item 273.
9. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 6679. Inventory 1. Item 184.
10. Zemlyakova, O. & Leonidov, V. (2004) Al'bom Nikolaya Saksa [Nikolai Saks' Album]. *Russkoe iskusstvo*. 4. pp. 90–99.
11. Ippolitov, S.S. (2020) Rossiyskaya emigratsiya pervoy volny v Germanii: gumanitarno-pravovye aspekty adaptatsii. 1917–1920-e gg. [Russian Emigration of the

13. Котельников К. Д. Амбулатория Российского общества Красного креста в Берлине в 1920–1930-е годы // Научный диалог. 2021. № 8. С. 375–386.
14. Котельников К. Д. Русский Берлин 1919–1933: проблемы и механизмы адаптации русской эмиграции в Германии. М.: ДПК-Пресс, 2022. 238 с.
15. Лунёв И. История братства [Электронный ресурс] // Милосердие.ru. URL: <https://www.miloserdie.ru/article/istoriya-bratstva/?ysclid=m1926pnqfr616250053> (дата обращения: 18.09.2024).
16. Миронова Е. М. Русский Красный Крест за рубежом: организационная структура, международный статус [Электронный ресурс] // История: электронный научно-образовательный журнал. 2020. Т. 11, Вып. 2 (88). DOI 10.18254/S207987840008779-5.
17. Обзор иностранного законодательства. Французский закон 1 июля 1901 года об ассоциациях и религиозных конгрегациях и относящиеся к нему декреты 16 августа 1901 года // Журнал министерства юстиции. 1901. № 8 (октябрь). С. 270–296.
18. Павлова И. П. Эльберфельдская система социальной помощи неимущим: от добровольчества к профессионализму // Журнал исследований социальной политики. 2016. № 3. С. 363–376.
19. Пешкова Н. Н. Благотворительность в Европе: прихоть богатых или способ решения социальных проблем? // Современная Европа. 2014. № 3 (59). С. 106–116.
20. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1570. Оп. 1. Д. 25.
21. Урбан Т. Русские писатели в Берлине в 20-е годы XX века / пер. с нем. Т. Чапалиной. СПб.: Лики России, 2014. 287 с.
22. Урицкая Р. Л. Судьба русской эмиграции по Франции с 1933 по 1948 г.: они любили свою страну... СПб.: Площадь искусств, 2015. 238 с.
23. Archambault E., Priller E. & Zimmer A. Associations et fondation en France et en Allemagne: traditions et convergence // Revue internationale de l'économie sociale. 2013. Vol. 329. P. 92–106. DOI 10.7202/1017936ar.
24. Archives nationales de France (ANF) F. 7. C. 14751.
25. Archives nationales de France (ANF). F. 19940495. C. 18.
26. Décret relatif à la constitution des associations étrangères // Journal officiel de la République française. Lois et décrets 1939 avril 16, № 0091, p. 4911-4912
27. Gorboff M. La Russie Fantôme: l'émigration russe de 1920 à 1950. Lausanne: L'Age d'homme, 1995. 281 с.
28. Kévonian D. L'organisation non gouvernementale, nouvel acteur du champ humanitaire // Cahiers du monde russe. 2005. Vol. 46, № 4. P. 739–756. DOI 10.4000/monderusse.9429.
29. Loi relative aux sociétés de secours mutuels // Journal officiel de la République Française. 1898. 5 avril. № 0094. P. 2089–2095.
30. Nicolas C. Le CICR au secours des réfugiés russes 1919–1939 // Matériaux pour l'histoire de notre temps. 2009. Vol. 95, № 3. P. 13–24. DOI 10.3917/mate.095.0003.
31. Solange P., Guy R. Les associations / preface de F. Pascal. Paris: la Découverte, 1984. 126 p.
32. Verordnung des Reichspräsidenten zum Schutz von Volk und Staat (vom 28. Februar 1933) [Elektronische First Wave in Germany: Humanitarian and Legal Aspects of Adaptation. 1917–1920s]. *Istoricheskiy zhurnal: nauchnye issledovaniya*. 1. pp. 115–127. DOI: 10.7256/2454-0609.2020.1.31909
12. Zhidkov, O.A. & Krashennnikova, N.A. (eds) (2003) *Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnykh stran: uchebnik dlya vuzov: v 2 ch.* [History of the State and Law of Foreign Countries: Textbook for Universities: In 2 Parts]. 2nd ed. Part 2. Moscow: Norma. 720 p.
13. Kotel'nikov, K.D. (2021) Ambulatoriya Rossiyskogo obshchestva Krasnogo kresta v Berline v 1920–1930-e gody [Outpatient Clinic of the Russian Red Cross Society in Berlin in the 1920s–1930s]. *Nauchnyy dialog*. 8. pp. 375–386.
14. Kotel'nikov, K.D. (2022) *Russkiy Berlin 1919–1933: problemy i mekhanizmy adaptatsii russkoy emigratsii v Germanii* [Russian Berlin 1919–1933: Problems and Mechanisms of Adaptation of Russian Emigration in Germany]. Moscow: DPK-Press. 238 p.
15. Lunev, I. (2024) *Istoriya bratstva* [History of the Brotherhood]. Miloserdie.ru. [Online] Available from: <https://www.miloserdie.ru/article/istoriya-bratstva/?ysclid=m1926pnqfr616250053> (Accessed: 18.09.2024).
16. Mironova, E.M. (2020) Russian Red Cross Abroad: Organizational Structure, International Status. *Istoriya: elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal*. 11:2 (88). (In Russian). DOI: 10.18254/S207987840008950-4
17. *Zhurnal ministerstva yustitsii*. (1901) Obzor inostrannogo zakonodatel'stva. Frantsuzskiy zakon 1 iyulya 1901 goda ob assotsiatsiyakh i religioznykh kongregatsiyakh i otnosyashchiesya k nemu dekrety 16 avgusta 1901 goda [Review of Foreign Legislation. The French Law of July 1, 1901 on Associations and Religious Congregations and the Decrees Related to It of August 16, 1901]. 8 (October). pp. 270–296.
18. Pavlova, I.P. (2016) El'berfel'dskaya sistema sotsial'noy pomoshchi neimushchim: ot dobrovol'chestva k professionalizmu [Elberfeld System of Social Assistance to the Poor: From Volunteering to Professionalism]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*. 3. pp. 363–376.
19. Peshkova, N.N. (2014) Blagotvoritel'nost' v Evrope: prikhot' bogatykh ili sposob resheniya sotsial'nykh problem? [Charity in Europe: A Whim of the Rich or a Way to Solve Social Problems?]. *Sovremennaya Evropa*. 3 (59). pp. 106–116.
20. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 1570. Inventory 1. Item 25.
21. Urban, T. (2014) *Russkie pisateli v Berline v 20-e gody XX veka* [Russian Writers in Berlin in the 1920s]. Translated From German by T. Tsapalina. St. Petersburg: Likey Rossii. 287 p.
22. Uritskaya, R.L. (2015) *Sud'ba russkoy emigratsii po Frantsii s 1933 po 1948 g.: oni lyubili svoyu stranu...* [The Fate of Russian Emigration to France From 1933 to 1948: They Loved Their Country...]. St. Petersburg: Ploshchad' iskusstv. 238 p.
23. Archambault, E., Priller, E. & Zimmer, A. (2013) Associations et fondation en France et en Allemagne: traditions et convergence. *Revue internationale de l'économie sociale*. 329. pp. 92–106. DOI: 10.7202/1017936ar.
24. Archives nationales de France (ANF) F. 7. C. 14751.
25. Archives nationales de France (ANF). F. 19940495. C. 18.

Ressource] // documentArchiv.de. URL: <http://www.documentarchiv.de/ns/rtbrand.html> (Datum des Zugangs: 09.05.2023).

33. Volkmann H.-E. Die Russische Emigration in Deutschland. Würzburg: Holzner-Verlag, 1966. 154 p.

26. *Journal officiel de la République française*. (1939) Décret relatif à la constitution des associations étrangères. Lois et décrets 1939 avril 16, N° 0091, p. 4911-4912

27. Gorboff, M. (1995) *La Russie Fantôme: l'émigration russe de 1920 à 1950*. Lausanne: L'Age d'homme. 281 p.

28. Kévonian, D. (2005) L'organisation non gouvernementale, nouvel acteur du champ humanitaire. *Cahiers du monde russe*. 46 (4). pp. 739–756. DOI: 10.4000/monderusse.9429

29. *Journal officiel de la République Française*. (1898) Loi relative aux sociétés de secours mutuels. 5 avril. N° 0094. pp. 2089–2095.

30. Nicolas, C. (2009) Le CICR au secours des réfugiés russes 1919–1939. *Matériaux pour l'histoire de notre temps*. 95 (3). pp. 13–24. DOI: 10.3917/mate.095.0003

31. Solange, P. & Guy, R. (1984) *Les associations*. Paris: la Découverte. 126 p.

32. DocumentArchiv.de. (2024) *Verordnung des Reichspräsidenten zum Schutz von Volk und Staat (vom 28. Februar 1933)*. [Online] Available from: <http://www.documentarchiv.de/ns/rtbrand.html> (Accessed: 09.05.2023).

33. Volkmann, H.-E. (1966) *Die Russische Emigration in Deutschland*. Würzburg: Holzner-Verlag. 154 p.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Ратушняк, О. В. Правовые основы создания и деятельности благотворительных организаций и обществ взаимопомощи русской эмиграции в Германии и Франции в 1919–1939 годах / О. В. Ратушняк, Н. В. Евдошенко. – Текст : электронный. – DOI 10.36343/SB.2024.39.3.007 // Наследие веков. – 2024. – № 3. – С. 104–115. – URL: http://heritage-magazine.com/index.php/HC/article/view/____/____ (дата обращения: ДД.ММ.ГГГГ).

Full bibliographic reference to the article:

Ratushnyak, O. V. & Evdoshenko, N. V. (2024) The Legal Basis for the Establishment and Operation of Charitable Organizations and Mutual Aid Societies of Russian Emigration in Germany and France in 1919–1939. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 104–115. (In Russian). DOI 10.36343/SB.2024.39.3.007.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

REGIONAL HISTORICAL AND CULTURAL STUDIES

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

FULL ARTICLE

БАТЫРЕВА Светлана Гарриевна

доктор искусствоведения,
кафедра калмыцкой литературы и журналистики
Института калмыцкой филологии и востоковедения
Калмыцкого государственного университета
имени Б. Б. Городовикова,
Элиста, Российская Федерация
sargerel@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4268-0705

ВАК: 5.10.1.

DOI: 10.36343/SB.2024.39.3.008

К вопросу методологии изучения пластического фольклора ойратов и калмыков

Исследование направлено на уточнение методологических основ изучения декоративно-прикладного искусства ойратов и калмыков за счет дополнения существующих исследовательских концепций (традиционно связанных с этнологией) комплексным подходом, сочетающим методы искусствоведения, истории культуры и философии, которые более полно раскрывают выраженное в пластическом фольклоре и сохраняющее архетипы образной памяти предков самобытное мировидение кочевых народов, формирующее художественный образ произведений прикладного искусства. Обобщены полевые и архивные материалы, использованы результаты изысканий отечественных и зарубежных ученых. Обосновывается необходимость междисциплинарного сравнительно-сопоставительного изучения пластического фольклора номадов, свидетельствующего у ойратов о преемственности художественных традиций, преобразованных прикладным искусством калмыков. Предложена схема комплексного исследования явлений, относящихся к художественному наследию родственных кочевых народов.

Ключевые слова: Калмыкия, Монголия, калмыки, ойраты Монголии, пластический фольклор, традиционная культура калмыков, орнаментальное искусство калмыков, мифопоэтическое мышление.

В истории науки наследие культуры изначально предстает в этнографической и фольклорной призме описания, фиксирующей прежде всего те или иные особенности обрядового бытия монгольских народов. Народное прикладное искусство рассматривается фольклорной традицией, одухотворяющей календарно-производственную обрядность. Предметная среда жизненного цикла традиционного общества несет мифопоэтику пластического фольклора. При этом обращение к традиционному наследию и его изучение обладают безусловной актуальностью в условиях возрастающей степени глобализации мировой художественной культуры.

Отечественными учеными XVIII–XIX вв. сделан большой вклад в изучение традиционного наследия калмыков-кочевников. Материалы историко-этнографического, социально-экономического и религиозного содержания легли в основу исследований культуры и быта народа авторами XX — начала XXI в. Труды калмыцких этнологов Э.П. Бакаевой [1], А.Г. Митирова [13], Т.И. Шараевой [23], У.Э. Эрдниева [24], в том числе сравнительно-сопоставительное изучение культуры калмыков и ойратов, осуществленное коллективом авторов [20], не рассматривают сферу прикладного искусства. Между тем внимание к традициям художественного ремесла, обусловленное сегодня самой жизнью и присутствием ей интенсивными модернизационными изменениями, призвано сохранить историческую память и материально-духовный опыт монгольских народов.

Традиционную культуру калмыков, сформированную в процессе этногенеза за пределами этнической прародины, нельзя рассматривать вне истоков наследия ойратов Монголии. Исследования монгольских и отечественных ученых, касающиеся культуры и искусства родственных народов, разделившихся в результате миграции части ойратов в пределы России, нуждаются в обобщении. Неисчерпаемый потенциал народного творчества может быть осмыслен в результате сравнительного анализа художественных традиций, сопоставления изучаемых феноменов на разных стадиях истории этнокультурогенеза,

в глубинном изучении общего и особенностей каждого явления культуры.

В Концепции IV Международного конгресса «Традиционная художественная культура: фундаментальные исследования народного искусства», прошедшего в г. Ханты-Мансийске в 2022 г., справедливо отмечалось, что проблематизация сферы народного искусства предполагает учет следующего обстоятельства: «сдерживающим фактором в науке долгое время было замещение искусствоведческого анализа этнографическим подходом, сужающим ракурс изучения до историко-гуманитарного использования в позднем осознании масштаба культурной и художественной ценности феномена... Искусствоведческое прочтение оформляется в последней трети XX в., предполагает включение в методологию семиотического и философского базиса искусства» [8, с. 3]. Авторы Концепции также подчеркивают необходимость внимательного отношения к идее о том, что «народное искусство хранит тип образной информации древнейшей эпохи в родовых, сакральных, обрядовых мировоззренческих установках, несущих идею благополучия. Ярко и красочно в народном искусстве выразительными средствами раскрыт Образ мироздания» [8, с. 3]. Отмечается, что со временем, по мере усложнения системы общественных отношений с наступлением эпохи Средневековья «народное искусство вместе с утратой жертвенного содержания аутентичного культа становится фольклорной традицией, одухотворяющей календарно-производственную обрядность бытия. Обряды жизненного цикла традиционного общества становятся областью мифопоэтики и фольклора, влияющих на профессиональное изобразительное и декоративно-прикладное искусство Нового и Новейшего времени» [8, с. 4].

В данном исследовании впервые ставится цель обобщить труды отечественных и зарубежных ученых для совершенствования методологии изучения наследия монгольских народов путем включения в исследовательский инструментарий комплексного и сравнительно-сопоставительного подходов, позволяющих исследовать художественные традиции прикладного искусства ойратов

Монголии и калмыков России с привлечением методов искусствоведения, истории культуры и философии. Данная цель в первую очередь предполагает рассмотрение в едином комплексе таких важнейших элементов, как мифопоэтическое мышление, культурные архетипы, сохраняющие этническое самосознание, ремесленные практики, предметы декоративно-прикладного искусства, символические изображения, характерные для них, и др. При этом важно выявить этнолокальное своеобразие наследия номадов путем анализа произведений из собраний музеев России и Монголии. Практический опыт полевой работы [15] [16] [17], а также результаты исследования коллекций в личных архивах исследователей [11] [12] и музеях отражены в научном описании и атрибуции памятников из фондов Национального музея Республики Калмыкии имени Н.Н. Пальмова, Музея калмыцкой традиционной культуры имени Заяпандиты Калмыцкого научного центра РАН [18] с привлечением материалов Российского этнографического музея и музейных собраний Монголии.

В процессе исследования были использованы методы исторического анализа, которые обеспечили понимание этноисторического контекста, в котором возникали произведения пластического фольклора. Иконографический анализ позволил выявить значение символов (тамга, орнаментальные мотивы и др.), украшавших произведения декоративно-прикладного искусства, изучить техники, присущие ойратской и калмыцкой художественным традициям. Социологический подход обеспечил понимание взаимосвязей между искусством и обществом, возникших в пространстве традиционной кочевнической культуры. Наконец, сравнительный анализ способствовал определению общих черт и особенных характеристик произведений пластического фольклора родственных кочевых народов.

Предпринимаемые научные изыскания предполагают установление роли образного и пластического мышления номадов в формировании этнического своеобразия народного искусства. В дальнейшем необходимо обосновать комплексный подход к изучению при-

кладного творчества ойратов и калмыков посредством обращения к результатам научных исследований, в которых получили свое отражение описательный, историко-культурный и сравнительный подходы, при этом важным представляется включение в данный анализ работ монгольских ученых. Определив роль традиционных предметов в освоении среды и в системе общественных связей, можно предложить схему комплексного исследования явлений художественного наследия родственных кочевых народов. В завершение исследования необходимо сформулировать выводы, позволяющие связать воедино архетипы мировидения кочевников, мифопоэтические первообразы изображений, характерных для произведений декоративно-прикладного искусства ойратов и калмыков, а также предметы, относящиеся к пластическому фольклору номадов, и сам хозяйственный уклад кочевнического бытия, что в совокупности явится методологической новацией, в русле которой прикладное искусство рассматривается в том числе как опредмеченное самосознание культуры.

Представляется, что применение историко-культурного и сравнительного анализа художественных традиций ойратов Монголии и калмыков России не только обогатит методологический инструментарий, но и прояснит понимание природы трансформаций культуры в исторических перипетиях времени и пространства.

* * *

Мобильное бытие и скотоводческий уклад хозяйствования обусловили определенный тип образного мышления, представленный в декоративном искусстве монгольских народов и, как уже указывалось выше, оставшийся вне внимания этнологов, по-своему осмысливающих произведения пластического фольклора.

Пластический фольклор объемлет пространственно-временные представления о мире ойратов Монголии и калмыков России в сложившихся «этнотерриториальных» особенностях. Разностадиальные в происхождении явления культуры характеризуют ремесленное производство народных мастеров. Для понимания глубинного смысла образов,

соотносимых с историей, бытом и хозяйством, важно обращение к пластическому мышлению кочевников. Обусловленное сменой природного и этнокультурного ландшафта, оно формирует традиционное наследие калмыков, этническое своеобразие декоративно-прикладного искусства. Художественное ремесло этноса в определенной мере выступает матрицей народного бытия, культурным архетипом, оберегающим верования и мифопоэтическое мышление предков в преемственной связи поколений.

Как показал опыт, исследование прикладного творчества народа возможно в комплексном подходе, сочетающем методы искусствознания (при описании традиционных материалов и технологий ремесленного производства, эстетической оценке вещей) и культурологии (при анализе семантики ключевых изображений в искусстве монгольских номадов). В основу семиотического анализа произведений декоративно-прикладного искусства положено изобразительное начало тамговой и орнаментальной культуры, емко и полно воплощенное в эстетике и символике народного костюма.

Описательный подход в изучении традиций искусства Калмыкии и, в частности, орнаментального декора в прикладном народном творчестве характеризует труды искусствоведов И. И. Трошина [21], Н. В. Кочешкова [10] и И. Г. Ковалева [7]. Фундаментальным исследованием калмыцкого декоративно-прикладного искусства является альбом Д. В. Сычева «Калмыцкое народное искусство» («Хальмг улсин эрдм») [19], представляющий богатейший фонд орнамента, систематизированный по традиционным материалам художественного ремесла. Сравнительно недавней попыткой «собрать материал» народного творчества без достаточной степени его осмысления и обобщения в структуре издания является сборник «Калмыцкий народный орнамент» [6]. Вопросы формирования и этнической специфики декоративно-прикладного искусства калмыков XIX — начала XX в. в системе традиционной культуры не поднимались.

Историко-культурный подход в научной реконструкции калмыцкого искусства обоснован в 20-е гг. XX в. Н. Н. Пальмовым

[14] и продолжен в последующих, указанных выше исследованиях. По прошествии длительного периода *этнографического* изучения пластического фольклора впервые ставится и рассматривается проблема этнического своеобразия калмыцкого декоративно-прикладного искусства. В начале XXI в. оно определяется как самостоятельное явление наследия культуры монгольских народов в работах историка и музееведа В. А. Кореняко [9], искусствоведа С. Г. Батыревой [3], философа К. П. Батыревой [2].

В фундаментальном исследовании С. В. Иванова [4] орнамент рассмотрен в этногенетическом аспекте развития культуры народов Центральной Азии. В сравнительном ряду произведений прикладного искусства монголов, бурят, калмыков Н. В. Кочешковым [10] описаны традиции художественной обработки кожи и войлока, дерева и металла, ткани, формирующие узорный декор предметной бытовой среды, в том числе народного костюма калмыков. Наследие монгольских народов впервые в российской науке анализируется в философском концепте учения *арга-билиг*, основополагающем в осмыслении традиционной культуры [22].

Описательную базу художественной культуры ойратов и монголов представляют труды ученых Монголии, где тамговое содержание и традиции прикладного творчества номадов являются предметом исследования [27] [29] [30]. В них в той или иной степени описаны виды пластического фольклора в традиционном укладе бытия без углубления в этническую специфику ремесла. Материалы о прикладном искусстве Западной Монголии значимы в сравнительно-сопоставительном изучении художественных традиций ойратов и калмыков [25] [26] [28, x. 35–36].

При исследовании наследия ойратов и калмыков важно различать «традиционный тип культуры как фольклорный пласт, связанный с историческим этапом родо-племенной общности людей, и канонический тип художественной культуры, соответствующий фазе развития народности» [5]. В этот контекст укладывается художественная деятельность, воплощающая определенный образ мира и человека в традиционной культуре ойратов

и народном декоративно-прикладном искусстве калмыков.

Искусство выступает специфическим регулятивным механизмом, координирующим многоуровневую взаимосвязь человеческой деятельности с разными пластами культуры, понятой в качестве системы средств освоения и трансформации мира. Доминирующими инструментами преобразования среды выступают орудия труда, средства передвижения и физического жизнеобеспечения людей (поселения, жилища, одежда). Все они важны для осмысления народного прикладного искусства. Способ включения традиционных предметов в систему общественных связей (подразумевающих процесс производства, распределения и потребления) характеризует художественную культуру этноса на разных стадиях развития, обуславливающих ее *этно-территориальные* особенности.

В материальном наследии, представленном произведениями прикладного искусства, *предметом* изучения являются художественные традиции ремесленного производства и орнаментального декора вещей, являвшихся компонентами повседневного бытового уклада номадов. Представляется, что при сравнительно-сопоставительном анализе явлений художественного наследия (тамгового и орнаментального, народного костюма калмыков России и ойратов Монголии) в процессе междисциплинарного изучения искусства необходимо ориентироваться на *знаковую* суть общего и особенного. В ходе комплексного исследования может быть применена следующая схема:

- описывается техника изготовления и декоративного оформления изделий быта и скотоводческого хозяйства ойратов и калмыков;

- определяется функциональная и эстетическая значимость художественного ремесла в системе традиционной культуры номадов;

- выявляется знаковая суть орнаментального декора предметов бытовой среды (из кожи и войлока, дерева и металла, ткани) номадов;

- в сравнительном анализе определяются общие характеристики и этнические

особенности народного костюма, орнаментики и тамгового комплекса, характеризующие культуру калмыков и ойратов Монголии.

Сравнительно-сопоставительный анализ формы и содержания произведений искусства рассматривается в закономерностях стилового воплощения художественных традиций. В изучении пластического фольклора в научный оборот вводятся известные и новые письменные и материальные источники культурного наследия номадов.

* * *

Феноменом искусства выражается этническое своеобразие пластического фольклора в традиционных истоках ойратского наследия, органично дополняемых новациями при адаптации культуры в историческом этногенезе калмыков России.

В процессе трансформации *этос* центральноазиатского наследия, обусловленный пространственным видением и способом «времноощущения» традиционного общества, сохраняется в народном декоративно-прикладном искусстве калмыков. Структуру художественного образа одухотворяет архаика мифологического мышления, исходного начала в понимании процесса развития искусства. Пластический фольклор сохраняет и формирует мифопоэтический первообраз изображения, проецирующий архетипы мировидения в тамговом комплексе орнаментального декора народного костюма. Установить закономерности исторического процесса позволяют реконструкция и анализ художественного образа произведений разностадиального происхождения в системе традиционной культуры.

Первообразное выражение конституирует локальное своеобразие декоративно-прикладного искусства ойратов Монголии. Сформированное этноинтегрирующими и этнодифференцирующими функциями художественной традиции, оно далее осуществляет преемственность в сложном процессе взаимодействия с инновациями в развитии калмыцкой культуры. Выразительными средствами прикладного искусства репродуцирована мифопоэтическая модель мира в пространственно-временных параметрах традиции, *активируемой* в переход-

ные кризисные периоды этнической истории калмыков.

Подчеркнем, образное мышление формирует основополагающие явления прикладного искусства ойратов и калмыков: народный орнамент, тамгу, традиционный костюм, взаимообусловленные в своем генезисе. Впервые применяемый комплексный подход к анализу явлений культуры позволяет установить сохраняемую традиционную основу и воспринятые новации калмыцкого искусства, обеспечивает исследователю возможность предметно вычленив этническое своеобразие в *знаковой* сути пластического фольклора народов.

Познание традиционного наследия реализуется в осмыслении исторической трансформации культуры, определяющей парадигму развития искусства. Его этническое выражение выявляется в динамике, направлении, ритме и формах развития традиций и новаций в процессе адаптации этноса к природному и этнокультурному ландшафту бытия. Самобытный пластический фольклор — убедительный пример потенциальных возможностей монгольской культуры, трансформируемой в сложном и противоречивом процессе развития калмыцкого искусства.

В ракурсе адаптационных возможностей традиций определено актуальное направление исследования прикладного искусства. Тесно связанное с хозяйственным

укладом мобильного кочевнического бытия, оно имеет *трансграничное* выражение, объединяющее наследие ойратов и калмыков. В сравнительном анализе традиций пластический фольклор выступает важным связующим звеном в осмыслении *общего* и *особенностей* материально-художественного наследия. В этом плане культура и рассматриваемое в ее системе прикладное искусство *номадов* представляют большой интерес во всех сферах монголоведения и, прежде всего, искусствознания.

Прикладное искусство как *определенное* самосознание культуры являет собой уникальную форму осмысления мира. Во взаимосвязях духовного и материального бытия кодированы основы народной этики и эстетики, взаимообусловленные в этнических традициях пластического фольклора. В изучении их формирования и развития необходима комплексная методология, сочетающая в поле искусствознания методы истории, культурологии, этносоциологии, философии. Междисциплинарное исследование определяет перспективы широкого и объемного осмысления этнической проблематики культурного наследия монгольских народов. Познание процесса развития искусства *от общего к особенному* предполагает поиск новых подходов в углублении знаний о художественных традициях *номадов* Евразии и Центральной Азии.

Svetlana G. BATYREVA

Dr. Sci. (Fine and Applied Art and Architecture), Prof.,
Institute of Kalmyk Philology and Oriental Studies,
Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov,
Elista, Russian Federation
sargerel@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4268-0705

On the Methodology for Studying Plastic Folklore of Oirats and Kalmyks

Abstract. The study is aimed at clarifying the methodological foundations of studying the decorative and applied arts of Oirats and Kalmyks by supplementing the existing research concepts (traditionally associated with ethnology) with an integrated approach. The latter combines the methods of art history, cultural history and philosophy that more fully reveal the original worldview of nomadic peoples, expressed in plastic folklore and preserving the ancestors' figurative memory archetypes, which form the artistic image of works of applied art. Field and archival materials are summarized; the results of research by Russian and Mongolian scientists are used. Methods of historical and icono-

graphic analysis, as well as a sociological approach and a comparative method are used. The role of figurative and plastic thinking of nomads in the formation of the ethnic originality of folk art is established. The results of scientific research (including works of Mongolian scientists), which reflect the descriptive, historical-cultural and comparative approaches to the problem under study, are analyzed. The article substantiates the use of an integrated approach to the study of the applied arts of Oirats and Kalmyks. The role of traditional objects in the development of the environment and in the system of social relations that existed among the nomads is determined. A scheme for a comprehensive study of the phenomena of the artistic heritage of related nomadic peoples is proposed. This scheme involves (1) describing the technique of making and decorating items of the material culture of Oirats and Kalmyks; (2) determining the functional and aesthetic significance of artistic crafts in the system of traditional nomadic culture; (3) identifying the symbolic essence of the ornamental decor of household items (made of leather and felt, wood and metal, fabric) of the nomads; (4) determining in a comparative analysis the general characteristics and ethnic features of the folk costume, ornamentation, and tamga complex that characterize the culture of Mongolian Kalmyks and Oirats. Conclusions have been formulated that allow methodologically linking the archetypes of nomads' worldview, mythopoetic prototypes of images characteristic of works of decorative and applied art of Oirats and Kalmyks, as well as objects related to the plastic folklore of nomads, and the economic way of life of nomadic life itself. This approach is a methodological innovation, in the mainstream of which applied art is considered, among other things, as an objectified self-awareness of culture.

Keywords: Kalmykia, Mongolia, Kalmyks, Oirats of Mongolia, plastic folklore, traditional culture of Kalmyks, ornamental art of Kalmyks, mythopoetic thinking.

Использованная литература:

1. Бакаева Э. П. Семантика традиционного костюма ойратов и калмыков и современные художественные традиции. Элиста: Калмыцкий научный центр Российской академии наук, 2017. 232 с.
2. Батырева К. П. Этнокультурные доминанты в формировании эстетики калмыцкого народного костюма: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М.: б. и., 2008. 27 с.
3. Батырева С. Г. Народное декоративно-прикладное искусство калмыков XIX – начала XX в. Элиста: Джангар, 2006. 160 с.
4. Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX вв.). М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР. 1963. 500 с.
5. Каган М. С. Искусство как феномен культуры // Искусство в системе культуры / сост. и отв. ред. М. С. Каган. Л.: Наука, 1987. С. 6–22.
6. Калмыцкий народный орнамент: книга-альбом / сост. Д. Б. Дорджиева. Элиста: Герел: Калмыцкое кн. изд-во, 2010. 215 с.
7. Ковалев И. Г. Калмыцкий народный орнамент. Элиста: Калмиздат, 1970. 146 с.
8. Концепция IV Международного конгресса «Традиционная художественная культура: фундаментальные исследования народного искусства» (г. Ханты-Мансийск, 27–29 октября 2022 г.) // IV Международный конгресс традиционной художественной культуры: фундаментальные исследования народного искусства (25–27 октября 2022 г., Ханты-Мансийск) / ред. В. Б. Кошаев, О. Д. Бубновене, Ю. И. Бундин. М.: Изд-

References:

1. Bakaeva, E.P. (2017) *Semantika traditsionnogo kostyuma oyratov i kalmykov i sovremennyye khudozhestvennyye traditsii* [Semantics of the Traditional Costume of Oirats and Kalmyks and Modern Artistic Traditions]. Elista: Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 232 p.
2. Batyreva, K.P. (2008) *Etnokul'turnye dominanty v formirovaniy estetiki kalmytskogo narodnogo kostyuma* [Ethnocultural Dominants in the Formation of the Aesthetics of the Kalmyk Folk Costume]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Moscow. 27 p.
3. Batyreva, S.G. (2006) *Narodnoe dekorativno-prikladnoe iskusstvo kalmykov XIX – nachala XX v.* [Folk Decorative and Applied Art of Kalmyks in the 19th – Early 20th Centuries]. Elista: Dzhangar. 160 p.
4. Ivanov, S.V. (1963) *Ornament narodov Sibiri kak istoricheskiy istochnik (po materialam XIX – nachala XX vv.)* [Ornament of the Peoples of Siberia as a Historical Source (Based on Materials From the 19th – Early 20th Centuries)]. Moscow; Leningrad: USSR AS. 500 p.
5. Kagan, M.S. (1987) *Iskusstvo kak fenomen kul'tury* [Art as a Cultural Phenomenon]. In: Kagan, M.S. (ed.) *Iskusstvo v sisteme kul'tury* [Art in the Cultural System]. Leningrad: Nauka. pp. 6–22.
6. Dordzhieva, D.B. (2010) *Kalmytskiy narodnyy ornament: kniga-al'bom* [Kalmyk Folk Ornament: Book-Album]. Elista: Gerel: Kalmytskoe kn. izd-vo. 215 p.
7. Kovalev, I.G. (1970) *Kalmytskiy narodnyy ornament* [Kalmyk Folk Ornament]. Elista: Kalmizdat. 146 p.
8. Koshaev, V.B., Bubnovene, O.D. & Bundin, Yu.I. (2023) [Concept of the IV International Congress “Traditional Artistic Culture: Fundamental Research of Folk Art”]. *IV*

во Российского гос. художественно-промышленного ун-та им. С. Г. Строганова, 2023. С. 3–4.

9. Коренько В. А. Искусство народов Центральной Азии и звериный стиль // Культура народов Востока: материалы и исследования. М.: Восточная литература, 2002. 327 с.

10. Кочешков Н. В. Декоративное искусство монголоязычных народов XIX – середины XX вв. / отв. ред. С. В. Иванов. М.: Наука, 1979. 206 с.

11. Личный архив автора. Записи мастеров-ойратов Гээлгийн Хонгграа, захчин, 1950 г. р. и Баярсайхан Халгаа, урянха, 1961 г. р., аймак Ховд (Западная Монголия). Элиста, 15 мая 2018 г., рукопись.

12. Личный архив автора. Записи мастера-прикладника Г. С. Васкина (1926–2005), Республика Калмыкия, Элиста, декабрь 1995 – январь 1996 гг., рукопись.

13. Митилов А. Г. О цветовой семантике орнамента монгольских народов // Этнография и фольклор монгольских народов / отв. ред. А. Г. Митилов. Элиста: Республиканская тип. гос. комитета Калмыцкой АССР по делам изд-в полиграфии и кн. торговли, 1981. С. 90–100.

14. Пальмов Н. Н. О калмыцких ремеслах // Калмыцкая степь. Астрахань. 1929. № 4–6. С. 64–75.

15. Полевые материалы автора. Комплексная научно-поисковая экспедиция Калмыцкого государственного университета, аймаки Ховд, Увс (Западная Монголия), 25 июля – 30 августа 2007 г., рукопись.

16. Полевые материалы автора. Комплексная научно-поисковая экспедиция Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (по районам Республики Калмыкия), ноябрь 2000 г., июль 2001 г., рукопись.

17. Полевые материалы Бембеева Е. В., Батыревой С. Г., Батыревой К. П. Научно-поисковая экспедиция Калмыцкого государственного университета, грант РФФИ №19-512-44002/19, аймаки Архангай, Завхан, Ховд, Увс (Западная Монголия), август 2022 г., рукопись.

18. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2017620279. Собрание Музея калмыцкой традиционной культуры имени Зая-пандиты КИГИ РАН / С. Г. Батырева, К. П. Батырева, А. Ю. Каджиев (RU); правообладатель ФГБУН «Калмыцкий научный центр Российской академии наук». № 2016621393; заявл. от 18.10.2016; опублик. 7.03.2017. 1 с.

19. Сычев Д. В. Калмыцкое народное искусство [Хальмг улсин эрдм]: альбом. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1970. 112 с.

20. Трансграничная культура: очерки сравнительно-сопоставительного исследования традиций западных монголов и калмыков: монография. Элиста: Калмыцкий науч. центр Рос. академии наук, 2016. 456 с.

21. Трошин И. И. О калмыцком народном искусстве // О калмыцком прикладном искусстве. Волгоград: Волгоградская правда, 1967. С. 10–35.

22. Учение «арга билиг» как ось монгольской культуры: монография / под общ. ред. М. Ю. Шишина. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. технического ун-та, 2013. 181 с.

23. Шараева Т. И. Этнические маркеры калмыков: исследования и материалы. 2-е изд., перераб. Элиста: Калмыцкий науч. центр Рос. академии наук, 2022. 286 с.

24. Эрдниев У. Э. Калмыки. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калмиздат, 1970. 312 с.

Mezhdunarodnyy kongress traditsionnoy khudozhestvennoy kul'tury: fundamental'nye issledovaniya narodnogo iskusstva [IV International Congress of Traditional Artistic Culture: Fundamental Research of Folk Art (October 25–27, 2022, Khanty-Mansiysk)]. Congress Proceedings. Khanty-Mansiysk. 25–27 October 2022. Moscow: Moscow State Stroganov Academy of Design and Applied Arts. pp. 3–4. (In Russian).

9. Korenyako, V.A. (2002) *Iskusstvo narodov Tsentral'noy Azii i zverinyy stil'* [Art of the Peoples of Central Asia and Animal Style]. In: *Kul'tura narodov Vostoka: materialy i issledovaniya* [Culture of the Peoples of the East: Materials and Research]. Moscow: Vostochnaya literatura. 327 p.

10. Kocheshkov, N.V. (1979) *Dekorativnoe iskusstvo mongoloyazychnykh narodov XIX – serediny XX vv.* [Decorative Art of the Mongol-Speaking Peoples of the 19th – Mid-20th Centuries]. Moscow: Nauka.

11. Author's Personal Archive. *Zapisi masterov-oyratov Geelgiin Khongraa, zakhchin, 1950 g. r. i Bayarsaykhan Khalgaa, uryankha, 1961 g. r., aymak Khovd (Zapadnaya Mongoliya)*. Elista, 15 maya 2018 g., rukopis' [Records of Oirat Masters Geelgiin Khongraa, Zakhchin, Born 1950; and Bayarsaikhan Khalgaa, Uriankha, Born in 1961, Khovd Aimag (Western Mongolia). Elista; May 15, 2018; Manuscript].

12. Author's Personal Archive. *Zapisi mastera-prikladnika G. S. Vas'kina (1926–2005), Respublika Kalmykiya, Elista, dekabr' 1995 – yanvar' 1996 gg., rukopis'* [Notes of Applied Craftsman G. S. Vaskin (1926–2005), Republic of Kalmykia, Elista, December 1995 – January 1996, Manuscript].

13. Mitirov, A.G. (1981) *O tsvetovoy semantike ornamenta mongol'skikh narodov* [On the Color Semantics of the Ornament of the Mongolian Peoples]. In: Mitirov, A.G. (ed.) *Etnografiya i fol'klor mongol'skikh narodov* [Ethnography and Folklore of the Mongolian Peoples]. Elista: Respublikanskaya tip. gos. komiteta Kalmytskoy ASSR po delam izd-v poligrafii i kn. trgovli. pp. 90–100.

14. Pal'mov, N.N. (1929) *O kalmytskikh remeslakh* [On Kalmyk Crafts]. *Kalmytskaya step'*. (Astrakhan). 4–6. pp. 64–75.

15. Author's Field Materials. *Kompleksnaya nauchno-poiskovaya ekspeditsiya Kalmytskogo gosudarstvennogo universiteta, aymaki Khovd, Uvs (Zapadnaya Mongoliya)*, 25 iyulya – 30 avgusta 2007 g., rukopis' [Complex Scientific Search Expedition of Kalmyk State University, Aimag Khovd, Uvs (Western Mongolia), July 25 – August 30, 2007, Manuscript].

16. Author's Field Materials. *Kompleksnaya nauchno-poiskovaya ekspeditsiya Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN (po rayonam Respubliki Kalmykiya), noyabr' 2000 g., iyul' 2001 g., rukopis'* [Complex Scientific Search Expedition of the Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the Russian Academy of Sciences (In the Districts of the Republic of Kalmykia), November 2000, July 2001, Manuscript].

17. Field Materials of Bembeeva, E.V.; Batyreva, S.G.; Batyreva, K.P. *Nauchno-poiskovaya ekspeditsiya Kalmytskogo gosudarstvennogo universiteta, grant RFFI №19-512-44002/19, aymaki Arkhangay, Zavkhan, Khovd, Uvs (Zapadnaya Mongoliya)*, avgust 2022 g., rukopis' [Scientific Search Expedition of Kalmyk State University, Grant of the Russian Foundation for Basic Research No. 19-512-44002/19, Aimag of Arkhangai, Zavkhan, Khovd, Uvs (Western Mongolia), August 2022, Manuscript].

25. Амгалан М. Баруун монголчуудын эдийн соелын дурсгалт зүйлс [Памятники материальной культуры западных монголов]. Улаанбаатар [Улан-Батор]: Монсудар, 2000. 212 х.
26. Баасанхуу Б. А. Монгол Алтайн бус нутгийн ард түмний эдийн соел [Материальная культура неалтайских монгольских народов]. Улаанбаатар [Улан-Батор]: Монгол Алтай Судлалын Хурээлэн [Монгольско-Алтайский науч.-исслед. ин-т], 2006. 228 х.
27. Батчулуун Л. Монгол эсгий ширмэлийн урлаг [Монгольское войлочное искусство]. Улаанбаатар [Улан-Батор]: Интерпресс, 1999. 499 х.
28. Гантулга Д. Монголчууд үлэмж ертөнцийн орон зайд [Монголы в огромном мире]. Улаанбаатар [Улан-Батор]: Голден легион ХХК, 2017. 172 х.
29. Пүрэвдорж Г. Ойрад Монголчуудын малын им тамга [Тамги ойратов Монголии]. Улаанбаатар [Улан-Батор]: Экимто ХХК, 2008. 88 х.
30. Цултэм Н.-О. Монголын уран зургийн хөгжиж ирсэн тойм [Происхождение монгольского искусства]. Улаанбаатар [Улан-Батор]: BiSiAi, 2018. 16 х.
18. *Svidetel'stvo o gosudarstvennoy registratsii bazy dannykh № 2017620279. Sobranie Muzeya kalmytskoy traditsionnoy kul'tury imeni Zaya-pandity KIGI RAN / S. G. Batyreva, K. P. Batyreva, A. Yu. Kadzhiev (RU); pravoobladatel' FGBUN "Kalmytskiy nauchnyy tsentr Rossiyskoy akademii nauk". № 2016621393; zayavl. ot 18.10.2016; opubl. 7.03.2017. 1 s. [Certificate of State Registration of the Database No. 2017620279. Collection of the Zaya-Pandita Museum of Kalmyk Traditional Culture of the Kalmyk Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences / S. G. Batyreva, K. P. Batyreva, A. Yu. Kadzhiev (RU); Copyright Holder: Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. No. 2016621393; Submitted: 18.10.2016; Published 7.03.2017. 1 P.]*
19. Sychev, D.V. (1970) *Kalmytskoe narodnoe iskusstvo [Khal'mg ulsin erdm]: al'bom* [Kalmyk Folk Art: Album]. Elista: Kalmytskoe kn. izd-vo. 112 p.
20. Bakaeva, E.P. et al. (2016) *Transgranichnaya kul'tura: ocherki sravnitel'no-sopostavitel'nogo issledovaniya traditsiy zapadnykh mongolov i kalmykov* [Transborder Culture: Essays on a Comparative-Contrastive Study of the Traditions of Western Mongols and Kalmyks]. Elista: Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 456 p.
21. Troshin, I.I. (1967) *O kalmytskom narodnom iskusstve* [On Kalmyk Folk Art]. In: *O kalmytskom prikladnom iskusstve* [On Kalmyk Applied Art]. Volgograd: Volgogradskaya pravda. pp. 10–35.
22. Shishin, M.Yu. (ed.) (2013) *Uchenie "arga bilig" kak os' mongol'skoy kul'tury* [The Arga Bilig Doctrine as the Axis of Mongolian Culture]. Barnaul: Altai State Technical University. 181 p.
23. Sharaeva, T.I. (2022) *Etnicheskie markery kalmykov: issledovaniya i materialy* [Ethnic Markers of the Kalmyks: Research and Materials]. 2nd ed. Elista: Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 286 p.
24. Erdniev, U.E. (1970) *Kalmyki. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Kalmyks. Historical and Ethnographic Essays]. Elista: Kalmizdat. 312 p.
25. Amgalan, M. (2000) *Monuments of the Material Culture of Western Mongols*. Ulaanbaatar: Monsudar. 212 p. (In Mongolian).
26. Baasankhuu, B.A. (2006) *Material Culture of Non-Altai Mongolian Peoples*. Ulaanbaatar: Mongolian-Altai Research Institute. 228 p. (In Mongolian).
27. Batchuluun, L (1999) *Mongolian Felt Art*. Ulaanbaatar: Interpress. 499 p. (In Mongolian).
28. Gantulga, D. (2017) *Mongols in a Huge World*. Ulaanbaatar: Golden legion HHK, 172 p. (In Mongolian).
29. Pyrevdorzh, G. (2008) *Tamgas of the Oirats of Mongolia*. Ulaanbaatar: Ekimto HHK, 88 p. (In Mongolian).
30. Tsultem, N.-O. (2018) *The Origin of Mongolian Art*. Ulaanbaatar: BiSiAi. 16 p. (In Mongolian).

Полная библиографическая ссылка на статью:

Батырева, С. Г. К вопросу методологии изучения пластического фольклора ойратов и калмыков / С. Г. Батырева. – Текст : электронный. – DOI 10.36343/SB.2024.39.3.008 // Наследие веков. – 2024. – № 3. – С. 116–124. – URL: http://heritage-magazine.com/index.php/HC/article/view/___/___ (дата обращения: ДД.ММ.ГГГГ).

Full bibliographic reference to the article:

Batyreva, S. G. (2024) On the Methodology for Studying Plastic Folklore of Oirats and Kalmyks. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 116–124. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2024.39.3.008

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

FULL ARTICLE

ЗЕМКО Родомир Андреевич
аспирант,
Крымский университет культуры искусств и туризма,
Симферополь, Российская Федерация
rodomirz@yandex.ru

ВАК: 5.10.1.

DOI: 10.36343/SB.2024.39.3.009

Социокультурный контекст бардовского движения в Республике Крым на современном этапе

Статья посвящена определению основных реалий, составляющих социокультурный контекст бардовского движения Крыма начала XXI в. Исследование опирается на документы и биографические материалы представителей данного движения. Современное состояние явления рассмотрено с учетом истории его развития в регионе. Установлено, что авторская песня сохраняет традиции, сформировавшиеся во второй половине XX в., однако тематическое наполнение произведений отражает и переосмысляет наиболее актуальные исторические события в жизни крымского региона. Выявлено, что развитие технических средств аудио- и видеозаписи стимулирует процесс трансляции ценностей бардовской субкультуры, способствует сохранению, накоплению и распространению творческих материалов движения. Установлены и охарактеризованы основные элементы социальных и культурных условий бытования бардовского движения Крыма в наши дни, определены главные тенденции, определяющие его развитие в регионе на современном этапе.

Ключевые слова: авторская песня, социокультурный контекст, культура Крыма, клубы авторской песни, современная авторская песня, К. Ю. Фролов, В. Г. Грачев, бардовское движение.

В СССР середины XX в. существовала потребность в средствах творческой и духовной реализации личности, альтернативных официальным. Произведения искусства, созданные в системе пропагандистского аппарата, не позволяли свободно и честно высказываться на актуальные и значимые для людей темы, что во многом способствовало развитию и популяризации альтернативных течений в обществе. Одним из наиболее значимых в этом смысле стал феномен авторской песни, который являлся способом удовлетворения человеческой потребности в восприятии честного, искреннего и тематически актуального искусства. Как пишет Я. М. Бокова: «С самого начала бардовская песня создавалась в кругу друзей и родственников и была направлена на духовное единение людей, хорошо понимающих друг друга. Поэт-певец как бы нащупывал общие связующие нити между собой и слушателями, искал товарищей по духу, “отбирал” свою аудиторию, которая разделяла его взгляд на жизнь, эстетические и этические принципы» [5, с. 43]. В XXI в. отечественное искусство не подвергается столь тщательной и системной цензуре, равно как и отсутствует подобное идеологическое давление со стороны государства. Тем не менее авторская песня существует как течение в современном искусстве и продолжает развиваться.

Существует ряд исследований, посвященных изучению авторской песни, однако они рассматривают предмет преимущественно с позиций филологии, музыковедения, искусствоведения. Комплексным осмыслением данного явления как феномена советской культуры занималась Е. Н. Хомутова [20]. Систематизация и контекстуализация литературоведческого осмысления авторской песни отражены в работе А. В. Кулагина [15]. Т. М. Ершова изучала рассматриваемый феномен в его непосредственной связи с фольклорными традициями [10]. Раскрытие роли авторской песни в коммуникативном пространстве культуры исследовала Т. М. Галактионова [6]. Д. К. Кострикова рассматривает авторскую песню как неотъемлемую часть национальной культуры, отображающую ценностные ориентиры эпохи [12]. Л. П. Беленький обосновывает статус явления как нематериального культурного

наследия, рассматривая его в качестве элемента мировой устной песенной традиции [4] и описывает его положение в отечественной песенной культуре [3]. Вопрос оппозиции бардовского движения государственной политике СССР в XX в. представлен в исследовании Я. М. Боковой [5]. И. Н. Лапшина раскрывает роль авторской песни как альтернативного культурного течения в СССР, являвшегося носителем ценностей свободы и искренности [16]. Положение изучаемого явления в контексте информационного общества, а также современные коммуникативные ситуации ее бытования исследовала И. С. Кузьмина [13].

Большая часть исследовательского внимания была направлена на изучение феномена именно в период его бытования в СССР. Современное состояние авторской песни остается малоизученным, в связи с чем актуализируется потребность его культурологического осмысления, в том числе в качестве потенциального культурного ресурса регионов. Остается открытым ряд вопросов относительно роли феномена в системе современной культуры. Кроме того, социальный и культурный контекст развития бардовского движения на современном этапе ранее не являлся предметом исследований. Стоит отметить и важность возникновения «магнитиздата» как одного из ключевых факторов распространения авторской песни в XX в. В связи с этим становится актуальным изучение влияния новых технических средств записи аудио- и видеоматериалов на жизнь бардовского движения в XXI в. Также следует упомянуть, что существующие на данный момент исследования, как правило, направлены на изучение данного движения в целом и не учитывают региональную специфику, которой обладают его локальные варианты, при этом именно местные условия являются важным фактором развития сообществ, что обуславливает необходимость изучения этих условий.

Данное исследование нацелено на выявление основных элементов, определяющих современный социокультурный контекст развития движения авторской песни в Крыму.

Исследование опирается на документы представителей бардовского движения: статьи, биографии, интервью, электронные ре-

сурсы, созданные и поддерживаемые самими бардами. Были собраны и синтезированы сведения и факты, позволяющие реконструировать историю крымского бардовского движения и выделить наиболее значимые элементы, влияющие на его развитие.

Теоретико-методологической основой исследования послужил комплексный подход к изучению истории данного явления, основой которого стал контекстуально-интерпретационный анализ. В целях определения наиболее значимых факторов, повлиявших на формирование социокультурного контекста бытования авторской песни, применялся социокультурный подход. Также использовался биографический метод для выявления качественных характеристик и ценностных ориентиров, присущих наиболее примечательным представителям бардовского сообщества полуострова.

Для достижения цели необходимо сначала обозначить наиболее важные в контексте исследования элементы движения в целом, что позволит связать региональную специфику авторской песни Крыма с общими чертами явления. Это необходимый шаг к пониманию тех условий, в которых создавались и действовали бардовские сообщества региона. Далее следует на основе биографических материалов и документов восстановить процесс формирования движения в Крыму, выделить наиболее значимые его аспекты, охарактеризовать деятельность его участников на современном этапе.

Научная значимость исследования заключается в восполнении имеющихся фактографических пробелов, что поможет преодолеть некоторую фрагментарность исторической реконструкции бардовского движения в регионе и послужит систематизации существующей информации о состоянии и развитии рассматриваемого явления.

Движение авторской песни является важной частью культуры СССР второй половины XX в. Представители движения, называвшиеся «бардами», занимали оппозиционное положение относительно партийно-одобренного искусства, являясь носителями ценностей честности, свободы и искренности,

что нашло отражение во всех аспектах их творчества. Социальные истоки движения связаны с различными слоями советского общества [15]. До появления единого термина употреблялись словосочетания «туристическая песня», «студенческая песня» и т.д. Все это впоследствии объединилось в общее понятие «самодеятельная песня», что наилучшим образом отражало неформальный характер такой творческой деятельности, который стал одной из специфических черт движения.

Непосредственное, личное, искреннее общение является важнейшей основой бардовской деятельности и, как следствие, всего движения. Главным средством реализации этого фундаментального элемента и является песня, которая в данном случае выступает как комплексный метод коммуникации, включающий в себя вербальные и невербальные способы передачи авторской позиции. Во многих бардовских текстах подчеркивается «смысловая» природа такой песни, приоритет смысла текста над музыкой. Принимая во внимание вышесказанное, становится очевидным значение понятия «авторская песня», которое сконцентрировано на трансляции слушателям отношения автора произведения к темам, затрагиваемым в нем. Данное уточнение является необходимым, учитывая широту возможностей определения термина «авторская песня» в контексте музыкального искусства в целом. Строго говоря, все песни, имеющие известного автора, являются авторскими. Однако существует исторически обусловленная практика употребления вышеуказанного термина для обозначения конкретного культурного явления в советском искусстве второй половины XX в. Таким образом, в контексте данного исследования термин «авторская песня» можно считать синонимичным понятию «бардовская песня».

Существует множество биографических материалов, связанных с представителями движения авторской песни и раскрывающих условия бытования данного культурного феномена в различные периоды истории СССР. Значительное количество публицистических статей, воспоминаний, очерков и заметок размещены на тематических сайтах движения, в социальных сетях и личных блогах авторов.

Среди наглядных примеров такого рода материалов можно назвать «Международный портал авторской песни» [17], являющийся важным центром движения в сети Интернет; личный блог Льва Авсияна [1], представляющий собой собрание воспоминаний автора о различных примечательных событиях и персоналиях в истории феномена на территории полуострова, изложенных с позиции очевидца, и др. Помимо этого, рядом авторов выпускаются печатные сборники собственных произведений, которые также часто содержат значительное количество биографических текстов, фотографий и т.д. Примером такого издания можно назвать повествовательно-поэтическую книгу «Пока звучат надежды струны» В. Г. Грачева (2011), содержащую значительное количество текстов о важных событиях в жизни бардовского сообщества региона [7]. В воспоминаниях активных участников движения освещены различные аспекты социальных и культурных условий их деятельности.

Описанные в источниках трудности организации мероприятий и встреч наглядно демонстрируют андеграундный характер бардовского движения, что в значительной мере обусловило некоторые специфические черты его сформировавшейся субкультуры. При этом влияние носило взаимонаправленный характер, что выражалось в активном воздействии социума на развитие бардовской культуры, которая, в свою очередь, трансформировала окружающую среду. Как пишет А. В. Кулагин, «во второй половине 80-х, отмеченной печатью бурной общественной жизни, авторская песня воспринимается пока еще как явление современное и вписывается в контекст тогдашней ситуации; в ту пору можно было услышать или прочитать фразу о том, что “барды готовили Перестройку”» [15, с. 5]. Таким образом, наглядно прослеживается значительная степень влияния авторской песни на социокультурный контекст ее бытования и вместе с тем «очевидно, что авторская песня ярче других типов поэзии зависит от “формата бытования” – собственно самих условий исполнения и коммуникативной ситуации самого текста» [14, с. 60].

Отслеживая различные нюансы исторических условий становления феномена, можно

выделить ряд наиболее значимых элементов движения любителей авторской песни как своеобразной субкультуры. Отдельным, наиболее показательным и значимым аспектом развития рассматриваемого явления является эволюция средств записи, передачи и воспроизведения песенных материалов. Особая роль технических устройств обусловлена, во-первых, уникальной самобытностью продуктов бардовского творчества, обладавших благодаря этому качеству особой ценностью и нуждавшихся в точной фиксации, и, во-вторых, возможностью тиражирования данных записей, что послужило необходимой основой для становления движения и его развития в качестве одного из значимых элементов культурной жизни советского общества.

В начальные периоды эволюции феномена авторской песни основным методом распространения песенных материалов была их непосредственная передача в условиях личной встречи. Тексты и мелодии заучивались или же фиксировались с помощью доступных письменных средств. Здесь стоит отметить, что синтетическая природа явления делает затруднительным полноценное воспроизведение песенных материалов без возможности зафиксировать некоторые важные аспекты авторского исполнения песни, к которым относятся пластика, мимика и интонация. Перечисленные артистические качества являются важными каналами невербальной коммуникации, способствующими установлению доверительного контакта между слушателями и исполнителем. Таким образом, можно заключить, что одним из главных ограничивающих факторов на начальных этапах развития движения были технические трудности, связанные с отсутствием доступных средств записи и воспроизведения песенных материалов, в связи с этим следующим важным событием, впоследствии во многом определившим облик изучаемого явления, является появление ленточных магнитофонов. Возникновение доступных средств звукозаписи предоставило возможность сохранения авторской манеры исполнения при передаче песенных материалов вне ситуации личного общения, вследствие чего интенсивность распростра-

нения и популяризации авторской песни значительно возросла.

Другим важным фактором, оказавшим значительное влияние на развитие движения авторской песни в СССР, является идеологическое давление со стороны государства в сфере искусства. Период «оттепели» принято считать моментом зарождения авторской песни как культурного феномена. Доминирующими настроениями эпохи являлись стремление к творческой свободе, надежда на обновление социализма, выход за пределы привычного набора идей и стереотипов. В то же время советская власть стремилась удержать контроль в вопросах управления культурными процессами страны, декларируя, что «сохранение идейной партийной линии – цель и задача творчества писателей и художников» (цит. по: [18, с. 120]). Такая позиция вступала в прямой конфликт с идеалами свободы самовыражения личности, транслируемыми бардовским творчеством: «Имея глубокие народные корни, тесную связь с городским романсом, фольклором, “дворовыми” и “блатными” мотивами, авторская (бардовская) песня противилась фальши, лицемерию, пустому разглагольствованию и духовной пустоте казенной культуры» [5, с. 43]. Творчество бардов находило отклик среди слушателей, а впоследствии их произведения стали исполняться на концертах, фестивалях, организовывались клубы самодетельной песни. Тем не менее общие тенденции борьбы государственных структур с проявлениями бардовского движения в той или иной степени прослеживались вплоть до распада СССР. В XXI в. в связи с исчезновением идеологического давления со стороны государства сохраняется тенденция противопоставления авторской песни как явления интеллектуального, неофициального массовой культуре.

Описанные особенности развития авторской песни как культурного явления во многом определили его самобытный характер. В деятельности бардовских сообществ крымского региона на современном этапе наблюдается продолжение многих тенденций, наблюдаемых в XX в. При этом можно выделить и некоторые изменения в форме бытования рассматриваемого феномена. Так, важным

фактором в жизни движения стало появление современных технических средств. Записи многочисленных мероприятий публикуются в сети Интернет, а применяемые интернет-ресурсы разнообразны и включают в себя тематические группы в социальных сетях, специализированные сайты, форумы, персональные сайты индивидуальных авторов. Как следствие, местное сообщество оказывается в значительной степени включенным в контекст движения в целом, что позволяет устанавливать контакт с исполнителями авторской песни, проживающими на территории других регионов и стран. Результатом данного процесса является налаживание творческих связей и взаимообогащение оригинальными идеями. Примечательно, что развитие средств коммуникации и распространения материалов не изменило приоритетность личного общения среди представителей движения. Основной формой деятельности в бардовском сообществе остается непосредственная встреча в пространстве концертной площадки, фестиваля, клубного собрания.

Вышеизложенные аспекты развития движения авторской песни формируют те социальные, культурные и исторические условия, в которых создавались первые крымские Клубы самодетельной песни (далее – КСП). Наиболее значимыми здесь представляются три организации: «Таласса» (Симферополь), «Ахтиар» (Севастополь) и «Галс» (Керчь). История деятельности и сотрудничества симферопольского и севастопольского клубов задокументирована в биографических материалах непосредственных участников движения. При этом создание и подробности работы керченского КСП «Галс» не отражены в источниках, что затрудняет задачу реконструкции изучаемых процессов. Тем не менее имеющаяся информация позволяет оценить основные вехи развития бардовского движения в регионе. Наиболее примечательным этапом является организация первого и крупнейшего ежегодного крымского бардовского лагеря «Барзовка» председателем КСП «Галс» Ю. И. Черноморченко в 1982 г. [8, с. 9]. Изначально проводившийся на пляже на косе Тузла лагерь получил закрепившееся за ним название в связи со вторым местом своего

проведения – берег Керченского пролива недалеко от мыса Барзовка. Организация лагеря была вызвана острой потребностью в создании пространства, где авторы могли бы свободно обмениваться творческим материалом без временных ограничений, вызванных краткостью большинства проводимых фестивалей авторской песни. Впоследствии «Барзовка» становится местом встреч и отдыха множества участников бардовского движения со всей территории СССР.

Помимо творческих и рекреационных мероприятий, в лагере проводились теоретические семинары, посвященные осмыслению сущности авторской песни. Наиболее примечательным результатом этой работы явилось итоговое решение трехдневного семинара 1986 г., на которое ссылается в книге «Наша авторская...» Ю. А. Андреев [2]. Данный документ, выступающий в качестве своеобразного манифеста бардовского движения, в четырех пунктах содержал определение понятия самодеятельной (или авторской) песни, обозначал цели клубов самодеятельной песни, выдвигал требования соответствия деятельности членов КСП высоким нравственным принципам, декларируемым самодеятельной песней, призывал к созданию региональных объединений и Союзного совета КСП (см. [2]).

В. Г. Грачев в книге «Пока звучат надежды струны: Откровения крымского барда» описывает процесс формирования симферопольского клуба самодеятельной песни (впоследствии «литературно-бардовской мастерской») «Таласса». Датой основания организации автор указывает 25 апреля 1981 г. В тот день состоялся первый концерт ансамбля, членами которого являлись С. Головин, Д. и Н. Кокос, В. Хачатурян, Е. Карпенко, В. Грачев. Впоследствии на основе этого коллектива непосредственно сформировался клуб самодеятельной песни, сохранивший название ансамбля. В 1982 г. на базе ДК «Маяк» КСП «Таласса» проводил первый городской фестиваль, в котором, тем не менее, приняли участие и представители других населенных пунктов полуострова, тем самым фактически возведя его в статус всекрымского [8, с. 12]. Мероприятие привлекло в клуб значительное количество новых членов и закономерно стимулировало

его развитие как важного центра бардовского сообщества Крыма.

Другой значимый КСП «Ахтиар» был основан 6 февраля 1980 г., когда в Севастополе, в подвальном помещении на улице Большой Морской состоялась первая встреча его участников. Клуб не привлекал внимание аудитории на ранних этапах своего становления, в связи с чем его коллектив испытывал значительные трудности в процессе поиска возможностей организации публичных выступлений. Как отмечают современники, «конечно, они общались со знатоками жанра, нащупывали контакты. Но практически, сами пробивались сквозь глухую стену недоверия властей разного уровня» [9]. Главным препятствием в официальном оформлении организации была необходимость преодоления недоверия властных структур к неизвестным бардам, не получившим партийного одобрения: «требовалась какая-то “заслуга”» [9]. Решающим событием стала конференция ВЛКСМ, где коллектив КСП «Ахтиар» выступал в роли агитационной бригады. Артистам было поручено скандировать политические лозунги, исполнять известные военные песни. Работа на этом мероприятии позволила клубу получить рекомендацию и, по словам Владимира Губанова, «как ни коробило нас от “первого задания”, комсомольцы куда нужно позвонили, и мы пришли в ГДК на уже подготовленную почву» [9]. С этого момента КСП «Ахтиар» начал свое официальное существование.

За прошедшие десятилетия клубы авторской песни Крыма плодотворно развивались и в настоящее время продолжают вести активную организационную деятельность, предоставляя авторам пространство для выступлений, обмена опытом и презентации новых произведений. В. Грачев в интервью для новостного портала «А4 новости» так описывает деятельность клуба: «В составе членов мастерской около 50 человек. Поддерживая сложившиеся традиции в обновленном виде, но в той же литературной направленности (правда – расширенной и дополненной новыми реалиями) литературно-бардовская мастерская «Таласса» продолжает собирать под сводами подвальчика крымских поэтов и бардов, историков и писателей, просто интерес-

нейших людей, которым есть чем поделиться с другими. В ней царит атмосфера творчества и познания» [19]. Стоит заметить, что в деятельности клуба принимают участие не только барды, что отражено в современном названии организации «Литературно-бардовская мастерская “Таласса”». В том же интервью В. Грачев отмечает: «Часто к нам приезжают гости – друзья поэты и барды из других городов Крыма: Евпатории, Бахчисарая, Ялты, Алушты, Керчи, Севастополя, Феодосии. Список тех, кто выступал хоть однажды в подвальчике, огромен...»; «частые гости в мастерской – художники. Они выставляют в подвальчике свои картины и привносят определенный колорит в общение» [19].

Другой важной частью современного бардовского движения Крыма является традиция проведения регулярных фестивалей. Многочисленные слеты остаются актуальной формой бардовской деятельности, предоставляя пространство для органичной реализации коммуникативной природы авторской песни как средства доверительного искреннего общения. В то же время специфика Крыма как региона, обладающего большим количеством уникальных природных объектов и привлекательных туристических локаций, способствует популяризации мероприятий такого типа.

В XXI в. сохраняется тенденция использования авторской песни для преобразования культурного ландшафта региона. Коммуникативная природа феномена, его эффективность как способа поиска единомышленников имеет значительный потенциал к формированию социальных процессов. Посредством исполнения песен автор транслирует свою индивидуальную интерпретацию истории и современности. Формируя и трансформируя образы событий, становится возможным оказание значительного влияния на общественное сознание и, опосредованно, на культурный ландшафт региона. Интенсивность такого воздействия находится в прямой зависимости от популярности авторской интерпретации темы, избранной для творческого осмысления. При достаточной распространенности транслируемого автором образа в культуре региона может закрепиться его устойчивая ассоциация с реальным событием вплоть до

полного замещения действительности ее художественной трактовкой. Закрепившаяся таким методом интерпретация становится общепринятой и побуждает последующих авторов рассматривать новые события с этой позиции [11].

Наиболее примечательными примерами обозначенной выше тенденции является творчество Константина Фролова и Владимира Грачева. В последние десятилетия в авторских песнях этих деятелей бардовского движения значительно актуализируется гражданская тематика. Так, в 2018 г. вышел сборник творчества В. Грачева «Пока звучат надежды струны. Часть 2: До и после “Крымской весны”». Представленные в нем авторские материалы включают в себя очерки и стихотворения, которые описывают различные исторически значимые события, происходившие на территории полуострова Крым начиная от давних времен Крещения Руси и заканчивая современными: «Крымская весна», строительство Крымского моста, развитие современного туризма и становление обновленной Республики Крым в составе Российской Федерации [8].

Константин Фролов также сделал историю тематической доминантой своего творчества. Множество стихотворений автора направлены на осмысление значимых событий и персоналий, и вопросы гражданственности занимают видное место в его произведениях, созданных в последние годы. 27 ноября 2023 г. на сцене Государственного академического музыкального театра г. Симферополя состоялся концерт Константина Фролова «Своих не бросаем», посвященный новым произведениям автора. На этом мероприятии были представлены два недавно увидевших свет сборника стихотворений: «Время дано» и «Хроники СВО». Всего за период с 2022 по 2024 гг. крымский бард создал более 700 произведений.

* * *

Таким образом, активная деятельность представителей движения авторской песни продолжает оказывать существенное влияние на культурные и социальные процессы Крыма, остается значимой частью жизни полуострова и на современном этапе. В данном исследовании были описаны лишь представляющиеся

наиболее значимыми элементами бардовского движения в регионе, тем не менее собранные сведения позволяют определить некоторые общие тенденции в развитии феномена. Авторская песня полуострова сохраняет традиции, сформировавшиеся во второй половине XX в. и адаптируется под современные реалии, отображая и переосмысляя актуальные исторические события, социальные и культурные изменения. Развитие технических средств аудио- и видеозаписи стимулирует процесс сохранения творческих материалов и, соответственно, трансляции ценностей, лежащих в основе бардовской субкультуры. По-прежнему прослеживается тенденция противопоставления авторской песни «массовой» музыке. Основной формой творческой активности бардовского сообщества Крыма остается прове-

дение фестивалей, концертов, квартирников, лагерей.

Исследование документов и биографических материалов участников движения в регионе также выявило существенный недостаток информации относительно некоторых значимых эпизодов истории самого движения, а именно деятельности КСП «Галс» и летнего бард-лагеря «Барзовка», в связи с чем перспективным направлением будущих исследований представляется сбор дополнительных сведений, восполняющих бы имеющийся недостаток фактической информации. Кроме того, в свете важности интернет-коммуникации в жизни современных сообществ актуально исследование сетевой составляющей среды бытования бардовского движения, которая до сих пор остается нераскрытой.

Rodimir A. ZEMKO

Postgraduate Student,
Crimean University of Culture, Arts and Tourism,
Simferopol, Russian Federation
rodomirz@yandex.ru

***The Sociocultural Context of the Bardic Movement
in the Republic of Crimea at the Present Stage***

Abstract. The article is aimed at identifying the most significant elements that determine the modern social and cultural context of the development of the bard song movement in the Republic of Crimea. The research material is presented mainly by articles on the history of the movement, biographies, interview recordings and electronic resources created and maintained by bards themselves. Documents related to the participants of the Crimean regional bard community were studied. The theoretical and methodological basis of the study was a comprehensive approach, the basis of which was the use of contextual-interpretative analysis; the sociocultural approach and the biographical method were also used. The first step towards achieving the aim was to identify the most significant elements of the bard song phenomenon as a whole, which made it possible to link the regional specifics of the movement with the general characteristics of the phenomenon. Further, based on biographical sources containing testimonies and recollections of direct participants in the historical events under consideration, the emergence and development of the main organizations that formed the basis of the regional bard movement that took place in the late Soviet period were reconstructed. At the same time, special attention was paid to the disclosure of the role of the evolution of technical means of recording and playing audio and video materials as an important aspect of the history of the phenomenon. Meanwhile, it is emphasized that the development of communication tools and distribution of musical materials did not change the priority of personal communication among the representatives of the movement. The study demonstrated that the modern bard movement of the Republic of Crimea continues to exert a significant influence on the social and cultural processes of the region. The author points to the wide possibilities of using the bard song to transform the regional cultural landscape. It was established that the bard song of Crimea retains many trends that formed in the second half of the twentieth century

and at the same time successfully adapts to modern realities, still having significant social relevance. The tendency to contrast the bard song with “mass” music, which was also characteristic of the Soviet period, is quite clearly traced. It is noted that the holding of festivals, concerts, apartment concerts, camps remains the main form of creative activity of the bard community of Crimea.

Keywords: bard song, sociocultural context, culture of Crimea, bard song clubs, modern bard song, Konstantin Frolov, Vladimir Grachev, bard movement.

Использованная литература:

1. Авторская песня в Крыму [Личный блог Л. Авсияна] [Электронный ресурс]. URL: <https://av-zion.livejournal.com/671.html> (дата обращения: 16.10.2024).
2. Андреев Ю. А. Наша авторская... История, теория и современное состояние самодеятельной песни. М.: Молодая гвардия, 1991.
3. Беленький Л. П. Авторская песня в отечественной песенной культуре второй половины XX века: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. М., 2015. 194 с.
4. Беленький Л. П. Авторская песня как нематериальное культурное наследие в контексте многовековой устной песенной культуры [Электронный ресурс] // Журнал Института наследия: [сетевое научное рецензируемое издание]. 2019. № 3 (18). URL: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/302.html> (дата обращения: 15.10.2024).
5. Бокова Я. М. Авторская песня как элемент противостояния официальному советскому искусству // Вестник магистратуры. 2016. № 1–5 (52). С. 43–45.
6. Галактионова Т. М. Роль авторской песни в коммуникационном пространстве культуры // Вестник КГУ. 2011. № 1. С. 41–42.
7. Грачев В. Г. Пока звучат надежды струны: Откровения крымского барда. Симферополь: Антиква, 2011. 336 с.
8. Грачев В. Г. Пока звучат надежды струны... Часть 2: До и после «Крымской весны». Симферополь: Антиква, 2018. 224 с.
9. Губанов В. Струной озвученное время [Электронный ресурс] // Севастопольская Бард-Афиша. 2010. URL: <https://sevbardafisha.narod.ru/03.html> (дата обращения: 12.04.2024).
10. Ершова Т. М. Авторская песня и фольклорные традиции // Челябинский гуманитарий. 2013. № 1 (22). С. 86–90.
11. Киселева О. В., Науметова Ю. Э. Формирование общественного мнения и способы манипулирования им в различных целях // Международный журнал экспериментального образования. 2017. № 6. С. 91–95.
12. Кострикова Д. К. Авторская песня как социальный и культурный феномен // Наука и современность. 2010. № 1–1. С. 158–162.
13. Кузьмина И. С. Авторская песня как автономное культурное пространство в рамках информационного общества // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2009. № 2 (4). С. 114–116.
14. Кузьмина И. С. Феномен современной фестивальной авторской песни // Вестник ЧелГУ. 2010. № 17. С. 60–63.

References:

1. Avsiyan, L. (2024) *Avtorskaya pesnya v Krymu* [Bard Song in Crimea]. [Lichnyy blog L. Avsiyana [Personal Blog of L. Avsiyan]]. [Online] Available from: <https://av-zion.livejournal.com/671.html> (Accessed: 16.10.2024).
2. Andreev, Yu.A. (1991) *Nasha avtorskaya... Istoriya, teoriya i sovremennoe sostoyanie samodeyatel'noy pesni* [Our Bard... History, Theory and Current State of Amateur Song]. Moscow: Molodaya gvardiya. 270 p.
3. Belen'kiy, L.P. (2015) *Avtorskaya pesnya v otechestvennoy pesennoy kul'ture vtoroy poloviny XX veka* [Bard Song in the Domestic Song Culture of the Second Half of the 20th Century]. Culturology Cand. Diss. Moscow. 194 p.
4. Belen'kiy, L.P. (2019) *Avtorskaya pesnya kak nematerial'noe kul'turnoe nasledie v kontekste mnogovekovoy ustnoy pesennoy kul'tury* [Bard Song as Intangible Cultural Heritage in the Context of Centuries-Old Oral Song Culture]. *Zhurnal instituta naslediya*. 3 (18). pp. 1–7.
5. Bokova, Ya.M. (2016) *Avtorskaya pesnya kak element protivostoyaniya ofitsial'nomu sovetскому iskusstvu* [Bard Song as an Element of Opposition to Official Soviet Art]. *Vestnik magistratury*. 1–5 (52). pp. 43–45.
6. Galaktionova, T.M. (2011) *Rol' avtorskoй pesni v kommunikatsionnom prostranstve kul'tury* [The Role of Bard Song in the Communication Space of Culture]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1. pp. 41–42.
7. Grachev, V.G. (2011) *Poka zvuchat nadezhdy struny: Otkroveniya krymskogo barda* [While the Hopes of the Strings Sound: Revelations of a Crimean Bard]. Simferopol: Antikva. 336 p.
8. Grachev, V.G. (2018) *Poka zvuchat nadezhdy struny... Chast' 2: Do i posle "Krymskoy vesny"* [While the Hopes of the Strings Sound... Part 2: Before and After the “Crimean Spring”]. Simferopol: Antikva. 224 p.
9. Gubanov, V. (2010) *Strunoy ozvuchennoe vremya* [Time Voiced by the String]. Sevastopol'skaya Bard-Afisha [Sevastopol Bard-Poster]. [Online] Available from: <https://sevbardafisha.narod.ru/03.html> (Accessed: 12.04.2024).
10. Ershova, T.M. (2013) *Avtorskaya pesnya i fol'klornye traditsii* [Bard Song and Folklore Traditions]. *Chelyabinskii gumanitariy*. 1 (22). pp. 86–90.
11. Kiseleva, O.V. & Naumetova, Yu.E. (2017) *Formirovaniye obshchestvennogo mneniya i sposoby manipulirovaniya im v razlichnykh tselyakh* [Formation of Public Opinion and Methods of Manipulating It for Various Purposes]. *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya*. 6. pp. 91–95.
12. Kostrikova, D.K. (2010) *Avtorskaya pesnya kak sotsial'nyy i kul'turnyy fenomen* [Bard Song as a Social

15. Кулагин А. В. Барды и филологи: авторская песня в зеркале литературоведения. Коломна: Московский гос. обл. соц.-гум. институт, 2011. 156 с.
16. Лапшина И. Н. Авторская песня – голос свободы // Молодой ученый. 2015. № 16 (96). С. 469–472.
17. Международный портал авторской песни [Электронный ресурс]. URL: <http://bards.ru> (дата обращения: 15.10.2024).
18. Орлова Ю. А. Авторская песня как феномен советской культуры // Теория и практика общественного развития. 2011. № 4. С. 120–127.
19. Третьякова А. «Таласса» – литературно-бардовская мастерская, объединяющая поэтов и бардов: интервью с крымским бардом Владимиром Грачевым [Электронный ресурс] // А4 Новости: Сетевое издание. 2021. 24 ноября. URL: https://a4.news/obshhestvo/talassa_-_literaturno-bardovskaya_masterskaya_obedinyayushhaya_poetov_i_bardov (дата обращения: 14.08.2024).
20. Хомутова Е. Н. Феномен авторской песни в отечественной культуре середины XX века: дис. ... канд. культурологии. Нижневартовск, 2002. 137 с.
- and Cultural Phenomenon]. *Nauka i sovremennost'*. 1–1. pp. 158–162.
13. Kuz'mina, I.S. (2009) Avtorskaya pesnya kak avtonomnoe kul'turnoe prostranstvo v ramkakh informatsionnogo obshchestva [Bard Song as an Autonomous Cultural Space Within the Information Society]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*. 2 (4). pp. 114–116.
14. Kuz'mina, I.S. (2010) Fenomen sovremennoy festival'noy avtorskoy pesni [Phenomenon of Modern Festival Bard Song]. *Vestnik ChelGU*. 17. pp. 60–63.
15. Kulagin, A.V. (2011) *Bardy i filologi: avtorskaya pesnya v zerkale literaturovedeniya* [Bards and Philologists: Bard Song in the Mirror of Literary Criticism]. Kolomna: Moscow State Regional Social and Humanitarian Institute. 156 p.
16. Lapshina, I.N. (2015) Avtorskaya pesnya — golos svobody / Tekst: neposredstvennyy [Bard Song – The Voice of Freedom / Text: Direct]. *Molodoy uchenyy*. 16 (96). pp. 469–472.
17. *Mezhdunarodnyy portal avtorskoy pesni* [International Portal of Bard Songs]. [Online] Available from: <http://bards.ru> (Accessed: 15.10.2024).
18. Orlova, Yu.A. (2011) Avtorskaya pesnya kak fenomen sovetskoy kul'tury [Bard Song as a Phenomenon of Soviet Culture]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 4. pp. 120–127.
19. Tret'yakova, A. (2024) "Talassa" – literaturno-bardovskaya masterskaya, ob"edinyayushchaya poetov i bardov ["Thalassa" – A Literary and Bard Workshop Uniting Poets and Bards]. *A4 Novosti*. [Online] Available from: https://a4.news/obshhestvo/talassa_-_literaturno-bardovskaya_masterskaya_obedinyayushhaya_poetov_i_bardov (Accessed: 14.08.2024).
20. Khomutova, E.N. (2002) *Fenomen avtorskoy pesni v otechestvennoy kul'ture serediny XX veka* [The Phenomenon of Bard Song in the Domestic Culture of the Mid-20th Century]. Culturology Cand. Diss. Nizhnevartovsk. 137 p.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Земко, Р. А. Социокультурный контекст бардовского движения в Республике Крым на современном этапе / Р. А. Земко. – Текст : электронный. – DOI 10.36343/SB.2024.39.3.009 // Наследие веков. – 2024. – № 3. – С. 125–134. – URL: http://heritage-magazine.com/index.php/HC/article/view/___/___ (дата обращения: ДД.ММ.ГГГГ).

Full bibliographic reference to the article:

Zemko, R.A. (2024) The Sociocultural Context of the Bardic Movement in the Republic of Crimea at the Present Stage. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 125–134. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2024.39.3.009

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

№ 3 (39)
2024

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2412-9798

16+

ЮЖНОГО ФИЛИАЛА ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

Сетевое издание

Выходит четыре раза в год

Учредители: ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева»;

АНО Центр духовного развития и патриотического воспитания «Родные традиции»

Издатель: Южный филиал ФГБНИУ «Российский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»

Главный редактор: Горлова И. И., e-mail: ii.gorlova@gmail.com

Адрес редакции: 350063, г. Краснодар, ул. Красная, д. 28, оф. 5

Телефон: +7 (861) 268-22-98

E-mail: heritage.krasnodar@gmail.com

Издание зарегистрировано в Роскомнадзоре.

Регистрационное удостоверение: Эл № ФС 77 - 76198 от 19 июля 2019 г.

Присланные в редакцию материалы публикаций рецензируются в соответствии с Порядком рецензирования рукописей и не возвращаются авторам.

Все права на любые материалы, опубликованные в настоящем издании, защищены в соответствии с российским и международным законодательством об авторском праве и смежных правах.

Использование материалов, размещенных в настоящем издании, допускается при условии обязательного указания точной гиперссылки на журнал «Наследие веков». Гиперссылка делается на оригинальный адрес публикации (URL). При воспроизведении материалов не допускается искажение смысла используемого текста.

Название журнала на русском языке: Наследие веков

Транслитерация названия журнала: Nasledie vekov

Название журнала на английском языке: Heritage of Centuries

При изготовлении обложки был использован фрагмент цифровой копии полотна Н. К. Рериха "Заморские гости" (1901), холст, масло (85x112,5), Государственная Третьяковская галерея. URL: https://cdn.tretyakov.ru/mytretyakov/26/0bed971f375bd1ee87af018f866138bd/thumb/2043d1779a53621b967d49dd1e7dac42_x1.jpg

Дизайн сайта <http://heritage-magazine.com>:

Т. В. Коваленко, А. В. Крюков

Верстка html-версии журнала:

А. В. Крюков

Дизайн pdf-версии журнала:

Т. В. Коваленко, А. В. Крюков

Компьютерная верстка pdf-версии журнала:

А. В. Крюков

Дизайн обложки: А. В. Крюков, Т. В. Коваленко

Редактура текстов статей:

М. В. Шаройко

Редактура приставейных списков литературы на русском языке:

М. В. Шаройко, А. В. Крюков

Редактура приставейных списков литературы на английском языке: В. В. Кашпур

Редактура аннотаций на английском языке:

В. В. Кашпур

Издание индексируется:

- в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), (договор 714-11/2015).

Страница издания: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56593

- в системе Google Scholar.

Ссылка: https://scholar.google.ru/scholar?start=10&q=heritage-magazine.com&hl=ru&as_sdt=0,5

Распоряжением Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. № 21-р электронный журнал «Наследие веков» включен в **Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.**

Номер сверстан: 29. 09. 2024

Размещен в сети Интернет: 30. 09. 2024

Гарнитура: Cambria

Формат: 210x297 (60x84/8)

Усл. печ. л.: 16,2

Уч.-изд. л.: 13,4

Размер файла: 15,6Mb

© Наследие Веков

© АНО ЦДРПВ «Родные традиции»

© Южный филиал ФГБНИУ «Российский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»